

Гиллиан Флинн
Джо Аберкромби
Пол Корнелл
Уолтер Йон Уильямс
Дэвид У. Болл
Гарт Никс
Брэдли Дентон
Нил Гейман
Стивен Сейлор
Керри Вон
Скотт Линч
Дэниел Абрахам
Лиза Татл
Чери Прист
Филлис Эйзенштейн
Джордж Р. Р. Мартин
Конни Уиллис
Мэтью Хьюз
Майкл Суэнвик
Патрик Ротфусс
Джо Р. Лансдейл
Негодяи (сборник)

Серия «The Best Of. Фантастика, фэнтези, мистика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11080757

Негодяи : [сборник рассказов] / Джордж Р.Р. Мартин, Гил-лиан Флинн, Джо Аберкромби и др. ; [пер. с англ.].: Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-80232-6

Аннотация

«Все любят негодяев... хотя иногда жалеют об этом всю оставшуюся жизнь.

Подлецы, ловкачи и прохвосты. Лоботрясы, воры, обманщики и плуты. Плохие парни и девчонки. Жулики, соблазнитель, трюкачи, самозванцы, лжецы, хамы... имен у них много, они появляются в самых разных книгах, всех стилей, что придуманы в этом мире, в мифах и легендах... о да, и, конечно же, на всем протяжении истории человечества. Дети Локи, братья Койота. Иногда они герои, иногда – злодеи...»

Впервые на русском языке!

Содержание

Джордж Р. Р. Мартин	5
Джо Аберкромби	9
Джо Аберкромби	10
Гиллиан Флинн	33
Гиллиан Флинн	34
Мэтью Хьюз	55
Мэтью Хьюз	56
Джо Р. Лансдейл	75
Джо Р. Лансдейл	76
Майкл Суэнвик	96
Майкл Суэнвик	97
Дэвид У. Болл	117
Дэвид У. Болл	118
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Негодяи (сборник)

Rogues

Copyright © 2014 by George R. R. Martin and Gardner Dozois.

Introduction copyright © 2014 by George R. R. Martin.

This translation is published by arrangement with Bantam Books, an imprint of Random House, a division of Random House LLC.

© А. Хромова, В. Русанов, М. Новыш, перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Посвящается Джо и Джей Хальдеман, паре негодяев
и головорезов*

Джордж Р. Р. Мартин «Все Любят Негодяев»

...хотя иногда жалеют об этом всю оставшуюся жизнь.

Подлецы, ловкачи и прохвосты. Лоботрясы, воры, обманщики и плуты. Плохие парни и девчонки. Жулики, соблазнитель, трюкачи, самозванцы, лжецы, хамы... имен у них много, они появляются в самых разных книгах, всех стилей, что придуманы в этом мире, в мифах и легендах... о да, и, конечно же, на всем протяжении истории человечества. Дети Локи, братья Койота. Иногда они герои, иногда – злодеи. Но чаще всего они – нечто среднее, персонажи серого цвета... а серый всегда был моим любимым. Он ведь настолько интереснее просто черного или просто белого.

Думаю, я всегда был равнодушен к негодьям. В пятидесятых, когда я был мальчишкой, когда добрая половина лучшего эфирного времени на телевидении была оккупирована ситкоммами, другую половину твердо занимали вестерны. Мой отец любил вестерны, так что, пока я рос, я увидел их все, бесконечную череду шерифов и маршалов с Фронттира со стальными подбородками, один героичнее другого. Маршал Дилон, что скала, Уайат Эрп, храбрый, отважный и дерзкий (в песне, сделанной темой фильмов, об этом очень хорошо сказано). Одинокий Рейнджер, Хопалонг Кэссиди, Джин Отри и Рой Роджерс, героические, благородные, выдающиеся, отличный пример для любого молодого парня... и такие нереальные. Моими любимыми героями вестернов были те двое, что нарушали правила: Паладин, одевавшийся в черное (прямо будто злодей) всякий раз, как отправлялся в дорогу, но похожий на изнеженного денди всякий раз, как окажется в Сан-Франциско, «встречавшийся» (гм!) с хорошенькими девушками, меняя их каждую неделю, оказывавший услуги за деньги (герои ведь денег не берут), и братья Мэверик (в особенности Брет), очаровательные ловкачи, одевавшиеся, подобно профессиональным игрокам, в черные костюмы с узкими галстуками и модные роскошные жилеты, вместо обычных для маршалов Фронттира хлопковых жилетов, кокард и белых шляп. Таких, скорее, увидишь за покерным столом, чем в перестрелке.

Знаете, просматривая сегодня «Мэверика» и «Пушка есть – поехали», я понимаю, что они мне нравятся куда больше других вестернов тех времен. Можете сказать, что у них был сценарий получше, актеры получше, режиссеры получше, чем у прочих «лошадиных опер», и, возможно, будете правы... но я считаю, что фактор негодяя тоже сыграл свою роль.

Хорошего негодяя оценят не только поклонники старых вестернов. Суть в том, что этот архетип присутствует во всех жанрах и произведениях.

Клинт Иствуд стал звездой, играя таких персонажей, как Шумный Йейтс, Грязный Гарри и Человек Без Имени, негодяев. Если бы он сыграл Тихого Йейтса, Дотошного Билли и Человека С Двумя Удостоверениями, о нем никто бы и не услышал. Ну, конечно, когда я в колледже учился, я был знаком с девушкой, которая предпочитала Эшли Уилкса, всего такого благородного и жертвенного, по сравнению с грубияном Реттом Батлером, игроком, контрабандистом, прорывавшим блокаду... думаю, она одна такая была. Половина знакомых мне женщин, не задумываясь, предпочли бы Эшли Ретта, не говоря уже о Фрэнке Кеннеди и Чарльзе Уилксе. Харрисон Форд обрел популярность, играя негодяев, везде, и началось все с Хана Соло и Индианы Джонса. Есть ли хоть кто-то, кто честно предпочтет Хану Соло Люка Скайуокера? Ну да, Хан сразу сказал, что ввязывается в дело ради денег... отчего еще более потрясающим выглядело, когда под конец того эпизода «Звездных войн» он запулил Дарту Вейдеру ракетой под зад. (И, КОНЕЧНО ЖЕ, он выстрелил первым, что бы там потом Джордж Лукас ни пытался разьяснить насчет первого фильма трилогии.) А Инди... Инди –

просто образцовый негодяй. Вытащить револьвер и застрелить того парня с мечом – абсолютно бесчестно... но, ради всего святого, разве не за это мы его и любим?

Но негодяи правят не только в кино и на телевидении. Поглядите в книги.

Например, эпическую фэнтези.

Нынче фэнтези часто считают жанром, где абсолютное добро сражается с абсолютным злом, и, действительно, таких книг предостаточно, выходящих из-под пера бесчисленных подражателей Толкина, со всеми этими бесконечными темными владыками, злобными прислужниками и героями с квадратной челюстью. Но более ранние образчики фэнтези так и пестрят разными негодьями. Как и те, что идут в общем стиле «меча и магии». Конана Киммерийского, конечно, некоторые называют героем, но давайте не будем забывать, что еще он был вором, разбойником, пиратом, наемником, да и узурпатором к тому же, который сам себя посадил на украденный трон... а еще он спал с каждой красивой женщиной, какая по дороге попадалась. Фафхрд и Серый Мышелов еще большие негодяи, пусть и менее удачливые. Вряд ли кто-нибудь из них окончит свои дни королем. А еще Ловкач Кугель Джека Вэнса, совершенно аморальный (и совершенно очаровательный), тот, чьи планы никогда не приводят к желаемому результату, и тем не менее...

В исторических романах тоже достаточно удалых, хитрых и изворотливых прохвостов. Три мушкетера определенно не были чужды негодяйству (без него головорезом не станешь). Ретт Батлер в романе был не меньшим негодяем, чем в фильме. Майкл Шейбон подарил нам еще двоих чудесных негодяев, Амрама и Зеликмана из его исторического романа «Джентльмены с большой дороги». Надеюсь, на этой книге их история не закончится. Ну и, конечно же, бессмертный Гарри Флэшмен, придуманный Джорджем Макдональдом Фрэйзером (сэр Гарри Пэджет Флэшмен, кавалер Креста Виктории, ордена Бани и ордена Индийской империи, если вам угодно), персонаж, типа-вроде позаимствованный из «Школьных лет Тома Брауна», классического британского романа Томаса Хьюза о частной школе (вроде «Гарри Поттера», но без квиддича, магии и девочек). Если вы не читали книг Макдональда о Флэшмене (Хьюза можете смело пропустить, если не интересуетесь викторианским морализаторством), вам еще предстоит познакомиться с величайшим негодяем во всей литературе. Приглашаю вас пережить это.

Вестерны? Черт, весь Дикий Запад кишмя кишел негодьями. Герой вне закона – не редкость, как и злодей вне закона, если не чаще. Малыш Билли? Джесс Джеймс и его банда? Док Холлидэй, негодяй и гениальный дантист? Если мы еще раз обратимся к телевидению, на сей раз кабельному, вот вам известный и всеми восхваляемый «Дэдвуд» на НВО, и его главный герой, подлец Эл Сверенген. В исполнении Иэна Мак-Шейна Сверенген полностью затмевает того, кто предполагался героем, шерифа. Что ж, у негодяев всегда хорошо получалось воровать чужое. Это одно из лучших их умений.

А что насчет романтического жанра? Хо-хо. В романтических произведениях девушка почти всегда достается негодяю. В наши дни девушка САМА может оказаться негодяем, и это часто смотрится еще круче. Так приятно, когда шаблоны переворачивают с ног на голову.

В жанре детектива есть целые субжанры, посвященные негодьям. Частные сыщики всегда немного негодяи, будь они прямодушными и законопослушными, «ничего, кроме фактов, мэм», это были бы копы. А так – они иные.

Можно продолжать и дальше. Беллетристика, готика, паранормальное, ужасы, киберпанк, книги для девушек, стимпанк, городская фэнтези, романы о медицине, трагедии, комедии, эротика, триллеры, космическая опера, лошадиная опера, романы о спорте, романы о войне, романы о ковбоях... везде есть место негодьям, пусть и не всегда, но чаще они являются там самыми любимыми и самыми запоминающимися персонажами.

Не все эти жанры представлены в данном сборнике, увы... хотя отчасти мне этого хотелось бы. Может, я и сам негодяй, отчасти, может, мне нравится рисовать не по шаблону, но, на самом деле, я просто не очень-то признаю ограничения жанров. Сейчас я более известен как писатель в жанре фэнтези, но «Негодяи» не задумывались как антология произведений в этом жанре... пусть и фантазии тут немало. Мой собрат-редактор, Гарднер Дозуа, пару десятилетий проработал редактором в журнале научной фантастики, но «Негодяи» не стали и антологией научной фантастики... пусть тут и есть несколько научно-фантастических произведений, не хуже тех, что публикуются в ежемесячниках.

Подобно «Воинам» и «Опасным женщинам», нашим предыдущим антологиям, «Негодяи» задумывались как нечто, нарушающее всякие границы жанров. Тема универсальна, а и я, и Гарднер любим хорошую литературу, вне зависимости от времени и места действия, как и жанра, в котором она написана. Так что мы просто пригласили известных авторов, пишущих эпическую фэнтези, романы меча и магии, городскую фэнтези, научную фантастику, романтику, детективы (замысловатые или жесткие), триллеры, исторические романы, любовные, вестерны, нуар, ужасы... сами можете дать название. Не все они приняли приглашение, но многие, и результаты вы увидите на следующих страницах. Среди наших участников люди, получавшие всемирно известные награды, авторы бестселлеров, работающие с дюжиной разных издательств. Мы просили их лишь об одном – пусть это будет рассказ о негодяях, наполненный крутыми поворотами сюжета, хитроумными планами и ловкими ходами. Никому из наших авторов мы не задавали рамок определенного жанра. Некоторые решили писать в том жанре, в котором более всего прославились. Другие решили попытаться поработать в непривычных для себя.

В предисловии к «Воинам», нашей первой антологии на стыке множества жанров, я рассказывал о том, как рос в пятидесятых в Байонне, штат Нью-Джерси, в городе, где не было ни одного книжного магазина. Все, что я читал, я покупал в газетных ларьках, кондитерских, с вертушек в магазинах. Лежавшие на этих вертушках книги в мягкой обложке не раскладывали по жанрам. Напихивали побольше, один экземпляр той, два – этой. Можно было увидеть «Братьев Карамазовых», втиснутых между женским романом и последней книжкой Микки Спиллейна о Майке Хаммере. Дороти Паркер могла соседствовать с Дороти Сэйерс, Ральфом Эллисоном и Джеромом Сэлинджером. Макс Бранд мог лежать вплотную к Барбаре Картленд, Ван Вогту, Вудхаусу и Лавкрафту. Которые могли соседствовать со Скоттом Фитцджеральдом. Детективы, вестерны, готика, привидения, английская классика, современные «классические» романы и, конечно же, научная фантастика, фэнтези и ужасы – вот их всегда было в изобилии. Десять тысяч разных книг.

Мне это нравилось и до сих пор нравится. Спустя десятилетия (боюсь, слишком много десятилетий) традиции книгоиздательства изменились, появились сетевые книжные магазины, рамки жанров окостенели. Мне жаль, что так случилось. Книги должны расширять наш ум, вести нас туда, где мы никогда не были, показывать нам то, чего мы никогда не видели, расширять наш кругозор и менять наш взгляд на мир. Ограничение своего круга чтения одним жанром лишает этого. Оно ограничивает нас, делает нас меньше. Мне казалось тогда и кажется сейчас, что просто есть плохие и хорошие книги, и это единственное различие, которое имеет значение.

Нам кажется, что мы собрали здесь достаточно хорошие книги. Вы познакомитесь с негодьями всех оттенков, мастей и масштаба, в самой разной обстановке, в книгах, представляющих собой хорошую смесь жанров. Но вы не будете знать, в каком жанре они написаны, пока их не прочтете, поскольку я и Гарднер, в лучших традициях тех проволочных вертушек прошлого, хорошенько их перемешали. Некоторые из них, возможно, написаны вашими любимыми авторами, другие же – теми, о которых вы вовсе не слышали (пока что). Мы надеемся, что по прочтении «Негодяев» некоторые из вторых перейдут в разряд первых.

Читайте с удовольствием... но будьте осторожны. Некоторые джентльмены и прекрасные леди с этих страниц не всегда заслуживают доверия.

Джо Аберкромби

Джо Аберкромби оказался одной из самых стремительно взошедших звезд на небосклоне фэнтези, получив признание читателей и критиков за жесткий, экономный и сугубо деловой подход к жанру. Пожалуй, самое известное его произведение – трилогия «Первый закон», первая часть которой «Кровь и железо» была опубликована в 2006 году. За ней последовали книги «Прежде, чем их повесят» и «Последний довод королей». Цикл продолжен двумя отдельными романами «Лучше подавать холодным» и «Герои». Последнее произведение Джо Аберкромби – роман «Красная страна». Кроме писательства Джо Аберкромби редактирует сценарии кинофильмов. Живет и работает в Лондоне.

На страницах остросюжетного триллера он проводит нас по грязным, запутанным, наполненным мелодиями, похожим на лабиринт улицам одного из самых опасных городов мира – Сипани, где люди играют в смертельные игры, дергая друг друга за ниточки. Ниточки... У кого же их нет?

Джо Аберкромби «Жить все труднее»

Дьявольщина, как же она ненавидела Сипани.

Проклятый слепящий туман, проклятый плеск волны и проклятая всепоглощающая тошнотворная вонь отбросов. Проклятые балы, маскарады и попойки. Веселье... Здесь каждый до чертиков весел или, по крайней мере, притворяется веселым. А хуже всего, что все люди – сволочи. Все поголовно – мужчины, женщины, дети – мерзавцы. А многие еще и дураки и лжецы.

Карколф ненавидела Сипани. Но снова вернулась сюда. А теперь задавалась вопросом – и кто же здесь дурак?

Из тумана перед ней донесся взрыв смеха, Карколф скользнула под прикрытие дверного проема, одной рукой поглаживая эфес меча. Хороший курьер не доверяет никому, а она была самым лучшим. И в Сипани она доверяла... Пожалуй, меньше чем никому.

Еще одна шайка пьяных гуляк вынырнула из мрака. Человек в маске в виде «месяца» тыкал пальцем в женщину, которая нарезалась так, что свалилась, не устояв на высоких каблуках. Все хохотали. Один потрясал кружевными манжетами, словно в жизни не видел ничего более веселого, чем человек, напившийся так, что не в силах стоять на ногах. Карколф подняла глаза к небу, утешая себя мыслями, что под масками они ненавидят город так же, как и она, даже когда пытаются развлекаться.

Уединившись в арке под дверью, Карколф нахмурилась. Черт возьми, ей просто необходим отдых. Иначе она превратится в сраную сучку. Осталось не так много, а дальше будет только хуже. Уподобиться людям, которые презирали весь мир? Неужели она превращается в своего проклятого отца?

– Только не это, – пробормотала она.

В тот миг, когда пьяницы растворились в темноте, Карколф выскользнула из укрытия и припустила – ни слишком быстро, ни слишком медленно, – бесшумно ступая мягкими сапожками по мокрой мостовой. Неприметный плащ делал ее почти невидимой, скрывая очертания и позволяя затеряться среди самых обычных людей, которых в Сипани почти не осталось.

Где-то к западу отсюда ее окованная сталью карета мчится по широким улицам с невыносимой скоростью. Железные колеса высекают яркие искры из камня, грохочут на мостах. Напуганные случайные прохожие кидаются врассыпную. Кнут возницы стегают по взмыленным бокам коней. Дюжина наемных охранников топчет следом. Свет фонарей играет на капельках воды, которые усеивают доспехи. Само собой, пока люди Рудокопа не начинают свою игру: свистят стрелы, кричат люди, ржут кони, рухнувшая карета вылетает на обочину, звенят клинки, и, наконец, замок с железного сундука сорван при помощи огненного зелья, нетерпеливые ладони разгоняют клубы удушливого дыма, крышка поднята и... пустота.

Карколф позволила себе мимолетную улыбку, похлопав по выпуклости у ее ребер. Груз надежно спрятан, зашит в подкладку ее плаща.

Сосредоточившись, она слегка разбежалась и, пролетев три шага над маслянистой водой, опустилась на скрипнувшую под ее весом палубу полуразрушенной баржи, покачнулась, но устояла на ногах. Конечно, можно было пойти в обход по Финтайн-Бридж, но это лишний крюк, тем паче путь хорошо просматривался, а лодка скрывалась в тени, и, кроме того, дорога существенно укорачивалась. Она много раз это проверяла. По мере возможности Карколф старалась не полагаться на волю случая. По ее опыту, удача была той еще шлюхой.

Сморщенный тип выглянул из темноты каюты. Пар валил из помятого чайника.

– Ты кто, черт подери?

– Никто! – радостно откликнулась Карколф. – Просто иду мимо!

И прыгнула с качающихся досок на каменный парапет с той стороны канала, растворившись в тумане, который смердел сырой землей. «Просто иду мимо». Прямоком в порт, чтобы продолжить увлекательное путешествие, теперь уже по воле волн. Или, хотя бы, превратиться в сраную сучку. Везде, где Карколф бывала, она не оставляла следов. Всегда просто проходила мимо.

Где-то на востоке этот придурочный Помбрайн ехал верхом в окружении четырех телохранителей. Он совсем не похож на нее, особенно усы и всякое такое, но кутался в ее плащ с приметной вышивкой, а потому вполне мог сойти за ее двойника. Нищий сутенер, самодовольно полагающий, что вынужден играть роль Карколф, пока состоятельная дама, избегающая огласки, посещает любовника. Она вздохнула. Как бы не так... Карколф утешила себя мыслью, как обалдеет Помбрайн, когда эти два ублюдка, Омут и Отмель, выдернут его из седла и поразятся его усам, а потом, с возрастающим разочарованием, заглянут под плащ и, наконец, выпотрошат его труп, чтобы найти... не найти ничего.

Карколф вновь похлопала по выпуклости и прибавила шаг. Потому-то она и шла выверенной дорогой, в одиночку и пешком, по переулкам и подворотням, избегая проходных дворов и старых лестниц, мимо рушащихся дворцов и ветшающих доходных домов, через ворота, открытые ненадолго, согласно тайной договоренности, а потом по короткому отрезку канала, который приведет ее в порт, позволяя выгадать час или два.

Похоже, после этого задания ей в самом деле придется передохнуть. Она молча провела языком по внутренней части нижней губы, где в последнее время образовалась маленькая, но очень и очень болезненная язвочка. Все, что она видит, – работа. Может, съездить в Адую? Погостить у брата, повидать племянниц? Сколько им лет сейчас? Тьфу ты... Нет уж, она припомнила, какой мерзкой сукой была ее невестка. Одна из тех, которая готова издеваться над всеми. Похожа на отца Карколф. Не поэтому ли брат взял замуж настолько отвратную женщину?..

Когда Карколф нырнула под растрескавшуюся арку, откуда-то донеслась музыка. Скрипач либо настраивал инструмент, либо играл на удивление отвратно. Но здесь и не такое услышишь. На поросшей мхом стене хлопали и шуршали бумажки, на которых виднелись едва заметные буквы, призывающие патриотично настроенных граждан города восстать против тирании Снейка Талиса. Карколф фыркнула. Большинство обитателей Сипани предпочитали опускаться, а не восставать, а среди оставшихся патриотов днем с огнем не сыщешь.

Она попыталась пальцами оттянуть натирающие кожу брюки, но безрезультатно. Ну, сколько надо заплатить портному, чтобы получить одежду, которая не трет и не давит? Карколф перепрыгнула на узкую дорожку рядом с застоявшимся каналом, чью поверхность покрывала тина и мусор, на ходу стараясь поправить шов. Не помогало. Будь проклята эта мода на облегающие брюки! Возможно, это наказание свыше за то, что она расплатилась с портным фальшивыми монетами? Но по обыкновению Карколф больше интересовало сиюминутное благополучие, чем вселенские кары, и она стремилась уклоняться от платы всякий раз, как только могла. Это стало поистине ее жизненным принципом, а отец говорил, что человек должен во что бы то ни стало придерживаться принципов.

Дьявольщина! Она в самом деле начала превращаться в своего отца.

– Ха!

Оборванная фигура выскочила из-под арки. Слабый отсвет мелькнул на клинке. Помимо воли охнув, Карколф отпрыгнула, отбрасывая полу плаща и пытаясь нашарить оружие, уверенная, что пришел ее конец. Рудокоп сыграл на опережение? Или это Омут

и Отмель? Или наемники Куррикана? Но никто больше не показывался. Только единственный мужчина, нечесаный, с бледной влажной кожей, кутавшийся в латаный плащ и заматавший нижнюю часть лица ветхим шарфом, поверх которого угрожающе сверкали налитые кровью глаза.

– Стоять, не двигаться! – рявкнул он слегка приглушенно из-за шарфа.

– Кто это говорит? – подняла брови Карколф.

На несколько мгновений повисла тишина, лишь бились вонючие воды о камни.

– Ты – женщина? – почти извиняясь, спросил возможный грабитель.

– А если да, ты меня пропустишь?

– Ну... э... – Разбойник, казалось, колебался, но взял себя в руки. – Все равно стоять и не двигаться!

– Но почему? – поинтересовалась Карколф.

– Потому что у меня есть кое-какой долг... – Острые шпаги неуверенно дернулось. – Не твое дело!

– Я не об этом. Почему ты не убил меня сразу, чтобы обобрать труп? Зачем предупреждаешь?

Еще мгновение тишины.

– Я думал... Я хотел бы избежать крови. Но я предупреждаю – меня не остановить!

Он оказался проклятым обывателем. Просто грабитель, наткнувшийся на нее. Случайность. Это к вопросу о шлюхе-удаче! Только не для него.

– Вы, господин, всего лишь дрянной разбойник, – сказала она.

– Я – джентльмен, госпожа.

– Ты – мертвый джентльмен! – Карколф шагнула вперед, выбрасывая отточенный до бритвенной остроты клинок длиной в фут.

Лезвие отразило свет из окна над ними. Карколф не слишком много времени посвящала упражнениям с кинжалом, но все равно управлялась с ним лучше, чем с мечом.

Этому оборванцу с помойки не справиться с ней.

– Я зарежу тебя, как...

Но человек двигался с поразительной скоростью. Звякнула сталь. Карколф даже подумала о волшебстве. Кинжал вывернулся из ее пальцев, скользнул по липким камням и плюхнулся в канал.

– Ах! – воскликнула она.

Положение менялось на глазах. Напавший на нее не был таким мужланом, как казался. Во всяком случае, когда дело касалось игры клинков. А надо было предполагать. В Сипани ничего не бывает тем, чем выглядит.

– Деньги сюда! – потребовал он.

– Да забирай! – Карколф выхватила кошелек и швырнула им в стену, рассчитывая проскочить, когда он отвлечется.

Увы, он выхватил деньги из воздуха с впечатляющей ловкостью и острием шпаги перекрыл ей путь к спасению. Легонько толкнул оружием в выпуклость под ее плащом.

– Что это... что у тебя там?

А вот это хуже, гораздо хуже.

– Ничего. Совсем ничего, – попыталась соврать Карколф с неестественным смешком. Корабль вот-вот отойдет от причала, а ее на борту не было. Не попала она на борт проклятого судна, чтобы начать путешествие в Тхонд. Она ткнула пальцем в сторону порта. – У меня есть очень важное дело, так что если...

С легким шелестом шпага разрезала ее плащ.

– Ой! – моргнула Карколф.

Боль обожгла ребра. Клинок полоснул слишком глубоко.

– Ой... – Полностью растерянная, Карколф упала на колени. Кровь сочилась между пальцами, которыми она пыталась зажать бок.

– Ох, ты ж... Нет... Простите... Я, правда... Нет, в самом деле, я не хотел вас ранить. Я просто хотел...

– Ой...

Груз, слегка измазанный кровью Карколф, выпал на мостовую. Продолговатый сверток длиной в фут, завернутый в крашеную кожу.

– Мне нужен лекарь... – выдохнула Карколф своим самым отработанным «я-беспомощная-женщина» голосом. Великая герцогиня всегда упрекала ее в чрезмерном лицедействе, но в таком положении слишком много лицедейства быть не может. Скорее всего, ей действительно нужен лекарь, и есть надежда, что грабитель наклонится, тогда она может пырнуть ублюдка ножом в лицо. – Ну, пожалуйста, прошу вас!

Он замялся, выпучив глаза. Дело явно зашло дальше, чем он предполагал. Но приблизился лишь для того, чтобы достать сверток, при этом не отводил от Карколф сверкающее острие шпаги.

Отчаянно меняя тактику, она изо всех сил старалась не допустить паники в голосе.

– Ну, хорошо, возьмите деньги, будьте счастливы с ними... – На самом деле Карколф желала ему не счастья, а сгнить в гробу. – Но для нас двоих будет лучше, если вы не прикаснетесь к свертку!

– Это еще почему? – Его рука зависла на полпути. – Что там?

– Я не знаю. Мне приказано не открывать.

– Кем приказано?

– Я не знаю, – нахмурилась она. – Но...

Кертис забрал сверток. Конечно, забрал. Он, может, и лопух, но не до такой же степени. Просто схватил сверток и побежал. Ясное дело, побежал. А как же иначе?

Резко свернул в переулок – сердце бешено стучало, наступил на поломанную корзину, поскользнулся, едва не проткнув себя собственной шпагой, проехался лицом по куче мусора, набрал полный рот отвратительной сладковатой дряни. Отплеываясь и бранясь, кинул испуганный взгляд через плечо...

Ни малейших признаков преследования. Лишь туман, глубокий туман, что кружил и шевелился, будто живой.

Он сунул сверток, теперь сырой и скользкий, под драный плащ и захромал дальше, потирая отбитую ягодицу и пытаясь выплюнуть гнилостно-сладкий привкус изо рта. Нельзя сказать, что на вкус это хуже, чем его завтрак. Пожалуй, даже лучше. Человек познается по его завтракам, говаривал его мастер по турнирам.

Кертис поглубже надвинул влажный капюшон, пропитанный запахом лука и нужды, сдернул кошелек со шпаги и вернул клинок в ножны. Потом выскользнул из переулка и затерялся в толпе, едва-едва касаясь ладонью рукояти, которая вызывала так много воспоминаний. Учеба и турниры, блестящее будущее и восхищение толпы. «Фехтование, мальчик мой, это способ достичь успеха! Зрители в Стирии знают толк в фехтовании, любят своих бойцов, ты сможешь сколотить целое состояние!» Лучшие времена... Тогда он не рядился в лохмотья, не выпрашивал обрезки у мясника, не грабил людей, чтобы выжить. Он скривился. Ограбил женщину. Можно ли назвать это борьбой за выживание? Кертис украдкой бросил взгляд через плечо. Вдруг он убил ее? От страха мурашки побежали по коже. Просто царापина. Просто царापина, правда ведь? Но он видел кровь. Господи, пусть это будет просто царापина! Он потерял лицо, словно надеясь прогнать воспоминания, но не слишком преуспел. Один за другим в памяти всплывали поступки, о которых он раньше и помыслить не мог, не то что совершать. И вот они стали обыденностью.

Последний раз убедившись, что «хвоста» нет, он юркнул с улицы в зловонный двор, а выпцветшие лица героев прошлого пялились на него со старых листовок. Поднялся по провонявшей мочой лестнице вокруг ствола мертвого дерева. Долго ковырялся ключом в липком замке.

– Будь ты проклят, гребаный, дерьмовый...

Бац!

Дверь неожиданно распахнулась, и Кертис ввалился в комнату, чуть не упав опять. Развернулся, запер ее и несколько мгновений стоял в затхлой темноте, тяжело дыша.

Кто мог бы сейчас поверить, что когда-то он фехтовал с самим королем? Он проиграл. Ну, конечно же, проиграл. Пропустил два укола и был повержен его величеством в пыль, но, тем не менее, он скрещивал клинки с королем? Вот этот самый клинок, сообразил он, ставя шпагу в угол за дверь. Зазубренную, потемневшую и даже слегка погнутую ближе к концу. Последние двадцать лет были одинаково неблагополучными как для шпаги, так и для ее хозяина.

Скинув плащ, Кертис швырнул его в угол и вытащил сверток, чтобы посмотреть – что же такое он раздобыл? Какое-то время возился с лампой в кромешной темноте и, наконец, получил какое-то подобие света, нахмурившись, когда жалкие закоулки его комнаты появились в поле зрения. Треснувшее стекло на окне, отсыревшая штукатурка вздулась пузырями, бугристый тюфяк, из которого торчали пучки соломы, служивший ему ложем, и немного деревянной скособоченной мебели...

На единственном стуле за единственным столом сидел человек. Крупный мужчина в широком плаще. Череп покрывала седеющая щетина. Он медленно выдохнул через плоский нос, и пара игральных костей выпала из его кулака на грязную столешницу.

– Шесть и два, – сказал гость. – Восемь.

– Кто ты, черт побери? – Голос Кертиса сорвался от испуга.

– Меня прислал Рудокоп, – он снова бросил кости. – Шесть и пять.

– Это значит, что я проигрываю? – Кертис кинул косой взгляд на шпагу, стараясь делать вид, что ничего не произошло. Интересно, как быстро он сможет прыгнуть в угол, обнажить клинок, принять стойку...

– Ты уже проиграл, – сказал здоровяк, мягко собирая кости в ладонь. Он поднял голову. Глаза невыразительные, как у мертвой рыбы. Как у рыбы, лежащей на рыночном лотке. Мертвые, темные и печально поблескивающие. – Хочешь знать, что будет, если ты полезешь за шпагой?

Кертис не был храбрецом. Никогда не был. Ему приходилось собирать все свое мужество, чтобы припугнуть кого-либо, а когда пугали его, отвaga сразу же улетучивалась.

– Нет, – пробормотал он, опуская плечи.

– Кинь мне сверток, – приказал здоровяк. Кертис повиновался. – И кошелек!

Казалось, будто любое стремление сопротивляться покинуло Кертиса. Не осталось сил даже схитрить. Он едва-едва держался на ногах. Гость схватил брошенный на стол кошелек, кончиками пальцев растянул горловину и заглянул внутрь.

Заломив от отчаяния руки, Кертис простонал:

– Это все, что у меня есть.

– Я знаю, – ответил человек, вставая. – Я проверил.

Он вышел из-за стола, и Кертис отшатнулся к шкафу, в котором ничего не было, кроме пыли и паутины.

– Мой долг уплачен? – еле слышно спросил он.

– А ты как думаешь, уплачен твой долг?

Они обменялись взглядами. Кертис сглотнул комок в горле.

– А когда долг будет уплачен?

Здоровяк высоко поднял плечи.

– А как ты думаешь, когда он будет уплачен?

Кертис снова сглотнул, прошептал дрожащими губами:

– Когда Рудокоп скажет?

Здоровяк приподнял одну бровь, разделенную напополам проплешиной шрама.

– У тебя есть еще вопросы... на которые ты не знаешь ответы?

Фехтовальщик упал на колени, хватаясь за голову. Лицо гостя сквозь пелену слез расплывалось. Но стыда не было. Посещения Рудокопа лишили его остатков гордости уже давно.

– Оставь мне хоть что-нибудь... – прошептал он. – Хоть что-нибудь...

Гость обернулся, смерив его взглядом пустых рыбьих глаз.

– А зачем?

Балагур прихватил еще и шпагу – все равно, кроме нее, в комнате не было ничего ценного.

– Я приду через неделю, – сказал он.

Он не угрожал, просто предупредил заранее, в соответствии с условиями договора, но голова Кертиса дан Брой поникла, и он зарыдал.

Первым побуждением Балагура было утешить дворянчика, но он передумал. Зачем множить ошибки?

– Пожалуй, тебе не стоило залезать в долги, – бросил он на прощание.

Его всегда удивляло, что люди, которые занимали деньги, не пытались считать проценты. Знание пропорций и немного времени, а ведь как увлекательно. Не так уже трудно выучиться. Но, возможно, они склонны переоценивать свои доходы, отравляясь сладкой ложью и видя во всем только светлую сторону? Удача их не обманет, все наладится, все получится просто потому, что они такие вот особенные. Но Балагур не питал иллюзий. Он знал, что представляет собой лишь самый заурядный винтик в сложном механизме под названием жизнь. Он всегда опирался на трезвое видение мира.

Теперь он топал по улицам, отсчитывая шаги до убежища Рудокопа. Сто пять, сто четыре, сто три...

Просто поразительно, каким маленьким кажется город, если измерить его. Все его жители, все их желания, суждения и долги теснились на узкой полоске осушенного болота. По мнению Балагура, болото потихоньку пытается вернуть взятый некогда заем. И он думал, что это к лучшему, в конце концов.

...семьдесят шесть,

семьдесят пять,

семьдесят четыре...

Балагур заметил «хвост». Неужели карманник? Бросив небрежный взгляд на палатку торговца, он увидел ее краем глаза. Девушка с темными волосами, собранными под берет, одетая в куртку, слишком большую для нее. Чуть старше ребенка. Балагур сделал несколько шагов вдоль узкого прохода и повернулся, загораживая путь и откидывая полу плаща, чтобы показать рукояти четырех из шести его ножей. Преследовательница выглянула из-за угла, а он просто стоял и смотрел на нее. Только смотрел. Девочка замерла, судорожно сглотнула, дернулась вправо-влево, а потом отступила и смешалась с толпой. Вот и все, что было...

...тридцать один,

тридцать,

двадцать девять...

Сипани и, в первую очередь, его вонючий и сырой Старый Квартал кишел ворами. Они назойливо вились вокруг, словно мошки в летнюю пору. А кроме того, разбойники, гра-

бители, взломщики, мошенники, убийцы, буяны, барышники, жулики, игроки, букмекеры, ростовщики, вымогатели, нищие, сутенеры, скупщики краденого, нечестные на руку купцы, не говоря уже о бухгалтерях и законниках. Насколько выяснил для себя Балагур, законники представляли самую отвратительную касту. Иногда казалось, что в Сипани вообще никто не трудился. Главным занятием для его жителей стало изъятие денег у себе подобных.

Но Балагур никогда не считал себя лучше других.

...четыре, три, два, один и двенадцать шагов вниз мимо трех охранников и через двойные двери к логову Рудокопа.

Внутри клубился густой дым, пробиваемый светом от ламп в виде цветов, стояла жара от тяжелого дыхания и движущихся тел, в уши забивался негромкий гул нескончаемой болтовни. Здесь выдавали тайны, разрушали репутации и предавали доверие. Впрочем, все точно так же, как и в других подобных местах.

Двое северян пристроились за столиком в углу. Один из них – острозубый, с длинными прямыми волосами – откинулся на спинку стула, едва не падая, и зажал трубку в зубах. Второй держал в правой руке бутылку, а в левой – маленькую книжку, которую рассматривал, шевеля бровями.

Почти всех постоянных посетителей Балагур знал в лицо. Завсегдатаев. Некоторые приходили выпить. Некоторые – поесть. Большинство сдвинулись на азартных играх. Стучали, перекатываясь, кости, шлепали по столу карты, глаза в тщетной надежде следили за колесом рулетки.

Азартные игры не приносили основного дохода Рудокопу, но благодаря им люди залезали в долги, а вот долги-то и приносили главную прибыль. Поднявшись по лестнице в двадцать три ступени, Балагур увидел охранника с татуированным лицом, который приветливо помахал ему.

Трое других сидели там же, потягивая выпивку. Самый мелкий улыбнулся и кивнул, пытаясь, возможно, задружиться. Самый здоровый – напыжился и ощетинился, чувствуя соперника.

Балагур не обратил внимания ни на того, ни на другого. Он давно уже оставил любые попытки разгадать сложную математику человеческих взаимоотношений, не говоря уже о том, чтобы в них участвовать. Если этот человек позволит себе что-то сверх настороженности, разговор вместо своего хозяина будет вести тесак Балагура. А он в спорах всегда оказывался сильнее даже самых убедительных доводов.

Госпожа Борферио – мясистая женщина с темными кудрями, которые выбивались из-под пурпурной шапочки, – носила маленькие очки, ужасно увеличивающие глаза. И пахло от нее ламповым маслом. Она обитала в небольшой, забитой столами с бухгалтерскими книгами прихожей перед кабинетом Рудокопа. Когда она впервые встретила Балагура, то ткнула пальцем в дверь за своей спиной и сказала:

– Я – правая рука Рудокопа. Его не беспокой никогда. Никогда! Будешь говорить со мной.

Балагур, конечно, понял, едва увидев, с каким мастерством она обращается с числами в книгах, что кабинет пустой, а Борферио и есть Рудокоп, но она выглядела такой довольной, что уловка удалась, и он решил подыграть. Он никогда не любил раскачивать лодку. Кто так поступает, обычно тонет. Кроме того, игра позволяла представить, что приказы исходят от другого человека, таинственного и всесильного. Его можно использовать, как чулан, куда складываешь вино за содеянное. Глянув на кабинет, Балагур задумался – есть ли за дверью комната или, открыв ее, он обнаружил бы кирпичную кладку?

– Что ты сегодня добыл? – спросила Борферио, листая раскрытую книгу и макая перо в чернильницу. В любом серьезном деле без этого никуда.

Она уважал ее и даже восхищался, но не признался бы в этом никогда в жизни. Как правило, люди обижались на его комплименты.

Балагур высыпал монеты в ладонь и позволил им соскользнуть на неровные столбцы с именами заемщиков и суммами долга. По большей части медяшки с небольшими вкраплениями серебра.

Борфери подалась вперед, сморщив нос и сдвигая очки на лоб. Без них ее глаза показались слишком маленькими.

– Ну, и шпага тоже, – добавил Балагур, прислоняя оружие к столешнице.

– Скудный урожай, – пробормотала Борфери.

– Там почва каменистая.

– Очень верно подмечено. – Она сбросила очки на место и принялась выводить цифры в колонке. – Жить все труднее. – Эти слова Борфери повторяла часто, будто могла объяснить ими все на свете.

– Кертис дан Брой спрашивал у меня, когда долг можно будет считать выплаченным?

Она подняла глаза, удивленная вопросом.

– Когда Рудокп признает, что долг выплачен.

– Я ему так и сказал.

– Хорошо.

– Вы говорили, чтобы поискал... сверток. – Балагур выложил добычу на стол. – У дан Броя было это.

Вещица казалась довольно бесполезной. Чуть меньше фута в длину, завернута в крашеную и потертую кожу с выдавленной надписью или числом. Нет, точно не число, поразмыслив, признал Балагур.

Госпожа Борфери вцепилась в сверток, но тут же мысленно выругала себя за излишнюю поспешность. Она ведь знала, что никому не может доверять в этом деле. Зачем вызывать лишние вопросы. Подозрение. Как этот дешевка дан Брой завладел такой вещью? Нет ли здесь подвоха? Не работает ли Балагур на гурков? Или на Карколф? Или вообще двойная игра? Сети, которые плетет эта самодовольная сука, раскинуты без конца и края. Тройная игра? И где же выход? Где выигрыш?

Четверная игра?

Лицо Балагура не выражало ни малейших оттенков алчности или амбиций. Не выражало вообще ничего. Он, вне всяких сомнений, малый со странностями, но прибыл с отличными рекомендациями. Он казался деловым человеком, и Борфери это нравилось, но она никогда не произнесла бы похвалу вслух. Начальник должен соблюдать определенные принципы.

Но многое на самом деле проще, чем кажется на первый взгляд. В жизни Борфери довольно часто случались неожиданные повороты.

– Возможно, это оно и есть, – протянула она задумчиво, хотя не сомневалась с самого начала.

Но она была не из тех женщин, которые напрасно тратят время на пустые домыслы.

Балагур кивнул.

– Ты хорошо поработал.

Он снова кивнул.

– Рудокп хочет сделать тебе подарок. – Она всегда утверждала, что со своими людьми нужно быть щедрым, а не то найдутся другие, более щедрые.

Но Балагур словно и не заметил ее великодушия.

– Хочешь женщину?

– Нет. – Казалось, его это предложение слегка оскорбило.

- Мужчину?
 - Нет. – С тем же откликом.
 - Дурь? Выпивка...
 - Нет.
 - Но должен же ты чего-то хотеть.
- Он пожал плечами.

Госпожа Борфери надула щеки. Она всегда дергала людей за ниточки их желаний. А что делать с человеком, который не хочет ничего?

- Почему бы тебе не поразмыслить над этим?
- Я подумаю, – неторопливо кивнул Балагур.
- Тебе попались на глаза двое северян с выпивкой?
- Да, я видел двух северян. Один читал книгу.
- Правда? Книгу?
- Любители чтения есть во всех уголках мира, – Балагур пожал плечами.

Борфери вышла в зал, невольно обратив внимание на огорчительное отсутствие богатых посетителей. Этой ночью значительной прибыли можно не ждать. Если один из северян и читал, то ему надоело. Омут хлебал ее лучшее вино прямо из горлышка бутылки. Трое других переместились под стол. Отмель курил трубку с чагой, завоняв весь воздух вокруг. Обычно Борфери не позволяла такого, но для этих двоих пришлось сделать исключение. Почему банк обратился к услугам столь отвратных типов, она не знала. Но была уверена, что богатые люди могут не объяснять своих прихотей.

- Господа, – произнесла она, опускаясь на стул.
- Где? – Отмель хрипло хохотнул.

Омут медленно приподнял бутылку и глянул на подельника с откровенным презрением.

Но Борфери, голосом ласковым и рассудительным, продолжала гнуть свою линию.

– Вы говорили, что ваши... работодатели были бы весьма признательны, если бы я раздобыла... Ну, вы упомянули некую вещь.

Оба северянина оживились и подались вперед, будто на ней было что-то написано. Омут кинул на пол пустую бутылку, которая покатила в сторону.

- Весьма и весьма признательны, – сказал он.
- А на какую часть моего долга может распространиться их признательность?
- На весь.

Борфери почувствовала легкий зуд. Свобода. Да неужели? Прямо здесь, в ее кармане? Но она не могла позволить какой-либо оплошности сыграть злую шутку. Чем больше ставка, тем больше осторожности требуется.

– Мой долг будет списан?

– Насмерть, – наклонился Отмель, чиркнув мундштуком трубки по заросшему щетиной горлу.

– Насмерть! – прорычал его брат, приближаясь с другой стороны.

Ей никогда не нравилось лицезреть покрытые шрамами рожи отребья и убийц рядом с собой. Даже их близкое дыхание выводило из равновесия.

– Отлично! – пискнула Борфери, кладя сверток на стол. – Тогда я немедленно отменяю проценты по платежам. А вы, будьте любезны, передайте мое почтение вашим... работодателям.

– Само собой! – Отмель не столько улыбнулся, сколько оскалил острые зубы. – Хотя, думаю, твое почтение им до одного места.

– Ничего личного, – Омут не улыбался. – Просто наши работодатели не заморачиваются по мелочам.

– Жить все труднее, – глубоко вздохнула Борферо.

– А когда было иначе? – Омут поднялся и сграбастал сверток здоровенной лапой.

Когда Омут шагнул в ночь, прохладный воздух ударил его, как пощечина. В Сипани нет ничего приятного, хотя иногда в него приходится возвращаться.

– Должен признаться, – откашлялся и сплюнул он. – Я слегка перебрал.

– Точно, – согласился Отмель, отпрыгиваясь и вглядываясь в туман. По крайней мере, мгла слегка развеялась. Ну, достаточно неплохо для этого города, напоминающего ад. – Замечу, не самое правильное решение, когда ты на работе.

– Ты прав. – Омут попытался рассмотреть добычу, насколько позволит слабое освещение. – Кто знал, что это свалится на наши головы?

– Только не я... Мы же по одной, – нахмурился Отмель. – Или... не по одной?

– Мы собирались по одной, – сказал Омут.

– За одной кружкой обычно тянутся еще и еще. – Отмель напялил дурацкую, уродливую шляпу. – Прогуляемся до берега, а?

– В этой шляпе ты выглядишь, как поганый засранец.

– Ты, братишка, помешан на внешности.

Омут зашипел в ответ.

– А этого в самом деле хватит, чтобы перекрыть долг этой женщины, как думаешь?

– Сейчас, может быть. Но ты же знаешь, как бывает. Если один раз задолжал, то выплачиваешь всю жизнь.

Омут снова плюнул и зашагал вперед со свертком в руке, пока переулок особо не шатался. Он не собирался прятать добычу в карман, откуда его мог вытащить какой-нибудь говнюк. Сипани кишит ублюдками-карманниками. В последний раз, когда он приезжал сюда, какая-то сволочь сперла его носки, и северянин растер ноги до кровавых водянок, возвращаясь домой. Кто ворует носки? Проклятые стирийские ублюдки... Поэтому ценную вещь лучше не выпускать из рук. И пускай эти говнюки попробуют ею завладеть.

– И кто из нас засранец? – бросил вслед Отмель. – Берег в другую сторону.

– Только мы не собираемся на берег, – рывкнул Омут через плечо. – Мы должны кинуть это в колодец в старом дворе по соседству.

– Мы? – Отмель поспешно догнал его. – Кинуть?

– Нет, придурок, это я так шучу.

– Почему в колодец?

– Потому, что он так решил.

– Кто решил?

– Бугор.

– Маленький бугор или большой бугор?

Даже будучи хорошенько поддатым, Омут сообразил говорить потише.

– Лысый бугор.

– Вот дерьмо... – охнул Отмель. – Лично?

– Лично.

– Как это было? – спросил Отмель после недолгого молчания.

– Это было более чем страшно. Спасибо, что напомнил.

Теперь повисла тишина, прерываемая лишь шарканьем сапог по мокрой мостовой.

– Лучше бы мы не ввязывались в это гребаное дело, – нарушил молчание Отмель.

– Прими мои искренние благодарности, – ответил Омут. – Ты просто сраный провидец. Гребаных дел следует избегать всегда и везде, да?

– Ну, мы-то стараемся изо всех сил. Только иногда ты вляпываешься в них без выбора. Потому я и говорю, что нам лучше не ввязываться. – Отмель понизил голос до шепота. – Знаешь, что лысый бугор сказал в прошлый раз?

– Что ты шепчешь? Его же здесь нет.

– А я не знаю, – Отмель закутил головой.

– Да нет его, нет, – Омут потер виски. Однажды он прибьет брата – слишком уж он трусливый. – Я отвечаю, нет.

– А вдруг есть? Надо всегда думать, что он где-то рядом.

– Может, ты заткнешься хотя бы на сраное мгновение? – Омут поймал Отмеля за грудки и сунул сверток ему в лицо. – Болтаешь, как проклятый...

Он очень удивился, когда между ними проскользнула темная фигура и ладонь его опустела.

Киам мчалась, словно от скорости зависела ее жизнь. Ну, если разобраться, то зависела напрямую.

– Хватай его, черт подери! – орали северяне, шаркая и топая по переулку. Не слишком быстро, но, как на ее вкус, то лучше быть от них гораздо дальше.

– Это девка, придурок!

Здоровенные и неуклюжие, но быстрые. Они потрясали кулаками и стучали сапогами. Если им удастся ее поймать...

– Кого это волнует? Отнять добычу!

Воздух со свистом вырывался из ее легких, сердце бешено колотилось, мышцы горели от быстрого бега.

Киам повернула за угол, скользя обмотанными тряпками ногами по влажным бульжникам, оказалась на широкой улице, где свет фонарей пробивался сквозь туман мутными пятнами и слонялись жители самого многолюдного города мира. Она нырнула в толпу и понеслась среди гуляк, подобно ткацкому челноку, уворачиваясь и огибая их. Лица то приближались, то исчезали. Вот и ночной рынок Блэксайда – ларьки, покупатели, крики торговцев, шум, разнообразные запахи и сплошная кутерьма. Киам нырнула под колеса фургона, протиснулась между продавцом и покупателем, разбросав фрукты, запрыгнула на прилавок, заваленный скользкой рыбой, в то время, как лавочник пытался сграбастать ее, но поймал лишь воздух. Одной ногой она зацепила корзину, рассыпая мидий по брусчатке. И все равно позади слышались крики и рев – северяне расталкивали людей у нее за спиной. Летели в разные стороны тележки, как будто по рынку прошелся бессмысленный и беспощадный ураган. Проскочив под ногами высокого мужчины, она в очередной раз свернула за угол, сделала два быстрых шага по осклизлым камням мимо дорожки, которую заливали волны. Пищали крысы, копошащиеся в мусоре, а крики северян все приближались. Воздух из груди Киам вырывался с болью, обжигая гортань. В отчаянии она прибавила шаг, расплескивая и разбрызгивая воду.

– Вот она! – загремел голос за спиной. – Скорей сюда!

Она протиснулась сквозь дыру, забранную ржавой решеткой. Острый железный заусенец обжег болью руку. На этот раз Киам даже обрадовалась, что Зеленая Старуха держала ее впроголодь. Низко пригибаясь, сжимая ворованный сверток и пытаясь восстановить дыхание, она двинулась в темноту. И тут северяне добрались до решетки. Один вцепился в прутья с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Чешуйки ржавчины посыпались дождем. Оглянувшись, Киам на миг представила, что было бы, угоди она в эти грязные лапищи.

Второй прижал бородатую рожу к просвету в ограждении, сжимая в кулаке нож, который выглядел жаждущим крови. Вообще-то, когда гонишься за вором, любой нож выглядит жаждущим крови.

– Верни добычу! – прорычал он, выпучив глаза и оскалившись. – И мы забудем обо всем! Верни добычу немедленно!

Киам продолжала уходить, слыша визг сгибающихся прутьев.

– Ты покойница, мелкая сука! Мы найдем тебя, так и знай!

Она упрямо протискивалась сквозь трещину в стене, заросшую пылью и грязью.

– Мы найдем тебя! – гремело за спиной.

Возможно, они ее и найдут, как обещали, но вор не имеет права отвлекаться на размышления о будущем. Он должен жить сегодняшним днем. Встряхнув плащ, Киам вывернула его наизнанку, выставив напоказ выцветшую зеленую подкладку, сунула в карман шапочку, распустила волосы по плечам и, свернув в переулочек близ Пятого Канала, быстро-быстро пошла, низко наклонив голову.

Рядом проплыла прогулочная лодка. Болтовня, смех, позвякивание бокалов. Люди лениво двигались вдоль высоких бортов, похожие в тумане на призраки. Киам задумалась – какие они усилия прилагают, чтобы выжить, и какие приходится прилагать ей? Но быстрого ответа на этот вопрос она не находила никогда. Когда красноватые огни лодки скрылись в тумане, Киам услышала скрипку Хоува. Она постояла немного в тени, восхищаясь красотой музыки. Посмотрела на сверток. Ну, не похож он на важную вещь. И слишком легкий. Но какое ей дело, если Зеленая Старуха дает задание? Утерев нос, она пошла по-над стеной. Музыка становилась все громче, наконец показалась спина Хоува и его движущийся смычок. Неслышно проскользнув позади него, Киам уронила сверток в широко открытый карман.

Хоув не заметил, как ему в карман что-то опустили, но почувствовал три легких касания по спине, и его плащ вдруг отяжелел. Он не видел, кто подбросил добычу, да и не собирався смотреть. Он просто продолжал играть тот марш Союза, которым открывал каждое свое выступление на сцене в Адуе или перед сценой, когда он разогревал публику для выхода знаменитого Лестека. А потом умерла жена, и жизнь пошла наперекосяк. Бойкая мелодия напомнила ему о минувших днях, слезы защипали воспаленные глаза, а потому скрипач перешел к плавному менуэту, который больше подходил к его настроению, в отличие от большинства гуляющих, хотя вряд ли кто-либо из них почувствовал разницу. Местные жители любили говорить о Сипани как о культурном городе, но большинство из них были пьяницами, мерзавцами, тупыми головорезами или сочетанием того и другого.

Как он докатился до этого? Самый повторяемый вопрос. Хоув плыл по улице, словно его единственной целью оставалось – заработать немного денег музыкой. У одной из лавок аромат дешевых пирожков с мясом заставил заурчать голодный желудок, а потому он прекратил играть и подставил шапку для вознаграждения. Но никто не расщедрился, что, впрочем, неудивительно. Тогда Хоув направился к Версетти, где, судя по вывеске и доносящимся из-за двери звукам осприанского вальса, как раз устроили танцульки. Посетители расслаблялись с трубками, крутили бокалы из тонкого стекла затянутыми в перчатки пальцами, презрительно щурились по сторонам сквозь прорези покрытых кусочками зеркала масок. Джерви сидел, как обычно, за столиком у стены. Напротив – женщина с высокой прической.

– Немного музыки, дорогуша? – прохрипел Хоув, нависая над ней таким образом, чтобы плащ лег на колени Джерви.

Сморщив нос от запаха застарелого пота, Джерви вытащил что-то из кармана Хоува.

– Почему бы тебе не отвалить?

Хоув последовал совету, унося с собой – хвала судьбе! – свою отвратительную музыку.

– Что там происходит на улице? – Райсельд на мгновение приподняла маску, показав округлое миловидное лицо, покрытое пудрой и модной здесь скукой.

В самом деле, снаружи доносился грохот, топот и выкрики на северном наречии. Похоже, какие-то беспорядки.

– Будь прокляты эти северяне, – пробормотал он. – Вечно от них неудобства. Полагаю, их нужно держать на привязи, как собак. – Джерви снял шляпу и бросил на стол, подавая привычный знак. А сам откинулся на спинку стула, удерживая сверток в опущенной руке у самого пола. Мерзкая работа, но человек должен как-то получать деньги. – Тебе не о чем беспокоиться, радость моя.

Она улыбнулась ему, как обычно искренне и открыто, что производило на Джерви неотразимое впечатление.

– Пойдем спать? – спросил он, бросая на стол пару монет за вино.

– Ну, если пора... – вздохнула она.

Джерви почувствовал, что сверток забрали.

Сифкисс ужом вывернулся из-под столов и побежал по улице, позволив палке в одной руке тарахтеть по прутьям ограды, и размахивая свертком, зажатым в другой. Ну, и подумаешь, что Зеленая Старуха приказала вести себя скрытно, это не для Сифкисса. Человек, когда ему полных тринадцать лет, имеет право жить своим умом, не правда ли? Скоро он сможет выполнять и задания посложнее. Может, пойдет работать на Куррикана. Любой может сказать, что он – не такой, как все. Он украл высокую шляпу, в которой смотрелся совсем как благородный господин из города, а если люди достаточно унылы, чтобы не замечать столь очевидных вещей, то, во избежание всяких сомнений, заломил ее набекрень. Дьявольски дерзкий!

Да, все видели Сифкисса.

Он убедился, что ни малейшей слежки за ним нет, скользнул сквозь покрытые росой кусты в трещину скрывавшейся за ними стены, а она уж честно привела его в подвал старинного храма, где тьму рассеивал лунный свет, проникавший сквозь дыры в перекрытии.

Большинство детей отправились работать. Двое парней играли в кости, девчонка глодала кость, Пенс курил и не замечал ничего вокруг, а кто-то из новеньких кашлял в углу, свернувшись калачиком. Кашель Сифкиссу не понравился. Очень даже может быть, что ему придется сбрасывать отмучившегося в сточную канаву через денек или два. Но с другой стороны, это значило, что он сможет получить несколько монеток за мертвеца. Большинству людей не нравилось возиться с покойниками, но Сифкисса это волновало мало. Это как ливень – он мочит всех без разбора, говаривала Зеленая Старуха. Она и сидела в глубине, на обычном месте, сгорбившись за старым столом, который освещала единственная лампа. Длинные сально блестящие приглаженные волосы. Язык бесцельно скользил по голым деснам, когда она задумчиво посмотрела на Сифкисса. Рядом с ней стоял стройный юноша в жилете с вышитыми серебряной нитью листьями. Сифкисс, думая произвести впечатление, подошел бодрой походкой.

– Получил, что приказано? – спросила Зеленая Старуха.

– Конечно! – воскликнул Сифкисс, дернул головой, роняя шляпу, и выругался, поймав ее у самой земли и водружая на место. С недовольным видом бросил сверток на стол.

– Тогда убирайся, – отрезала Старуха.

Сифкисс недовольно зыркнул на нее, но ума хватило промолчать. Вообще, мальчишка уродился слишком уж разумным, поэтому Зеленая Старуха показала ему на прощание жилистый костлявый кулак.

– Вот он, как и было обещано. – Она указала на обмотанную кожей вещицу, лежащую в круге света на старой столешнице, покрытой трещинами, с облупленной краской и осыпавшейся позолотой, но все еще красивой работы давних мастеров.

«Такая же древняя, как и я», – подумала Зеленая Старуха.

– Вроде бы мелочь, а столько суеты, – сказал Фэллоу.

В кошельке, который он бросил на стол, чарующей музыкой звякнуло золото. Зеленая Старуха подхватила его, развязала коггистыми пальцами и тут же принялась подсчитывать монеты.

– Где эта твоя девчонка Киам? – спросил Фэллоу. – Слышишь? Малышка Киам где?

Плечи Зеленой Старухи напряглись, но она продолжала считать. Этим делом она могла заниматься даже на корабле в шторм.

– Работает.

– А когда она вернется? Она мне нравится, – Фэллоу подошел ближе, снижая голос. – Я мог бы заплатить за нее чертовски привлекательную сумму.

– Она – мой лучший добытчик, – сказала Зеленая. – Можешь освободить мои руки от кого-нибудь другого. Как насчет того парня, Сифкисса?

– Это который с кислой мордой принес сверток?

– Хороший работник. Крепкий парнишка. Слегка дерзкий. Но может быть отличным гребцом на галере, как мне кажется. Может быть, сгодится для боев.

– В яме? – фыркнул Фэллоу. – Этот мелкий засранец? Я уверен, что грести он будет только после хорошей порки.

– Ну, и ладно. У них же хватает плетей.

– Надеюсь, что так. Я заберу его, если надо. И еще троих, кроме него. Через неделю я еду на рынок в Вестпорт. Отберешь мне кого-нибудь, только не надо подсовывать свои отбросы.

– Я никогда не подсовывала тебе отбросы.

– У тебя, кроме отбросов, ничего нет, чертова старая мошенница. А что скажешь остальным из своего выводка, а? – продолжал Фэллоу дурацким «тру-ля-ляшным» голосом. – Что деток забрали слугами к богатым дворянам? Или работать на конюшнях? Или назначили гребаными императорами Гуркхула? Или еще что-то типа того?

Фэллоу ослабился. Зеленая Старуха вдруг пожалела, что под рукой нет ножа, но все, что она постигла к настоящему времени, она постигала через горький опыт.

– Что захочу, то и скажу... – проворчала она, продолжая перебирать пальцами монеты.

Проклятые суставы. Они и вполтину не так подвижны, как раньше.

– Ну, ладно, – подмигнул он. – Значит, я зайду за Киам в другой день!

– Все, что тебе угодно, – пробормотала Зеленая, – только скажи.

Она чертовски долго спасала Киам. Да, она не в состоянии уберечь всех, и у нее хватает мозгов это понимать, но уж одну-единственную она сумеет защитить. И в последний день, возможно, это зачтется. Никто, конечно, не скажет доброго слова, но она-то будет знать.

– Сумма сходится. Сверток твой.

Забрав добычу, Фэллоу поспешил убраться из этой вонючей дыры. Слишком сильно она напоминала тюрьму. Особенно вонюща. И детские глаза, большие и влажные. Да, он был не против покупать и продавать их, но не хотел видеть их глаза. Как палач может постоянно смотреть в глаза жертв? Возможно, они просто привыкают. Но Фэллоу это очень не нравилось. Требовало слишком больших напряжений сердца.

Его охранники сидели, развалившись, у входной двери. Он махнул им и зашагал посредине образованного бойцами квадрата.

– Все получилось? – бросил через плечо Гренти.

– Более-менее, – проворчал Фэллоу холодно, чтобы предотвратить дальнейшую болтовню.

«Тебе нужны друзья или деньги?» – сказал как-то Куррикан, и слова запали Фэллоу в душу.

Но Гренти, к несчастью, не собирался отступить.

– Идем напрямик к Куррикану?

– Да! – рявкнул Фэллоу так резко, как только мог.

Но Гренти любил трепать языком. Как и большинство головорезов, кстати. А как еще проводить время, занятое ничегонеделаньем?

– Отличный дом у Куррикана, не правда ли? Как называются эти колонны впереди?

– Пилястры, – проворчал кто-то из других охранников.

– Нет! Я знаю, что такое пилястры, но не об этом спрашиваю. Я хочу узнать, как называется этот архитектурный стиль. Там виноградные листья по верху.

– Там листья?

– Нет, не настоящие листья. Выдолбленные долотом. Это такая общая задумка, основанная, как мне кажется...

На миг Фэллоу обрадовался молчанию. Потом заволновался. Из тумана впереди прорисовалась фигура. Будто выходец из Преисподней. Нищие, пьяницы и прочие мерзавцы расступались с их пути в стороны, словно земля, поднятая плугом. Но этот человек не шевелился. Высоченный ублюдок, выше любого из телохранителей Фэллоу. В белом плаще с капюшоном. Ну, впрочем, не совсем белом. Ничто не могло оставаться чистым достаточно долго в Сипани. Плащ посерел от сырости, низ подола покрывали черные капли от грязи.

– Избавьтесь от него, – приказал Фэллоу.

– Освободи гребаную дорогу! – проорал Гренти.

– Ты – Фэллоу? – Человек сбросил капюшон.

– Это женщина, – пробормотал Гренти.

И он не ошибся, хотя для женщины у нее была слишком мускулистая шея, чересчур угловатая челюсть и коротко остриженные рыжие волосы.

– Меня зовут Явре, – сказала она, гордо задирая подбородок. – Львица Хоскоппа.

– А она не двинутая? – проговорил Гренти. – Сбежала из богадельни.

– Один раз я сбежала из богадельни, – согласилась женщина. Фэллоу никак не мог сообразить, из каких она краев. Такое странное произношение. – Ну... Это была тюрьма для чародеев. Отличие не слишком большое, поскольку большинство волшебников я бы назвала слегка двинутыми. Но это к делу не относится. У вас есть то, что нужно мне.

– Да ладно? – улыбнулся Фэллоу.

Теперь он почти не волновался. Во-первых, женщина. Во-вторых, сумасшедшая.

– Не знаю, как убедить вас, ибо мне не хватает вежливых слов. Это моя давняя беда.

Но для вас лучше было бы отдать мне это добровольно.

– Знаешь, что бы я тебе дал охотно? – ухмыльнулся Фэллоу, вызвав хихиканье спутников.

Но женщина не смеялась.

– Это нечто, завернутое в кожу, длиной... – Она подняла руку, растопырив большой и указательный пальцы. – Раз в пять длиннее твоего «петуха».

Даже если она просто знала о свертке, это уже плохо. Но шуточек насчет своего члена, росту которого не помогало ни одно из лекарских притираний, Фэллоу не переносил.

Улыбка сползла с его лица.

– Убейте ее.

Она ударила Гренти куда-то в грудь. А может, и нет, поскольку все происходило будто в тумане. Глаза телохранителя выпучились и полезли на лоб, а сам он застыл неподвижно, приподнявшись на цыпочки и до половины вытащив меч из ножен.

Второй охранник – здоровенный, как сарай, уроженец Сиирии – замахнулся булавой, но угодил лишь в мелькнувшую полу плаща. Мгновение спустя с изумленным восклицанием он врезался в стену и безжизненно сполз на землю, осыпаясь пылью, кусками штукатурки и битым кирпичом.

Третий телохранитель, осприанец, ловкими пальцами выхватил метательный нож, но бросить его не успел. Булава, просвистев в воздухе, отскочила от его головы. Он упал, не проронив ни звука и раскинув руки.

– Эти колонны называются антирическими, – женщина прижала указательный палец ко лбу Гренти и мягко толкнула его.

Он упал на бок, все еще оцепеневший. Выпученные пустые глаза смотрели в никуда.

– Это я сделала голыми руками. – Она подняла большой кулак, и на свет из-под одеяний появился меч с позолоченным эфесом. – Потом я обнажу меч, который в древнее время выковали мастера из упавшей звезды. Только шестеро из ныне живущих людей видели этот клинок. Он чрезвычайно красив. Но мне придется убить тебя им.

Последний из телохранителей, покосившись на Фэллоу, бросил в грязь топор и кинулся наутек.

– Ха! – воскликнула женщина. Морщинки разочарования возникли около ее рыжих бровей. – Просто на будущее. Чтоб ты знал. Вздумаешь бежать, я поймаю тебя через... – Она прищурилась, окидывая Фэллоу оценивающим взглядом. – Где-то через четыре шага.

Он побежал.

На третьем шаге она настигла его, и мужчина упал лицом вниз на булыжники, набрав полный рот грязи. Рука его оказалась заломленной за спину.

– Ты понятия не имеешь, с кем связалась, тупая сука! – Он попытался вырваться, но хватка была железной, и когда рука пошла еще дальше за спину, он завизжал от боли.

– Это правда, я не великий мыслитель. – В ее голосе не слышалось ни малейшего напряжения. – Я предпочитаю простые поступки и не имею времени на философские размышления. Хочешь сказать мне, где груз, или тебя бить, пока он из тебя не вывалится?

– Я работаю на Куррикана! – выдохнул Фэллоу.

– Я – новичок в этом городе. Имена не оказывают на меня магического воздействия.

– Мы тебя из-под земли достанем!

– Конечно! – рассмеялась она. – Я и не прячусь. Меня зовут Явре. Явре, первая из пятнадцати. Рыцарь Ордена Золотого Храма. Явре, Разрывающая Скрепки, Нарушающая Клятвы, Разбивающая Лица. – Тут она хорошенько стукнула ему по затылку. Фэллоу больно ударился о булыжники, понимая, что нос сломан. Рот наполнился соленой кровью. – Чтобы отыскать меня, достаточно спросить Явре. – Она наклонилась, щекоча дыханием ухо. – Но когда ты находишь меня, то неприятности твои только начинаются. Итак, где груз?

Болезненное ощущение поползло по руке, сперва не слишком сильное, но потом горячее и горячее. Вскоре рука казалась раскаленной добела. Он заскулил, как собака.

– Ой-ей-ей! Внутренний карман! Внутренний карман!

– Очень хорошо...

Он почувствовал, как чужие ладони обшаривают его одежду, но мог только лежать, корчиться и хныкать, хотя звенящее страдание отступило. Вытянув шею, он оглянулся на нее, оскалившись.

– Мать твою так! Я зуб даю...

– Ты серьезно? – Ее пальцы нашли потайной карман и выудили сверток. – Ну, раз ты просишь...

Нажатием большого пальца Явре сломала Фэллоу оба верхних резца. Этот прием она узнала от старого сулджика, как и очень многое в своей жизни. Потом оставила Фэллоу, сгорбившегося и пытающегося выкашлять передние зубы.

– Когда мы встретимся в следующий раз, мне придется показать тебе меч! – бросила она и зашагала прочь, на ходу засовывая сверток за пояс.

О, Богиня! Жители Сипани какие-то слабаки. Неужели не найдется никого, кто бы мог сопротивляться ей?

Она потеряла болевшую руку. Возможно, ноготь почернеет и слезет, но ничего, отрасли новый. А вот зубы у Фэллоу – нет. Вряд ли это будет первый ноготь, который она потеряла. В том числе в те незабываемые времена, когда она лишилась вдобавок к ногтю еще и кусочка пальца на ноге, благодаря почитателям Пророка Кхалюля. Они ее пытали. На миг Явре почувствовала едва ли не симпатию к своим дознавателям. И особо приятным было воспоминание, как она приложила главного из них лицом в жаровню, когда убегала. Как он шипел!

Но, быть может, этот Куррикан разозлится настолько, что отправит по ее следу приличных убийц? Тогда она могла бы разобраться с ними. Не такая битва, как в прошлом году, конечно, но поможет скоротать вечерок.

Рассуждая, Явре шагала быстрой и решительной походкой, расправив плечи. Она любила ходить. С каждым шагом она ощущала собственную силу. Каждая мышца расслаблялась, но сохраняла готовность к мощному прыжку, стремительному пируэту, смертельному удару. Даже не вглядываясь нарочно, она отмечала способность каждого живого человека поблизости нести угрозу, предугадывала возможную атаку, просчитывала свой ответ, воздух вокруг нее дрожал от предугадываемых столкновений, подсчета расстояний, отображения позиций, изучения подручных средств, которые можно использовать в бою. Самые жесткие неприятности те, которые вы не видите заранее, поэтому Явре всегда была оружием. Оружием, которое никогда не вкладывалось в ножны и готовилось ответить на любой выпад.

Но ни один клинок не сверкнул из темноты ей наперерез. Ни стрелы, ни вспышки огня, ни отравленной иглы. И куча убийц тоже не появилась из тени.

Как жаль...

Только пара полупьяных северян препиралась у крыльца дома Помбрайна. Один из них рычал что-то про лысого бугра. Она не обратила на них ни малейшего внимания, взбегающая вверх по лестнице, как не заметила и нескольких нахмурившихся охранников, которые выглядели доходягами даже по сравнению с людьми Фэллоу. Дальше по коридору и в главный зал с фальшивым мрамором, дешевой люстрой и корявой мозаикой, изображавшей сцены с верховой ездой. Очевидно, вечерний наплыв посетителей еще не начался. Шлюхи обоих полов, включая типчика, в принадлежности которого Явре сомневалась, лениво развалились на диванах и креслах в ожидании клиентов.

Помбрайн занимался тем, что выговаривал кому-то из своих прихвостней за излишне вызывающий наряд. Когда Явре вошла, он испуганно глянул на нее.

– Ты уже вернулась? Что-то пошло не так?

– Все! – в полный голос расхохоталась она. Он выпучил глаза, а она смеялась еще громче. – Для них.

Схватив Помбрайна за запястье, она вложила ему в ладонь сверток.

Он посмотрел на ничем не примечательную кожу.

– Ты это сделала?

Женщина одной рукой обхватила его за плечи и сдавила. Помбрайн задохнулся, кости его закрипели. Вне всяких сомнений, она отличалась великанским ростом, но даже в этом случае трудно поверить в такую силу.

– Ты плохо знаешь меня. Меня зовут Явре, я – львица Хоскоппа. – Она смотрела на него, вызывая неприятное и малознакомое ощущение, что он – непослушное дитя, угодившее в суровые материнские объятия. – Когда я берусь за работу, то не отступаю. Но ты еще узнаешь.

– Я так и жажду расширить свой кругозор. – Помбрайн вывернулся из ее сокрушительного объятия. – Ты не... не открывала его?

– Ты мне не сказал, что можно.

– Хорошо. Хорошо.

Он смотрел на сверток, и улыбка постепенно озаряла его лицо. Просто не верилось, что задача разрешится с такой легкостью.

– Моя плата.

– О, конечно! – Он потянулся за кошельком.

Явре подняла мозолистую ладонь.

– Половину я возьму натурой.

– Натурой?

– Разве ты не этим здесь торгуешь?

– На половину суммы нужно много природы. – Он приподнял бровь.

– Я представляю. И я хотела бы остаться здесь на время.

– Это честь для нас, – пробормотал он.

– Я возьму его.

– Отличный выбор! Я...

– И его. И его. И ее. – Явре потерла грубые ладони. – Она может разогреть мужиков для меня. Я плачу не за то, чтобы кого-то возбуждать.

– Конечно, нет.

– Я – уроженка Тхонда, у меня грандиозные потребности.

– Могу сказать, что теперь вижу это.

– И, во имя солнца, пусть кто-нибудь приготовит для меня ванну. Я сейчас уже воняю, как сука во время течки, боюсь представить, какой смрад пойдет потом. Все городские кобели сбегутся ко мне! – Она захохотала.

Один из мужчин сглотнул. Второй глянул на Помбрайна с зарождающимся отчаянием, пока Явре заталкивала их в ближайшую комнату.

– ...Ты! Снимай штаны! Ты! А ты ищи узел повязки на моих сиськах! Вряд ли ты развяжешь, поэтому подвинь мне ремешок, чтобы развязала...

Дверь милосердно закрылась.

Помбрайн схватил за плечо Скалэкея – слугу, которому он доверял больше, нежели другим, – притянул к себе.

– Иди в Храм Гурков, что у третьего канала, так быстро, как сможешь. Знаешь такой? С зелеными мраморными колоннами?

– Да, хозяин.

– Скажешь священнику-привратнику, что у тебя сообщение для Ишри. Ей скажешь, что у мастера Помбрайна есть та вещица, о которой она спрашивала. Скажешь Ишри, понял?

– Для Ишри. У мастера Помбрайна есть вещь.

– Тогда выполняй! Бегом!

Скалэкей умчался, а Помбрайн отправился к себе в кабинет со скоростью, лишь немного меньшей, сжимая сверток в потной ладони. Закрыл за собой дверь и повернул ключ. Все пять замков сработали с успокаивающим душу металлическим лязгом.

Только после этого он позволил себе выдохнуть. Благоговейно уложил сверток на стол. Вот и наступило время его триумфа, которое хотелось продлить. Встретить с надлежащим почтением. Помбрайн подошел к шкафчику, вытащил бутылку, которую еще дед его привез из Шизнадзе для того, чтобы откупорить, отмечая самое значительное событие. Улыбнулся, протянул руку к штопору, покачивая головой.

Как долго он трудился, чтобы завладеть проклятым свертком? Распуская слухи о финансовых неудачах, хотя в действительности его дела шли как нельзя более успешно. Пересекался с Карколф снова и снова, пока наконец не получилось так, что они познакомились. Как будто случайно. Втирался в доверие, в то время как дурочка-курьер полагала, что он – безмозглая марионетка, приближался крошечными шагами к положению, где он мог заполучить сверток напрямик в руки, но... Предательская удача! Карколф вывернулась из его пальцев, проклятая сука. И не оставила Помбрайну ничего, кроме растоптанных надежд. Но теперь... Благодарение судьбе! Ужасная женщина Явре со всей своей грубостью и прямоотой преуспела там, где гениальные замыслы Помбрайна несправедливо потерпели крах.

Но не все ли равно, каким путем пришел успех? Его улыбка расплзлась еще шире, когда пробка вышла из горлышка. Сверток в его руках. Помбрайн обернулся, чтобы еще разок внимательно оглядеть добычу.

Оп-па! Струя пенящегося вина хлынула мимо стакана, заливая кадирийский ковер. А Помбрайн стоял с открытым ртом, глядя на зависший в воздухе сверток. Он висел на крючке, соединенном с тоненькой, как паутинка, нитью, которая уходила в отверстие в высокой стеклянной крыше. Там распласталась черная тень.

Помбрайн взвился в отчаянном прыжке, роняя стакан и бутылку, но груз ускользнул из его жадных пальцев и плавно взлетел, уходя за пределы досягаемости.

– Охрана! – взревел он, потрясая кулаками. – Вор!

Мгновение спустя осознал, что ярость сменяется всепоглощающим ужасом.

Ишри вот-вот будет в пути.

Привычным рывком Шев выдернула сверток, подхватив его затыкнутой в перчатку рукой.

– Как рыбак, – прошептала она, сунула добычу в карман и поползла по крутому и скользкому скату крыши, упираясь наколенниками, пропитанными смолой, которые, собственно, и выполняли за нее большую часть работы.

Оседлала конек, подобралась к дымоходу и сбросила веревку на улицу с противоположной стороны дома. Через мгновение она уже спускалась на землю. «Не думай о земле, никогда не думай о земле». Это, конечно, место хорошее, но если не попадать туда слишком быстро...

– Как скалолаз, – шептала она, поравнявшись с широким окном.

Ее взору предстала слабо освещенная, но вызывающе обставленная комната, а там...

Она крепко вцепилась в веревку и зависла, плавно покачиваясь.

Несмотря на то, что Шев всем сердцем желала не попасть в лапы телохранителей Помбрайна, открывшаяся картина была не из тех, мимо которой просто проходят. Четыре, но не исключено, что пять или даже шесть обнаженных тел образовывали ожившую скульптурную группу, которая шевелилась, постанывала, двигала конечностями. Пока она, склонив голову набок, разбирала, кто есть кто, краеугольный камень компании – рыжеволосый, мощного телосложения – уставился прямо на нее.

– Шеvedaй?

Никоим образом не мужчина, хотя и с могучими мускулами. Даже с коротко подрезанными волосами это лицо ни с кем не перепутаешь.

– Явре? Какого дьявола ты тут делаешь?

Она кивнула на обнаженные тела, сплетающиеся с ней.

– А что, с первого раза непонятно?

Топот охранников по мостовой отвлек внимание Шев.

– Ты меня никогда не видела!

Ослабив хватку, она заскользила по веревке, которая шипела, обжигая сквозь перчатку, и тяжело приземлилась, тут же кинувшись наутек, поскольку несколько вооруженных мужчин показались из-за угла.

– Стой, ворюга!

– Держи его!

– Мой сверток! – выделялся пронзительный голос Помбрайна.

Не глядя, Шев протянула руку за левое плечо, дернула завязку мешка за спиной и услышала, как стальные «ежики» рассыпались по ее следу. Услыхала крики. Двое охранников запрыгали, упали. А завтра утром их ноги еще и опухнут. Но отстали далеко не все.

– Убейте его!

– Стреляй!

Она кинулась влево. Мгновение спустя щелкнул арбалет. Стрела высекла искру из стены рядом с ней и улетела в ночь. На бегу Шев сдернула перчатки, одна из которых до сих пор дымилась, и швырнула их через плечо. Теперь резко вправо. Хорошо, когда планируешь путь заранее. Запрыгнув на крайний столик заведения Версетти, она помчалась по ним, сбрасывая на землю столовые приборы и посуду. Посетители падали и расползались в стороны. Скрипач-оборванец кинулся в укрытие.

– Как бегун, – прошептала она, спрыгивая с последней столешницы, ныряя под цепкие руки охранника.

Она потянулась за правое плечо, дернула бечевку. Очередной мешок раскрылся, сбрасывая груз под самой вывеской Версетти, а Шев припустила изо всех сил.

Вспыхнуло! Как будто ночь разорвала молния. За спиной Шев раздался взрыв. Фасады зданий впереди резко высветились. Послышались крики, визг. А потом еще несколько взрывов. Она знала, что позади распускаются цветки фиолетового огня, ливень золотых искр накрывает улицу, словно двор на свадьбе какого-нибудь барона.

– Да, Коудам умеет делать фейерверки, – прошептала она, сопротивляясь искушению остановиться и понаблюдать за представлением, но вместо того протиснулась в темный проулок, прогнав с дороги облезлую кошку, пригнувшись, пробежала три дюжины шагов и нырнула в тесный палисадник, изо всех сил стараясь выровнять учащенное дыхание.

Здесь она вытащила узелок, спрятанный в корнях засохшей ивы, достала белый балахон, быстро натянула его через голову, низко надвинула капюшон. Взяв в руку толстую освященную свечу, наострила уши.

– Вот дерьмо... – пробормотала она.

Когда стихли последние отголоски огненной потехи, стали слышны приближающиеся выкрики охранников Помбрайна, которые стучали во все двери подряд.

– Куда он делся?

– По-моему, сюда!

– Проклятые фейерверки сожгли мне руку! Нет, правда, сожгли, ты же знаешь!

– Мой сверток!

– Давайте, давайте, – шептала Шев. Дать себя поймать этим идиотам значит допустить самый неловкий момент в ее карьере. Конечно, по сравнению с тем случаем, когда она зацепилась за крюк на скате Торговой ратуши с цветами в волосах и без нижнего белья, а внизу росла толпа зевак, пара тумачков – сушая ерунда, но все-таки. – Давайте, давайте, давайте...

Наконец с противоположной стороны она услышала пение и улыбнулась. Сестры никогда не опаздывают. Теперь она слышала их. Размеренный топот заглушил голоса головорезов Помбрайна и причитания женщины, оглушенной взрывами фейерверков. Громче шаги, громче священный гимн... И вот процессия миновала сад. Жрицы, одетые в белое, с низко надвинутыми капюшонами, перед каждой горела свеча – пламя трепетало во мраке в такт слаженных шагов.

– Как жрица, – шепнула себе Шев, выбираясь из сада и втискиваясь в середину шествия.

Она наклонила свечу к соседке слева, чтобы прикоснуться фитилем к огоньку, а когда та нахмурилась, подмигнула:

– Не откажите девушке в свете!

С утихающим волнением она «поймала ногу» и добавила свой голос к благочестивому песнопению. Они прошли по Калдис-стрит и Финтайн-Бридж, где разряженные в маски гуляки уважительно пропустили процессию. Потом мимо обиталища Помбрайна и неистово рыщущих по округе охранников, рядом с орущими друг на друга северянами, которые скрылись в тумане за спиной.

В полной темноте Шев бесшумно забралась в собственное окно, не потревожив штор касанием, и обошла любимое кресло. В нем спала Карколф, один золотистый локон трепетал от ее сонного дыхания. С закрытыми глазами и лицом, лишенным привычной ехидной улыбки, с которой она рассматривала весь мир, Карколф выглядела очень молодой. Молодой и очень красивой. Благословенна будь мода на обтягивающие брюки! Свеча бросала слабые блики, заставляя сиять легкий пушок на щеке Карколф. Шев почувствовала острое желание протянуть руку и прикоснуться ладонью к ее лицу, обвести пальцем губы...

Но даже для такой авантюристки, как она, это было бы слишком необдуманно. Поэтому, подавив желание, она воскликнула:

– Бу!

Карколф выскочила из кресла, как лягушка из кипятка, налетела на стол, чуть не упала, обернулась с выпученными глазами.

– Во имя Преисподней! – пробормотала она, испуская прерывистый вздох. – Тебе обязательно было делать это?

– Обязательно? Нет.

Карколф прижала ладонь к ребрам.

– У меня могли швы из-за тебя разойтись.

– Ты удивительный ребенок! – Шев стащила через голову балахон и отбросила его в угол. – Тебе едва-едва порезали кожу.

– Потеря твоего уважения ранит меня сильнее, чем любой клинок.

Шев расстегнула ремни, на которых крепились ее воровские инструменты, отцепила от сапог «кошки» и начала избавляться от своего черного одеяния, действуя спокойно, будто ей не было дела – глядит Карколф или нет. Но с удовлетворением отметила, что, когда натягивала чистое платье, курьер заговорила хрипловатым от волнения голосом.

– Ну?

– Что – «ну»?

– Я, конечно, всю жизнь мечтала понаблюдать, как Белая Сестра раздевается у меня на глазах, но мне все-таки хотелось бы узнать, нашла ли ты...

Шев вытащила сверток и швырнула Карколф, которая ловко поймала его.

– Я знала, что могу на тебя положиться. – Карколф ощущала легкое головокружение от облегчения, не говоря уже о некотором зуде желаний.

Опасные женщины всегда были ее слабостью. Проклятье! Она в самом деле превращается в своего отца.

– Ты не ошиблась, – ответила Шев, опускаясь в кресло, из которого не так давно выпрыгнула напуганная Карколф. – Это Помбрайн.

– Черт! Я знала это! Слизняк! Как тяжело найти в наши дни качественную подставку!

– Ты не можешь доверять никому.

– Но приходится. Ничего страшного, правда? – Карколф приподняла рубашку, как никогда тщательно засовывая сверток под верхний из ее двух денежных поясов.

Настал черед Шев подсматривать, притворяясь, будто ей гораздо интереснее налить себе бокал вина.

– А что там? – спросила она.

– Будет безопаснее, если я промолчу.

– То есть ты сама не знаешь.

– Мне приказано не проявлять любопытства, – вынужденно признала Карколф.

– А тебе даже никогда не хотелось? Я хочу сказать, что чем настойчивее мне что-то запрещают, тем сильнее мне хочется. – Шев подалась вперед, ее темные глаза завораживающе мерцали, на долю мгновения в голове Карколф возник образ, как они вдвоем катаются по ковру, хохоча и разрывая вместе сверток.

Потребовалось усилие, чтобы отогнать его.

– Вор может задаваться таким вопросом. Курьер не может.

– А может он чуть меньше выпендриваться?

– Потребуется усилие.

– Ну, это же твой сверток. – Шев отхлебнула вина. – Мне так кажется.

– Нет. В том-то и дело, что нет.

– Мне кажется, ты больше нравилась бы мне преступницей.

– Враки. Просто ты смакуешь возможность толкнуть меня на скользкий путь.

– Верно. – Шев хитро выкрутилась на стуле таким образом, что ее длинные, загорелые ноги выскользнули из разреза юбки. – Почему бы тебе не остаться ненадолго? – Ее ступня скользнула вдоль внутренней стороны лодыжки Карколф, поднимаясь все выше и выше. – И ступить на скользкий путь.

Карколф вздохнула едва ли не с горечью.

– Дьявольщина... Я бы с удовольствием. – Порыв страсти поднялся из груди и сжал горло так, что на краткий миг она почти задохнулась. Желание запустить свертком в окно, присесть рядом, взять ладонь Шев в свои, говорить о всяких глупостях, о которых она молчала с тех пор, как перестала быть подростком. На очень краткий миг. Потом она стала прежней Карколф, резко отступила, и ступня Шев соскользнула на половицу. – Ты же знаешь о моей работе. Надо ловить ветер.

Она схватила новый плащ и повернулась, накидывая его на плечи достаточно долго, чтобы ни малейшего намека на слезы не осталось на ресницах.

– Ты должна отдохнуть от работы.

– Я говорю себе это после каждого задания, а когда заканчиваю работу, то становлюсь... какой-то дерганой. – Карколф вздохнула, застегивая пуговицы. – Я не создана сидеть на одном месте.

– Ха!

– Давай, ты не будешь притворяться, что слеплена из другого теста.

– Давай, не будем. Я подумываю – не отправиться ли в Аду? Или, может, вернуться на юг?

– Мне хотелось бы, чтобы ты осталась, – только и смогла сказать Карколф голосом нарочито беззаботным. – Когда я вернусь, кто будет вытаскивать меня из заварушек?

Ты – единственный человек в этом городе, которому я доверяю. – Совершеннейшая ложь, конечно. Она не доверяла Шев ни на волосок. Хороший курьер не доверяет никому, а Карколф была лучшим из лучших. Но все-таки ложь в этом случае была гораздо приятнее, чем правда.

Она видела улыбку Шев и знала, что та обо всем догадывается.

– Как мило... – Воровка решительно перехватила запястье вознамерившейся уйти Карколф. – А мои деньги?

– Ой, какая я глупая! – Карколф вручила ей кошелек.

– А остальные? – поинтересовалась Шев, даже не заглядывая внутрь.

Карколф снова вздохнула и бросила на кровать второй кошелек. Мягко блеснули рассыпавшиеся по белой простыне золотые монеты.

– Ты бы обиделась, если бы я не попыталась.

– Я так тронута, что ты бережешь мои нежные чувства. Смею заметить, что буду рада видеть тебя здесь опять. Когда? – спросила она, когда курьер взялась за засов.

– Я буду считать мгновения.

Ей как никогда хотелось получить прощальный поцелуй, но Карколф не была уверена, что ей хватит решимости начать первой. Поэтому послала воздушный поцелуй и захлопнула за собой дверь. Стремительно пересекла затененный двор и выскочила через крепкие ворота на улицу, надеясь, что успеет выиграть время, пока Шев не рассмотрит должным образом монеты из первого кошелька. Возможно, поступок, достойный наказания свыше, но сделать это стоило только лишь для того, чтобы увидеть ее лицо.

Проклятый день закончился, но нельзя исключать, что он мог быть и гораздо хуже. У Карколф оставалось достаточно времени, чтобы подняться на борт корабля, а там можно и ветер ловить. Она накинула капюшон и, морщась от боли и в недавно зашитом порезе, и в непонятно откуда взявшейся язвочке, и потертостях от дурацкого шва, зашагала сквозь туманную ночь. Ни слишком быстро и ни слишком медленно, а так, чтобы стать полностью незаметной.

Дьявольщина, как же она ненавидела Сипани.

Гиллиан Флинн

Гиллиан Флинн – автор бестселлера «Исчезнувшая», занявшего первое место по версии «Нью-Йорк таймс» в 2012 году. Также в рейтинг «Нью-Йорк таймс» входили бестселлеры «Темные тайны» и «Острые предметы», последний из которых получил две награды «Ассоциации писателей-криминалистов». В прошлом она работала криминальным репортером и критиком в журнале Entertainment Weekly. Ее романы опубликованы в сорока странах мира. Проживает в Чикаго вместе с семьей.

В напряженном и запутанном триллере, который Гиллиан Флинн предоставляет нашему вниманию, рассказывается, что профессиональные амбиции это, конечно, хорошо, но иногда погоня за карьерным ростом может завести вас на очень опасную территорию.

Гиллиан Флинн «Что мне делать?»

Я не прекращала заниматься «хэндджемом¹», пока не достигла совершенства в этом занятии. Я бросила заниматься «хэндджемом», когда стала лучшей из лучших. В течение трех лет я считалась лучшим специалистом по «хэндджебу» в трех штатах. Ключ к успеху – не впадать в скуку. Если начинаешь слишком уж переживать о технике, анализировать ритм и давление, то утратишь естественность процесса. Просто загодя подготовьтесь мысленно, а после не думайте ни о чем, доверившись ощущениям своего тела.

Ну, если коротко, то это как в гольфе.

Я вкалывала, не покладая рук, шесть дней в неделю, восемь часов в день с перерывом на обед, и мое рабочее время было расписано по минутам. Один раз в год я брала двухнедельный отпуск и никогда не работала в праздники, поскольку в праздничные дни «хэндджем» – грех. Таким образом, за три года я сделала 23 546 «хэндджемов». Поэтому не надо слушать эту суку Шардель, которая утверждает, что я бросила работу из-за нехватки таланта.

Нет, я ушла потому, что после 23 546 «хэндджемов» синдром запястного канала вам гарантирован.

Я честно занималась своим делом. Возможно, слово «добросовестно» больше подходит... В жизни я совершала не так много честных поступков. Детство мое прошло в городе, под надзором одноглазой матери (как вам такой факт биографии?), и о ней никто не сказал бы – вот добропорядочная леди! Нет, не из-за проблем с наркотиками и не из-за алкоголизма. У нее были проблемы с работой. Из всех ленивых сук, которых мне доводилось встречать в жизни, она была самой ленивой. Дважды в неделю мы выбирались в центр города и там попрошайничали. Поскольку мать моя терпеть не могла находиться в вертикальном положении, она планировала стратегическую задачу. Получить как можно больше денег за наикратчайший промежуток времени, а потом вернуться и, лежа на грязном продавленном матрасе, запихиваться тортом «Зебра» и смотреть криминальные шоу по телику. Пятна... Это почти все, что я могу припомнить из своего детства. Я не скажу вам, какого цвета был глаз у моей мамы, но прекрасно помню пятна на мохнатом ковре – насыщенного ярко-коричневого цвета, на потолке – горячо-оранжевые, на стенах – желтые, как похмельная моча.

Мы с мамой наряжались. Она надевала выцветшее хлопчатобумажное платье, поношенное, но кричащее о скромности владелицы. Мне доставались обноски, из которых я уже выросла. Потом мы усаживались на скамейку и высматривали людей, которые могли бы что-то подать. Схема очень простая. Во-первых, церковный автобус с иногородними. В родном поселке верующие просто отправят вас в церковь, но здесь они не могут отказать в помощи. Особенно печальной одноглазой женщине с ребенком. Во-вторых, женщины, которые ходят парами. Когда женщина одна, она может слишком быстро промчаться мимо вас, а со стойкой слишком трудно разговаривать. В-третьих, незамужние женщины с наивным взглядом. Точно у таких же обычно узнают дорогу или время, а мы просили денег. Кроме того, молодые мужчины с бородками или гитарами. Никогда не останавливайте мужчин в костюмах – опыт показывает, что все они козлы. Ну, и за обручальным кольцом на пальце тоже нужно поглядывать. Не знаю почему, но женатые мужчины никогда не подают милостыню.

¹ Хэндджем (*англ.* handjob) – неофициальное обозначение сексуальной практики, в которой один из партнеров (женщина или мужчина) производит ручную стимуляцию полового члена второго партнера – мужчины, как правило, доводя его до оргазма и эякуляции. (*Прим. переводчика.*)

Как мы действовали? Мы никогда не называли их мишенями, или добычей, или жертвами. Мы называли их – Тони. Просто папашку моего звали Тони, и он не мог отказать никому. Впрочем, однажды он отказал моей матери, когда та умоляла его остаться.

После того, как ты выбираешь очередного Тони, у тебя есть пара секунд, чтобы определиться с методом. Некоторые предпочитают, чтобы все происходило быстро, как ограбление. И ты затягиваешь: «Намнужноденегнакусокхлебактоженампоможет...»

Некоторые хотят насладиться вашим несчастьем. Они дадут денег лишь в том случае, если убедить их, что их жизнь гораздо лучше вашей, и чем печальнее рассказанная история, тем на большую выручку можно рассчитывать. Я не обвиняю их. Когда вы приходите в театр, то ждете развлечения, а как иначе?

Моя мама выросла на заброшенной ферме. Ее собственная мать умерла при родах, а отец растил сою и воспитывал дочь, пока не разорился окончательно. Она поступила в колледж, но у отца обнаружили рак, ферму пришлось продать, концы перестали сходиться концами, она бросила учебу. Три года проработала официанткой, но потом обзавелась своей малышкой, мой отец сбежал от нее до того, как узнал о моем существовании... Она была одной из многих. Нуждающихся. И совсем не гордой...

Итак, возникает первоначальная идея. Она развивается в историю. И можно начинать. Если удавалось быстро угадать, что человека интересует душещипательная сказка о трудном пути к успеху и саморазвитию, то я становилась ученицей далекого интерната (так оно и было на самом деле, но речь не об этом) и у моей мамы внезапно закончился бензин в автомобиле, когда она везла меня туда (я добиралась на автобусах с тремя пересадками и вполне самостоятельно). Если человек хотел историю несчастной судьбы, то у меня непременно находилось редчайшее заболевание (как мама только не изгалялась, выдумывая названия – синдром Тодда-Тиккона, болезнь Грегори-Фишера) и здравоохранение бросило нас на произвол судьбы.

Моя мать была хитрой, но ленивой. А у меня амбиции зашкаливали. Много выносливости и мало гордости. К тому времени, как мне исполнилось тринадцать, я выпрашивала по сотне долларов в день, а когда стукнуло шестнадцать, послала подальше ее пятна и телик – и начальную школу тоже! – и принялась работать самостоятельно. Я выходила из дома каждое утро и побиралась ровно шесть часов. Я совершенно точно знала, к кому нужно подойти и что именно сказать. Никогда не смущалась. Просто бизнес – ты даришь людям радость, а они дают тебе деньги.

Надеюсь, таким образом я объяснила, почему «хэндджоб» представлялся мне естественным развитием карьеры.

«Ладони Судьбы» (не я называла заведение, уж не обессудьте) располагались в фешенебельном районе к западу от центра города. Карты Таро и хрустальные шары предоставлялись клиентам в ближних комнатах, а в дальних – нелегальный ненавязчивый секс. Я пришла по объявлению о найме администратора. Оказалось, что под «администраторами» здесь понимают проституток. Моей начальницей была Вивека – некогда администратор, а ныне добросовестная гадалка по ладони. Кстати, на самом деле ее звали не Вивека, а Дженнифер, но люди не верят, что Дженнифер может предсказывать будущее. Дженнифер может посоветовать вам фасон обуви или порекомендовать хороший овощной рынок, но должна держаться подальше от грядущего других людей. Вивека руководила несколькими гадалками из комнат в передней части дома и владела небольшим опрятным кабинетом «на задах». Он похож на врачебный кабинет. Там есть бумажные полотенца, дезинфицирующие средства и смотровой стол. Девушки задрапировали его цветными абажурами, яркими занавесками и подушками, обшитыми люрексом. Девчачьи вещи, но им они, похоже, очень важны. Я имею в виду – будь я парнем, который готов заплатить, чтобы мне подрочили, вряд ли я зашла бы в номер и воскликнула: «О Боже мой! Этот волшебный аромат свежеевыпеченного

штруделя и мускатного ореха! Скорее, хватай меня за член!» Я бы вообще говорила очень мало, как большинство из них и поступают.

Каждый мужчина, приходящий в поисках «хэндджоба», уникален. (Мы здесь занимаемся только «хэндджем» или, правильнее сказать, я здесь занимаюсь только «хэндджем». На моем счету есть несколько протоколов о мелких кражах, за которые меня арестовывали в восемнадцать, девятнадцать и двадцать лет, я прекрасно понимаю, что достойной работы мне не сыскать вовеки, но не хочу осложнять свою карьеру еще и задержанием за проституцию.) Парень, пришедший в поисках «хэндджоба», разительно отличается от парня, которому нужен секс или минет. Конечно, для некоторых мужчин «хэндджем» – суррогат полового акта. Но у меня хватало постоянных клиентов, которые не хотели ничего, кроме ручной стимуляции. «Хэндджем» для них не считается изменой. Или они боятся венерических заболеваний, а потому никогда не осмелятся просить большего. Как правило, это напряженные, издерганные женатые мужчины, представители среднего класса, люди умственного труда. Я никого не осуждаю, просто даю свою оценку. Они хотят видеть девушку привлекательную, но не развратную. Например, в повседневной жизни я ношу очки, но, когда нахожусь на работе в кабинете, снимаю. Это отвлекает клиентов – они думают, что вы предлагаете им игру в сексуального библиотекаря, напряженно ждут первых аккордов мелодий «ЗиЗи-Тоба», потом, когда ничего не услышали, мучаются, что ожидали игры в сексуального библиотекаря, а потому отвлекаются, и процесс занимает гораздо больше времени, чем следовало бы.

Они хотят видеть вас доброжелательной и привлекательной, но не робкой. Они не хотят чувствовать себя хищниками. Они хотят деловых отношений. Они ориентированы на бизнес. Поэтому непринужденная светская беседа о погоде или спорте их вполне устраивает. Обычно я стараюсь отыскать своего рода внутреннюю шутку, которую мы могли бы повторять при каждой встрече. Внутренняя шутка очень похожа на символ дружеских отношений, но при этом не требует никаких иных признаков истинной дружбы. И ты говоришь ему: «О, сезон клубнички в самом разгаре, как я вижу!» или «Нам нужна славная рыбалка!» (Кстати, дарю вам эти внутренние шутки!), и оказывается – лед тронулся, клиент уже не «морозится», чувствуя дружеское отношение, и, пожалуйста, взаимопонимание налажено, и можно за него приниматься.

Когда люди задают мне надоедливый вопрос: «Чем ты занимаешься?», я смело могу ответить: «Работаю с клиентами». И это правда. Для меня рабочий день удается тогда, когда я заставляю людей улыбнуться. Знаю, что звучит это излишне пафосно, но это так. Могу заверить, что предпочла бы работу библиотекаря, но беспокоюсь о своем будущем. Книги приходят и уходят, а члены у мужчин будут всегда.

Но проблема в том, что мое запястье изводило меня. Мне всего лишь тридцать, но запястье у меня как у восьмидесятилетней старухи, и приходилось надевать совершенно несексуальный бандаж. Конечно, перед работой я его снимала, но звук открывающейся «липучки» заставлял мужчин нервничать. Однажды Вивека заглянула ко мне в заднюю комнату. Она – крупная женщина, слегка напоминающая каракатицу. Очень много бисера, оборочек, ленточек. Все это окружало ее вместе с сильным запахом одеколona. Волосы она красила в цвет фруктового пунша, но утверждала, что это – ее натуральный цвет. (Вивека выросла в рабочей семье, будучи самым младшим ребенком. Ей нравилось проявлять заботу о людях. Она плакала, глядя рекламу. Несколько раз пыталась стать вегетарианкой, но безрезультатно. Так я полагаю.)

– Зануда, ты ясновидящая? – спросила она.

Она звала меня Занудой, потому что я носила очки, читала книги и в обеденный перерыв ела йогурт. Ну, я, в самом деле, не дура, а просто сливаюсь с толпой. После того, как не попала колледж, занимаюсь самообразованием (это приличное слово, если верить

справочникам). Постоянно читаю. Много размышляю. Но образованию моему не хватает системности. Меня не отпускало чувство, что я умнее окружающих людей, но если попаду в компанию действительно образованных личностей, которые окончили университеты, пьют вино и говорят на латыни, то им со мной будет дьявольски скучно. Так что по жизни мне уготовано одиночество. Потому кличку я ношу, как награду. И мне не будет скучно в обществе умных людей. Где их только найти? Вот вопрос.

– Ясновидящая? Нет.

– Предсказательница? У тебя бывали видения?

– Нет. – Я, следом за моей матерью, считала всякие гадания по полету птиц полным дерьмом. А она, выросшая на заброшенной ферме, знала в этом толк.

Вивека перестала крутить одну из своих бусинок.

– Зануда, я пытаюсь тебе помочь.

Я начала понимать. Обычно я не такая тормознутая, но запястье пульсировало, а боль отвлекает, и ты не думаешь ни о чем, кроме нее. Кроме того, в свое оправдание могу заметить – когда Вивека задает вопросы, она мало прислушивается к вашим ответам.

– Когда я встречаю кого бы то ни было, – сказала я важным, «мудрым» голосом, – то у меня начинаются определенные видения. Я вижу, кто они и чего хотят. Я вижу это подобно цветному ореолу вокруг них.

Это было не совсем так, но где-то близко к истине.

– Ты читаешь ауры, – улыбнулась она. – Я знала, что ты можешь!

Вот так я узнала, что мне предначертано перебраться в передние комнаты. Я читала ауры, следовательно, учить меня не нужно.

– Просто говори им то, что они хотят услышать, – пояснила Вивека. – Играй с ними.

Теперь, если меня спросили бы: «Чем ты занимаешься?», я совершенно честно могла бы ответить: «Я – специалист-провидец» или «Я – практикующий психолог».

К гадалкам обычно ходили женщины, а в поисках «хэнджоба», как правило, мужчины, поэтому нам приходилось разделять их. Площадь-то небольшая. И, прежде чем ответить клиента в заднюю комнату, приходилось убедиться, что из передних комнат ушла женщина. Было бы не совсем правильно, если бы женщина, рассказывающая, по какой причине разрушился ее брак, вдруг услышала бы через дверь стоны оргазма. Одного раза хватило бы, чтобы лишиться сразу всего.

Риска добавляло и то, что клиентуру Вивеки составляли люди из среднего и чуть выше класса. То есть очень привередливые люди. Если грудастые богатые домохозяйки не хотят, чтобы их судьбу предсказывала Дженнифер, то уж они тем более возмутятся против отставного работника секс-индустрии с большим запястьем. Тут внешность решает все. Это не те люди, которые согласились бы жить в трущобе. Их главная цель – живя в городе, делать вид, будто они живут в пригороде. Наши комнаты для гадания были оформлены в стиле «Потери Барн»². Я одевалась соответственно в стиле Фанки-Арт³, и мой наряд вполне одобрили бы в Джей Крю⁴. Деревенские блузы – вот ключ к успеху.

Женщины в компании легкомысленны, увлечены фантазиями, готовы веселиться. Те, кто приходит поодиночке, ищут веры. Они обычно исполнены отчаяния, но страховки для хорошего психолога не хватает. Или просто не догадываются, как отчаянно нуждаются в психологе. Трудно их не жалеть. Но я старалась, поскольку не должен хранитель вашего будущего, ваш мистик таращить глаза на вас. Но я им сочувствовала. Большой дом в городе,

² «Потери Барн» – американский интернет-магазин, предоставляющий эксклюзивную мебель, декор и аксессуары для дома.

³ Фанк – музыкальное направление, наряду с соулом составляющее ритм-энд-блюз.

⁴ Джей Крю – американский мультибренд, выпускающий линии женской, мужской, детской одежды и аксессуаров.

мужья, которые не бунтят и даже помогают с детьми, карьера, всяческие клубы. И все равно они были печальны. Они так обычно и говорят: «Мне так тоскливо». Как правило, это означало, что у них слишком много свободного времени. Конечно, я не дипломированный психолог, но в большинстве случаев все дело в лишнем времени.

Поэтому я говорю им что-то типа: «Огромная страсть ворвется в вашу жизнь». А потом стараюсь угадать, что же может их расшевелить, заставить ощутить полноту жизни. Воспитание ребенка, работа волонтера в библиотеке, спасение бродячих собак, работа с Гринписом. Но нельзя предлагать, хотя это и ключ к успеху. Нужно предупредить: «Огромная страсть ворвется в вашу жизнь... Действуйте осторожно, и она затмит все в вашей жизни!»

Я не утверждаю, что это очень легко, но часто получается довольно просто. Люди жаждут страсти. Хотят иметь цель. И когда они получают желаемое, то вернутся к вам, поскольку вы предсказали их будущее, и им понравилось.

Сьюзан Берк не походила на других. Когда я ее увидела, она показалась умнее доброй половины людей. Дождливым апрельским днем, только что освободившись от клиента, пришедшего за «хэндджобом», я вошла в комнату, где дожидалась она. Я еще сохраняла контакты с несколькими самыми лучшими клиентами и в тот день помогала расслабиться богатенькому парню, который называл себя Майклом Одли. Я говорю «называл себя» потому, что вряд ли обеспеченный джентльмен назвал бы мне свое настоящее имя. Итак, Майкл Одли – любитель черного юмора, выпускник колледжа, очень умный, но не заносчивый, фанат бега трусцой. Это я так предполагала. Единственное, что я знала о нем наверняка, – Майкл очень любил читать. Он с жаром рекомендовал мне книги, и я, как ботан-новичок, всегда радовалась его напору и дружелюбию. «Ты должна прочитать это!» Довольно быстро у нас возник собственный частный (иногда липкий) книжный клуб. Он восхищался «классическими историями о сверхъестественном» и хотел увлечь меня. Смеялся: «Ты же провидица, в конце концов!» В тот день мы обсуждали проблемы одиночества и поиска в «Призраке Дома на Холме», потом он ушел, я протерла руки влажной салфеткой и схватила последнюю книгу, которую Майкл мне принес, – «Женщину в белом». («Ты обязательно должна ее прочитать! Это один из лучших образцов жанра!»)

Потом я растрепала волосы, чтобы казаться похожей на экстрасенса, одернула деревенскую блузу и, сунув книгу под мышку, вбежала в комнату. Чуть-чуть опоздала – на тридцать семь секунд. Сьюзан Берк пожала мне руку нервным движением вверх-вниз, как птичка. Я вздрогнула и уронила книгу. Наклонившись за ней одновременно, мы стукнулись лбами. Определенно, плохое начало для работы с психотерапевтом. Это же не фильм «Три балбеса».

Я жестом пригласила ее присесть. Включила свой самый «мудрый» голос и спросила о цели визита. Есть очень простой способ подсказать людям, чего они хотят. Просто спросите их об этом.

Сьюзан Берк молчала несколько мгновений. А потом пробормотала:

– Моя жизнь на грани краха.

Она отличалась красотой, но была настолько зажата и растерянна, что с первого взгляда не понять. Требовалось рассмотреть внимательнее. Ярко-синие глаза за старомодными очками. Светлые волосы в нарочито скромной прическе. Явно из богатых. Сумочка слишком простая, чтобы быть дешевой. Платье серой мышки, но великолепно сшитое. Нет, если подумать, может, платье и не мышье, просто она так его носила. «Умная, но не творческая личность, – подумала я. – Конформистка. Живет в постоянном страхе сказать или сделать что-то не так. Должно быть, раньше ее давили родители, а теперь – муж. А муж наверняка с характером. Поэтому ее ежедневная задача – дожить до вечера без ссоры. Грустно. Она будет грустить...»

И тут Сьюзан Берк зарыдала. Проплакала ровно полторы минуты. Я собиралась дать ей две, а потом прервать, но она успокоилась самостоятельно.

– Я не знаю, что я тут делаю, – сказала она. Вытащила носовой платок из сумочки, но не воспользовалась им. – Но это безумие. И с каждым днем все хуже и хуже.

– А что случилось? – выдала я беспроигрышный вопрос, вроде бы и не претендуя на то, чтобы лезть в душу.

Она вытерла глаза и смотрела на меня мгновение. Потом моргнула.

– А разве вы не знаете?

И улыбнулась. Чувство юмора на месте. Неожиданно.

– Так что мы будем делать? – спросила она, беря себя в руки. – Как будем работать?

– Я – интуитивный психолог, – ответила я. – Вы понимаете, что это значит?

– Вы можете угадывать желания людей.

– В определенной степени, да. Но мои возможности куда больше, чем просто догадки. Здесь играют свою роль все мои органы чувств. Я могу ощущать вибрации, исходящие от людей. Могу видеть ауры. Чувствую запах отчаяния, лжи или депрессии. Этот дар появился у меня в далеком детстве. Мать моя была неуравновешенной женщиной, подверженной черной депрессии. Ее окружала темно-синяя дымка. Когда она была рядом со мной, то кожа моя зудела, как будто рядом кто-то играет на фортепиано, а пахла она отчаяньем, которое мне казалось похожим на запах хлеба.

– Хлеба? – удивилась Сьюзан.

– Да, это был ее запах. Запах отчаявшейся души. – Мне пришлось подобрать новый «одорант для печальной женщины». Не палая листва, он более землистый, что ли. Грибы? Нет, некрасиво.

– Хлеб... Это так удивительно, – проговорила она.

Обычно люди спрашивают, а какая у них аура или запах. Это первый шаг к установлению взаимопонимания. Сьюзан поерзала на стуле.

– Не хочу показаться грубой. Но... Мне кажется, мне это не подходит.

Я ждала. Чуткое молчание – оружие, которое повсеместно недооценено в мире.

– Ладно, – кивнула Сьюзан, заправляя волосы за уши. На пальцах блеснули массивные кольца с бриллиантами. В детстве она, по моим предположениям, была заучкой. Но стеснялась этого. Возможно, давили родители. Впрочем, как обычно. – Что же вы читаете по мне?

– Что-то произошло в вашем доме.

– Так я вам это говорила. – Я чувствовала, как отчаяние оставляет ее и появляется надежда на мою помощь.

– Нет, вы сказали, что ваша жизнь на грани краха. А я вам говорю, что причина этого кроется в вашем доме. У вас есть муж, и я чувствую разногласия между вами. Я вижу вашу ауру болезненно зеленой, как протухший яичный желток. Но по наружному краю – бирюзовые вспышки. Это говорит мне, что вначале все было хорошо, а потом разладилось. Так ведь?

Обо всем этом было нетрудно догадаться, но мне понравилась цветовая гамма, она прибавляла убедительности.

Сьюзан взглянула на меня. Кажется, я зацепила ее за живое.

– Также я ощущаю исходящие от вас вибрации. Такие же, как у моей матери. Отрывистые, высокие, похожие на звуки фортепиано. Вы отчаялись, вы испытываете нестерпимую боль. Вы не высыпаетесь.

Упомянуть проблемы со сном всегда рискованно, но, как правило, окупается сторицей. Люди, страдающие от чего-то, спят плохо. А измученные бессонницей весьма благодарны людям, которые признают их усталость.

– Нет, нет, – возразила Сьюзан. – Я сплю по восемь часов.

– Но это не тот отдых, что нужен. У вас тревожные сны. Не обязательно кошмары. Вы можете даже не помнить их, но просыпаетесь с ощущением тяжести, разбитая.

Вот так можно выкрутиться из самого плохого положения. Сьюзан за сорок. А люди после сорока очень часто просыпаются, ощущая себя нездоровыми. Я знаю это из рекламы.

– Вас беспокоит шея, – давила я. – Кроме того, от вас исходит запах пионов. Ребенок... У вас есть ребенок?

Если у нее нет детей, я просто скажу: «Значит, вы мечтаете их завести». И возразить она не сможет. Уверена, любая женщина, отказываясь от материнства, испытывает сомнения. Просто она всегда думает о продолжении рода. И сделать подобный вывод – весьма логично.

– Есть. И даже двое. Сын и пасынок.

Пасынок? Нужно отрабатывать версию с пасынком.

– Значит, в вашем доме что-то не так. Дело в вашем пасынке?

Она встала, порылась в безупречной сумочке.

– Сколько я вам должна?

Где-то я ошиблась. И думала, что никогда больше не увижу ее. Но через четыре дня Сьюзан Берк появилась вновь.

– А у предметов могут быть ауры? – спросила она. – Ну, типа, вещей. Или у дома?

Потом еще через три дня:

– А вы верите в злых духов? Как вы думаете, они существуют?

И через день.

По большей части мои догадки насчет нее подтвердились. Властные требовательные родители, крепкое, типа «Лиги плюща»⁵ образование, какой-то бизнес. На мой вопрос, чем она занимается, Сьюзан начала что-то рассказывать о реструктуризации, сокращениях и перераспределении клиентуры. Я нахмурилась. Она насторожилась и сказала: «Я нахожу и устраняю проблемы». Отношения с мужем у нее сложились вполне приемлемые, за исключением того, что касалось пасынка. Берки переехали в город около года назад, и вот теперь мальчик, бывший просто трудным ребенком, начал серьезно настораживать.

– Майлз никогда не был приятным ребенком, – рассказала она. – Я – единственная мама, которую он знал. Мы с его отцом поженились, когда ему было шесть лет. Но он всегда был холоден. Интроверт. Он кажется пустым. Я ненавижу себя за эти слова. Я хочу сказать, что ничего страшного в интроверте нет. Но в прошлом году, после переезда... он изменился. Стал агрессивным. Сердитым. Мрачным. Угрожающим. Я боюсь его.

Мальчишке всего пятнадцать лет. Его насильно перетащили из загородного дома в город, где он никого не знал. А он был нескладным, «тормозным» ребенком. Еще бы он не стал сердитым. Может, мне стоило сказать это вслух? Но я промолчала. Я воспользовалась шансом.

Я решила попытать силы в отечественном ауру-очистительном бизнесе. Часто люди, въезжающие в новый дом, звонят вам. Вы бродите по дому, жжете шалфей и рассыпаете соль. Долго бормочете. Начало новой жизни требует избавления от застоявшейся отрицательной энергии прежних владельцев. Особенно сейчас, с замедлением промышленного бума, когда люди начали перебираться в исторический центр города. Столетние дома накапливают много эманаций.

– Сьюзан, а вы не задумывались, что в доме может влиять на поведение вашего пасынка.

– Да, – она наклонилась, глядя мне в глаза. – Да, задумывалась. Может, я сошла с ума? Я вернулась... Знаете, почему я вернулась? На моей стене была кровь.

– Кровь?

⁵ «Лига плюща» – ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США. Это название происходит от побегов плюща, обвивающих старые здания в этих университетах. Считается, что члены лиги отличаются высоким качеством образования.

Она придвинулась еще ближе. Я могла ощущать аромат мяты, маскирующий тяжелый запах изо рта.

– На прошлой неделе. Я не хотела ничего говорить... Вы, наверное, думаете, что я тронулась. Но это там было. Длинный ручеек от потолка до пола. Я... Я сошла с ума?

В ее дом я приехала уже на следующей неделе. Поворачивая свой верный хэтчбек на их улицу, я размышляла о ржавчине. Нет, не кровь. Что-то со стен или с крыши. Кто знает, из чего построены эти старинные дома? Кто знает, что там может просочиться спустя сто лет? Вопрос в том, какую игру поддерживать. Меня не слишком притягивала возможность применения экзорцизмов, постулатов демонологии и прочего клерикального дерьма. Не думаю, что Сьюзан стремилась к ним. Но она пригласила меня к себе домой. Такие женщины, как она, не приглашают таких, как я, если им ничего от нас не надо. Мне предстояло поразмыслить над струйкой крови, найти разумное объяснение и продолжать настаивать на очистке дома.

И на повторных чистках. Нужно было обсудить денежную сторону вопроса. Двенадцать посещений, по две тысячи долларов за каждое, казалось мне неплохой ценой. Раз в месяц, на протяжении года. За это время ее пасынок разберется в своих чувствах, привыкнет к новой школе и новым одноклассникам. И вот он здоров, а я – героиня! И очень скоро Сьюзан начнет направлять ко мне всех своих богатых и издерганных подруг. У меня будет собственный бизнес. Когда люди спросят, чем я занимаюсь, я смогу ответить, что я – предприниматель, так же высокомерно, как все деловые люди. Может, мы подружимся с Сьюзан. Может, она запишет меня в клуб книголюбов. Я буду сидеть у камина, жевать сыр бри и на все вопросы отвечать, что я – бизнесвумен. Припарковавшись, я вышла из машины и полной грудью вдохнула весенний воздух, заряжающий оптимизмом.

А потом я увидел дом Сьюзан. Замерла и долго смотрела на него. Пока не ощутила дрожь.

Он сильно выделялся в ряду других домов.

Необычный. Единственное здание в викторианском стиле в длинной череде квадратных новостроев. Не исключаю, что поэтому он казался живым. Как на мой взгляд. Фасад особняка украшала сложная, филигранная резьба по камню – цветы, завитушки, изящные стебли, ниспадающие гирлянды. Дверной проем окаймляли два ангела в натуральную величину. Они воздели руки к небесам, их лица озарял восторг, источник которого оставался мне недоступен.

Я изучала дом. А он изучал меня через сводчатые окна, настолько высокие, что ребенок мог бы стоять на подоконнике в полный рост. И ребенок там был. Я видела очертания его тонкой фигуры в серых брюках, черном свитере и безупречно повязанном бордовом галстуке. Темная челка скрывала глаза. Внезапно он развернулся и стремительным движением спрыгнул с подоконника, скрывшись за тяжелыми портьерами.

Ко входу вела длинная и крутая лестница. Когда я поднялась и под сенью ангелов позвонила в дверь, сердце мое сильно стучало. Ожидая ответа, прочла надпись, вырезанную в камне у моих ног.

Усадьба Картерхук.

Основана в 1893 году

Патриком Картерхуком.

Резные буквы – мощная викторианская вязь. Литера «у» стилизована перистой завитушкой. Мне почему-то захотелось прикрыть живот.

Дверь открыла Сьюзан с красными глазами.

– Добро пожаловать в поместье Картерхук, – нарочито торжественно произнесла она, глядя на меня.

Сьюзан никогда не выглядела хорошо, встречаясь со мной, но сейчас она даже не пыталась причесаться. От нее исходил едкий запах. Не «отчаяние» или «депрессия», а просто неприятный запах изо рта и от невымытого тела. Она безвольно пожала плечами.

– Вот теперь у меня бессонница.

Изнутри особняк ничем не подтверждал внешнее впечатление. Интерьер полностью сменили, и теперь дом выглядел просто как жилище богатого человека. У меня сразу поднялось настроение. Я могу «очистить» это место – со вкусом выполненные светильники, гранитные столешницы, бытовая техника из нержавеющей стали, удивительно гладко отполированные панели, мебель из мореного дуба.

– Давайте начнем со струйки крови, – предложила я.

Мы поднялись на второй этаж. Всего их было четыре. На лестничной клетке я перегнулась через перила и заглянула в пролет, чтобы увидеть лицо человека, который смотрел на меня с верхнего этажа. Черные глаза и волосы, фарфорово-бледная кожа. Майлз. Мы глядели друг на друга в течение долгого мгновения, а после он снова исчез. Этот ребенок превосходно соответствовал дому.

Сьюзан сбросила на пол красивую набивную шпалеру, и я могла видеть стену целиком.

– Это было здесь, – она провела рукой от потолка до пола.

Я сделала вид, что тщательно изучаю стену, но, собственно, искать там было нечего. Она отлично вымыла стену – я до сих пор слышала запах отбеливателя.

– Могу помочь вам, – сказала я. – Я ощущаю ужасную боль прямо здесь. Она есть во всем доме, но здесь больше всего. Но я могу вам помочь.

– Дом скрипит всю ночь напролет, – пожаловалась она. – Я хочу сказать, он едва не стонет. Так не должно быть. Внутри все новенькое. Время от времени хлопает дверь в комнате Майлза. А он... он становится все хуже. Будто кто-то поселился в нем. Тьма окружает его. Как жука хитиновый панцирь. И он избегает меня. Как жук. Это так страшно, что я переехала бы куда-нибудь, но у нас сейчас нет денег. Временно. Мы столько отдали за этот дом, а потом еще ремонт и... И все равно муж не позволит мне уехать. Он говорит, что у Майлза просто переломный возраст. А я психую, как дура.

– Могу вам помочь, – повторила я.

– Позвольте, я покажу вам все.

Мы двинулись по длинному узкому коридору. В доме, само собой, было темно. Едва вы отходите от окна, как мрак окутывает вас. Мы шли, и Сьюзан включала светильники.

– Майлз постоянно гасит их, – пояснила она. – А мне приходится включать. Когда я прошу его не делать этого, он притворяется, будто не понимает, о чем речь. Вот наша

берлога. – Она распахнула дверь, чтобы показать комнату, похожую на огромную пещеру с камином и книжными полками до потолка.

– Библиотека! – ахнула я.

Да тут запросто поместилась тысяча книг. Толстые, внушительные тома для умных людей. Как можно заполнить комнату множеством книг и при этом называть ее берлогой?

Я шагнула через порог. Вздрогнула.

– Вы чувствуете это? Вы чувствуете... тяжесть здесь?

– Ненавижу эту комнату, – кивнула она.

– Мне следует обратить на нее особое внимание, – сказала я.

Это точно, я бы с удовольствием оставалась бы здесь на час во время каждого сеанса и читала бы. Читала бы все, что хотела.

Мы вернулись в зал, где снова царил мрак. Сьюзан вздохнула и начала включать лампы. А я прислушивалась к топоту ног на лестнице. Безумный бег вверх, а после по коридору. Подойдя к запертой двери справа от меня, хозяйка постучала:

– Джек, это я.

Заскрипел отодвигаемый стул. Щелкнул замок. В открывшуюся дверь выглянул еще один ребенок, младше Майлза на несколько лет. Очень похожий на мать. Он улыбнулся Сьюзан, будто не видел ее целый год.

– Привет, мамочка! – обнял он ее. – Я скучал по тебе.

– Это Джек. Ему семь лет, – пояснила Сьюзан, взъерошив сыну волосы. – Мама должна немного поработать с нашей подругой. – Она опустила на колени, чтобы их глаза были на одном уровне. – А ты прочитай, что я тебе задала. Потом перекусим.

– Мне запирает дверь? – спросил Джек.

– Да. Запирай ее всегда, дорогой.

Мы пошли дальше. Позади щелкнул замок.

– Почему он запирается?

– Майлз не любит брата. – Должно быть, она уловила мой хмурый взгляд: кто же из подростков любит младших братьев? Продолжила: – Вам стоило поглядеть, что Майлз сделал с няней, которую невзлюбил. Это одна из причин, по которой мы сидим без денег. Медицинские счета. – Она резко развернулась ко мне. – Я не должна была это говорить. Это не так... важно. Может, несчастный случай. Не знаю, как там было на самом деле. Вдруг я вправду, к чертям, свихнулась?

Ее вынужденный смешок очень сильно бросался в глаза.

В конце коридора Сьюзан показала еще одну запертую дверь.

– Мне бы хотелось познакомить вас с комнатой Майлза, но у меня нет ключа, – сказала она просто. – Кроме того, я очень боюсь.

Она выдавила еще смешок. Но весьма неубедительно, даже не очень похоже на смех. Мы поднялись на второй этаж, где располагались несколько комнат, со вкусом выкрашенных и оклеенных обоями, уставленные изящной мебелью в викторианском стиле. В одной из них стоял только лишь кошачий лоток.

– Это для нашей кошки Уилки, – объяснила Сьюзан. – Самая везучая кошка в мире – у нее имеется целая комната для хранения дерьма.

– Да, вы умеете использовать пространство.

– Если честно, это очень милая кошка. Ей почти двадцать лет.

Я улыбнулась, показывая, как это интересно и значимо.

– Наверное, у нас больше места, чем необходимо, – говорила Сьюзан. – Я думала, что, возможно, мы заведем еще одного... Возможно, надо, но я не могу растить еще одного ребенка в этом доме. Поэтому мы теперь живем в очень дорогом складе. Мой муж занимается антиквариатом. – Я представила этого нервного, раздражительного мужа. Человека, кото-

рый с большей вероятностью покупает антиквариат, чем изготавливает его. Скорее всего, он нанимает стильных женщин-дизайнеров в очках с роговой оправой, чтобы те работали на него. Наверное, они и купили для него все эти книги в неимоверном количестве. Я слышала, что люди покупают книги, как предмет интерьера, будто это – мебель. Глупые люди. Я никогда не смогу их понять.

Мы поднялись еще. Верхний этаж представлял собой мансарду с несколькими старинными дорожными сундуками вдоль стен.

– Не выглядят ли эти ящики по-дурацки? – прошептала Сьюзан. – Но муж говорит, что они придадут комнате истинный облик. Он не хотел реконструкции...

Таким образом, дом обустроивался компромиссно – муж тяготел к винтажному убранству, а Сьюзан желала модерна. Наверное, таким образом они полагали, что внешний фактор поможет сгладить внутренний раскол. Но в итоге Берки не пришли к согласию, а получили лишь разочарование. Даже миллионы долларов не сделают их счастливыми. Богатые тратят деньги впустую.

Мы спустились по черной лестнице, тесной и головокружительно крутой, похожей на звериную нору, и оказались в просторной и сверкающей современной кухне.

Майлз сидел там, ожидая нас. Увидев его, Сьюзан напряглась.

Для своего возраста он казался слишком шуплым. Бледное лицо и заостренный подбородок. Черные глаза поблескивали внимательно, как у паука. Он оценивал нас. Очень вероятно, что он ненавидит школу, подумала я. Он никогда не получал достаточно внимания, а теперь, даже если вся забота Сьюзан обрушится на него, все равно будет мало. Хитрый. Эгоцентричный.

– Привет, мамочка, – сказал он. Лицо мальчика мгновенно изменилось, озарившись глупой улыбкой. – Я скучал по тебе.

Сладкий, милый мамин любимчик – Джек. Он идеально копировал младшего брата. Даже когда Майлз шел, чтобы обнять Сьюзан, он имитировал осанку и разворот плеч Джека. Он обхватил ее, уткнулся носом в платье. Сьюзан смотрела на меня над его головой, губы поджаты, щеки втянуты, как если бы она обоняла отвратительный запах.

– Почему ты не хочешь меня обнять? – задрал голову Майлз.

Она обхватила его на краткий миг, и он тут же отшатнулся, будто обжегся.

– Я слышал, что говорила ей, – произнес мальчик. – О Джеке. О няне. Обо всем. Какая же ты сука.

Сьюзан вздрогнула, а он повернулся ко мне.

– Надеюсь, ты уедешь и больше не вернешься. Тебе же лучше будет. – Он улыбнулся нам двоим. – Это семейное дело. Не так ли, мамочка?

И он помчался по черной лестнице, топя тяжелыми кожаными башмаками и наклонившись вперед. Он и в самом деле бежал, словно покрытое хитиновым панцирем насекомое, блестящее и жесткое.

Сьюзан, глядевшая в пол, вздохнула и подняла глаза.

– Помогите мне.

– А что ваш муж говорит обо всем этом?

– Мы не обсуждаем это. Майлз – его ребенок. Он его растил. Всякий раз, когда я начинаю хотя бы критиковать его, муж утверждает, что я схожу с ума. Он часто говорит, что я схожу с ума. Дом с привидениями... Может, и правда? В любом случае, он много путешествует, а потому даже не узнает, что вы к нам приезжали.

– Я в силах вам помочь. Можем мы быстро оговорить стоимость?

С суммой она согласилась, но не со сроками.

– Я не могу ждать целый год, пока Майлз поправится. Он может всех нас убить за это время, – в очередной раз не то усмехнулась, не то поперхнулась она.

И я согласилась приезжать два раза в неделю.

Как правило, я появлялась днем, когда дети были в школе, а Сьюзан – на работе. Я действительно чистила дом, мыла его. Жгла шалфей и рассыпала морскую соль. Залила кипятком лаванду и розмарин, протерла полученным настоем пол, стены и потолок. А потом сидела в библиотеке и читала. Кроме того, разнюхивала, что могла. Нашла множество фотографий лучезарно улыбающегося Джека, несколько – надутого Майлза, парочку – мрачной Сьюзан и ни одной фотографии ее мужа. Мне даже стало жаль эту женщину. Вечно недовольный пасынок и муж, который все время в отлучке. Не удивительно, что в голове начинают кружиться темные мысли.

И все же. Все же я чувствовала дом слишком хорошо. Не то чтобы он злой... но оценивающий. Он изучал меня, если можно так сказать. И это давило на меня. Однажды, протирая половицы, я внезапно ощутила острую боль в среднем пальце. Словно укус. Когда я отдернула палец, из него хлынула кровь. Я замотала его запасной тряпочкой, но палец продолжал кровоточить. И, кажется, дом был доволен.

Во мне поселился страх, который я перебарывала только усилием воли. Ты – та, кто способен остановить это, говорила я себе. Значит, держись.

Спустя шесть недель я заваривала лаванду на кухне – Сьюзан на работе, дети в школе – и вдруг почувствовала чье-то присутствие. Я обернулась – позади стоял Майлз в школьной форме и глядел на меня с легкой усмешкой. В руках он держал «Поворот винта»⁶, который я читала перед этим.

– Любишь истории о привидениях? – улыбнулся он.

У него я заметила свою сумочку.

– Почему ты дома, Майлз?

– Я слежу за тобой. Ты интересная. Ты хочешь не допустить что-то плохое, да? Мне просто любопытно.

Он шагнул ко мне, я отодвинулась. Мальчик остановился у кастрюльки с кипящей водой. Щеки его покраснели от жара.

– Я пытаюсь помочь, Майлз.

– Но ты не возражаешь, что чувствуешь зло? Чувствуешь?

– Да, чувствую.

Он заглянул в кастрюлю с водой. Провел пальцем по ее краю, а потом отдернул руку. И посмотрел на меня черными, блестящими, как у паука, глазами.

– Ты выглядишь не так, как я предполагал. Вблизи. Я думал, ты будешь... более сексуальная. – Он использовал это слово совершенно случайно, но я поняла, что он имел в виду – сексуальная ведьма с карнавала на Хэллоуин. Помада с блеском, длинные волосы и серьги-кольца. – А ты похожа на няню.

Я отступила еще. Одной няне от него уже досталось.

– Ты хочешь напугать меня, Майлз?

Мне очень хотелось броситься к печке и отключить газ.

– Я хочу помочь тебе, – рассудительно заметил он. – Не хочу, чтобы ты крутилась здесь. Если вернешься, то умрешь. Больше я сказать не могу. Но я предупредил.

Он круто развернулся и вышел из комнаты. Когда я услышала его топот по парадной лестнице, то вылила кипятком к чертям собачьим, а потом побежала в столовую, где оставила кошелек и ключи. Хотела уехать. Протянула руку к кошельку, и горячая сладкая волна ворвалась в мои ноздри. И ключи, и бумажник, и телефон покрывала рвота. Из-за болезненного ощущения я не могла к ним прикоснуться.

⁶ «Поворот винта» – мистико-психологическая повесть американского писателя Генри Джеймса, впервые опубликованная в 1898 году.

Разъяренная Сьюзан рывком распахнула дверь.

– Он здесь? Вы в порядке? Из школы позвонили – Майлз там не появлялся. Наверное, от парадного крыльца он пошел сразу к черному ходу. Ему не нравится, что вы сюда ходите. Он вам ничего не сделал?

Сверху послышался грохот. Вопль. Мы кинулись к лестнице. В прихожей на крюке, вбитом в потолок, свисала маленькая тряпичная куколка, сделанная весьма небрежно. Лицо нарисовано фломастером. На шее – петля из красной нитки. Крики доносились из комнаты Майлза. «Не-е-е-ет, сука! Сука!»

Мы подошли к двери.

– Хотите, я поговорю с ним? – предложила я.

– Не нужно, – ответила Сьюзан.

Не скрывая слезы, она вернулась по коридору в прихожую и сорвала куколку с крючка.

– Вначале я подумала, что это – я, – сказала Сьюзан, вручая игрушку мне. – Но у меня не каштановые волосы.

– Полагаю, это – я.

– Я так устала бояться, – пробормотала Сьюзан.

– Я знаю.

– Вряд ли. Но скоро вы поймете.

Она ушла к себе, а я занялась работой. Клянусь, я работала, как зверь. Я вымыла весь дом. Каждый сантиметр – от пола до потолка – настоем розмарина и лаванды. Я жгла шалфей и бормотала заклинания – полная тарабарщина, если быть честной. В комнатах над моей головой кричал Майлз и рыдала Сьюзан. Потом я взяла измазанные рвотой вещи, бросила их в кухонную раковину и поливала водой, пока не отмыла дочиستا.

Уже в сумерках я отпирала автомобиль, как вдруг пожилая женщина, пухлая и ужасно напудренная, окликнула меня с поребрика. Она, улыбаясь, вынырнула из тумана.

– Я хочу поблагодарить вас за вашу помощь этой семье, – сказала она. – Особенно за помощь малышу Майлзу. Спасибо!

Она прижала пальцы к губам, призывая хранить тайну, и исчезла раньше, чем я успела сказать, что не помогла еще этой семье ни в малейшей степени.

Через неделю, маясь от безделья в своей крохотной квартирке (одна спальня, четырнадцать книг), я заметила нечто новое. Пятно, похожее на ржавые потеки в сливах бассейнов, на стене. Я вспомнила мать. Прежнюю жизнь. Все эти телодвижения – то туда, то сюда – не привнесли в мою жизнь ничего нового. Как только я заканчивала с одним делом, начинала ждать следующего, страдая от пустоты в голове. Но Сьюзан Берк и ее семья никуда не делись. Они застряли во мне. Сьюзан Берк, ее семья, ее дом.

Открыв старенький ноутбук, я ввела в строке поиска: «Патрик Картерхук». Погудело, поскрипело, и компьютер выдал ссылку на статью на сайте одного из английских факультетов нашего университета. «Настоящее викторианское преступление». «Жуткая история Патрика Картерхука и его семьи».

В 1893 году торговый магнат Патрик Картерхук с молодой женой Маргарет Картерхук и двумя сыновьями, Робертом и Честером, въехал в особняк, построенный в стиле Золотого века, в центре города. Роберт был трудным ребенком, приводился ряд историй его издевательств над одноклассниками и соседскими домашними любимцами. В двенадцать лет он поджег один из складов отца и остался, чтобы наблюдать пожарище. Он постоянно мучил своего младшего брата-тихоню. В четырнадцать Роберт стал совершенно неуправляемым, и отец решил изолировать его от общества.

С 1895 года его заперли в особняке. Он не должен был никогда больше выходить под открытое небо. Таким образом, Роберт продолжал расти и набираться жестокости в своей мрачной позолоченной тюрьме. Он мазал вещи остальных членов семьи рвотой

и экскрементами. Няня угодила в больницу с травмами, происхождение которых не хотела объяснять. Однажды зимним утром сбежала кухарка. Поговаривали что-то об ожогах третьей степени от кипятка и неосторожности на рабочем месте.

Никто точно не знает, что именно произошло в доме ночью 7 января 1897 года, но кровавые последствия видели очень и очень многие. Патрик Картерхук обнаружен в собственной постели зарезанным. Его тело испещряли сто семнадцать ножевых ранений. Жена Патрика, Маргарет, была найдена с топором в спине на лестнице, ведущей в мансарду, а десятилетний малыш Честер – утонувшим в ванной. Роберт повесился на балке в своей комнате. По такому случаю он парадно принарядился – синий воскресный костюм, весь забрызганный кровью родителей и еще мокрый после ванны, в которой он утопил младшего брата.

Под текстом – старая мутная фотография семейства Картерхуков. Четыре напряженных лица без тени улыбки, окруженные викторианскими виньетками. Сухопарый мужчина лет сорока с аккуратно подстриженной бородкой; миниатюрная блондинка с грустными и внимательными глазами, такими светлыми, что казались белыми. Два мальчика, младший светленький, как мать, а старший темноволосый, черноглазый, с легкой ухмылкой и задумчивым наклоном головы. Майлз. Старший мальчик был ужасно похож на Майлза. Не двойник, конечно, но по внутренней сущности – те же самодовольство, превосходство, скрытая угроза.

Майлз.

Если вы хотите убрать окровавленные половицы и залитый водой кафель, если хотите уничтожить балки, на которых висело тело Роберта Картерхука, избавиться от стен, которые впитывали в себя крики, вам придется снести дом. Можно ли удалить призраки, ставшие фактически потрохами и внутренностями дома? Или эта мерзость накапливается в воздухе? В ту ночь мне приснилась маленькая фигурка, которая, открыв дверь в комнату Сьюзан, проползла по полу к спящей и нависла над нею со сверкающим тесаком мясника, позаимствованным на кухне с оборудованием в миллион долларов. А в помещении пахло шалфеем и лавандой.

Я проспала до полудня, но проснулась в темноте. Бушевала гроза. До заката я смотрела в потолок, а потом оделась и поехала в особняк Картерхуков, оставив дома бесполезные травы.

Дверь открыла Сьюзан с заплаканными глазами. Ее бледное лицо светилось во мраке коридора.

– Вы ясновидящая, – прошептала она. – Я только что хотела звонить вам. Ничего не прекратилось, а стало только хуже. – Она рухнула на диван.

– Майлз и Джек дома?

Сьюзан кивнула и ткнула пальцем в потолок.

– Вчера вечером Майлз заявил совершенно спокойно, что хочет убить нас. И я в самом деле волнуюсь... потому что... Уилки... – Она снова заплакала. – О Господи.

Кошка медленно вошла в комнату. Худая и облезлая старая кошка. Сьюзан указала на нее.

– Взгляните, что он сделал... бедная Уилки!

Я присмотрелась. Над задними лапами животного виднелся лишь неровный клочок меха. Майлз отрубил кошке хвост.

– Сьюзан, у вас есть Интернет? Мне надо вам кое-что показать.

Она привела меня в библиотеку, за викторианский стол, явно принадлежавший ее мужу. Нажала кнопку включения, ноутбук пискнул. После ввода пароля засветился экран. Я показала Сьюзан веб-сайт с историей Картерхуков. Когда она читала, я чувствовала на шее ее теплое дыхание.

– Роберт Картерхук вам никого не напоминает? – спросила я, «открыв» фотографию.

– Что это значит? – кивнула она, словно в трансе.

Дождь бил в черные оконные стекла. Мне так хотелось оказаться под ярко-синим небом. Дом невыносимо давил.

– Сьюзан, вы мне нравитесь. Не так много людей мне нравятся. Я хочу помочь вашей семье. Но это не по мне.

– Что вы имеете в виду?

– Я хочу сказать, что вам нужно разыскать другого экстрасенса. Я помочь вам не могу. Что-то не так с вашим домом. Мне кажется, вам нужно уезжать. И меня не волнует, что говорит ваш муж.

– Но если мы уедем... Майлз все еще будет с нами.

– Да.

– Значит, тогда... он излечится? Если уедет из этого дома?

– Сьюзан, я не знаю.

– Но вы говорите, что...

– Я хочу сказать, что вам нужна помощь, которая мне не по силам. Я не специалист. Я не могу ничего исправить. Думаю, вам нужно уехать сегодня же вечером. Найдите гостиницу. Снимите две комнаты. Заприте смежную дверь. А потом... потом будет видно. Это все, что я могу сделать для вас по-дружески.

Сьюзан стояла, пошатываясь и сжимая руками горло. Наконец, отодвинулась от меня и, пробормотав извинения, исчезла за дверью. Я ждала. Запястье мое вновь пульсировало от боли. Окинула взглядом книги, заполнявшие комнату. Да, здесь мне не повезло. Не будет никаких рекомендаций для богатых и нервных подруг. Я сама уничтожила свою надежду. Дала ей не тот ответ, который она хотела. Но я, в кои-то веки, чувствовала, как успокоилась совесть. Не могла заявить, мол, совесть моя спокойна, а в самом деле это ощущала.

Сьюзан промелькнула мимо двери, направляясь вниз по лестнице. Сразу за ней пробежал Майлз.

– Сьюзан! – закричала я, вскакивая.

Но я не могла заставить себя покинуть комнату. Послышался голос. Торопливый и недовольный. Потом все смолкло. Тишина. Ничего больше. Надо бы выйти. Но я боялась оказаться одна в темном коридоре.

– Сьюзан!

Ребенок, который издевался над младшим братом и угрожал мачехе. Ребенок, который сказал мне в глаза, что я умру. Ребенок, который отрезал хвост кошке. Дом, который поработал жильцов и управлял их сознанием. Спокойствие, только спокойствие. В коридоре по-прежнему царил мрак. Я сделала шаг к двери.

Внезапно в проеме возник Майлз, прямой и напряженный. Как обычно, одетый в школьную форму. Он преградил мне дорогу.

– Я же говорил тебе уходить и не возвращаться. Но ты приезжала снова и снова, – сказал он рассудительно. Так говорят с провинившимся ребенком. – Разве ты не знаешь, что умрешь?

– Где твоя приемная мать, Майлз? – Я попятилась. Он шагнул ко мне. Я боялась этого ребенка. – Что ты сделал с Сьюзан?

– Ты все еще не понимаешь, да? – проговорил он. – Сегодня вечером мы умрем.

– Извини меня, Майлз. Я не хотела тебя обидеть.

Он рассмеялся, сморщив лицо. Искренне рассмеялся.

– Нет, ты меня не поняла! Она хочет тебя убить. Сьюзан собирается убить тебя и меня. Оглянись по сторонам. Думаешь, ты случайно в этой комнате? Внимательно смотри. Смотри на книги...

И я посмотрела на книги. Каждый раз, попадая сюда, я восхищалась ими. Даже фантазировала, как потихоньку беру одну или две для нашего книжного клуба с...

С Майклом! Мой любимый клиент. Каждая из книг, которую он давал почитать мне за минувшие два года, была отсюда. «Женщина в белом», «Поворот винта», «Призрак дома на холме». Я заужала себя, увидев их. Какой умной я стала, прочитав книги, написанные замечательными людьми. Но я не была начитанной заучкой. Я была попросту тупой шлюхой в отличной библиотеке. Майлз вытащил из ящика стола фотографию. Свадебное фото. Летний закат озарял жениха и невесту. Сьюзан – живая и цветущая копия той женщины, которую я знаю. А жених? Его лицо я узнала с трудом, но я наверняка узнала бы его член. Два года кряду я делала «хэндджоб» мужу Сьюзан.

Майлз глядел на меня слегка прищурившись, как комик, отпустивший шутку и ждущий реакции зала.

– Она хочет убить тебя, но, я уверен, она собирается прикончить и меня тоже.

– Что ты имеешь в виду?

– Прямо сейчас она звонит на «девять-один-один». А мне приказала задержать тебя. Когда она вернется, то застрелит тебя, а после расскажет копам одну из двух историй. Первая из них. Ты – мошенница, которая утверждает, что обладает ментальными способностями и охотится за психологически уязвимыми людьми. Ты сказала Сьюзан, что поможешь упокоить неуравновешенного и нервного сына, но на самом деле твоя цель – проникнуть в дом и обокрасть нас. Когда она тебя раскрыла, ты стала агрессивной, выстрелила в меня, а она застрелила тебя в порядке самообороны.

– Что-то мне не нравится. А вторая история?

– Что ты на самом деле работала в пределах закона. Ты считала, что дом поработил меня. Но оказалось, что дело вовсе не в этом. Просто я – юный социопат. Ты разозлила меня, и я тебя убил. Потом я напал на Сьюзан. Мы боролись за пистолет, и она случайно застрелила меня, обороняясь.

– Зачем ей убивать тебя?

– Она меня не любит и никогда не любила. Я не ее сын. Она хотела отправить меня к моей родной матери, но той я до лампочки. Тогда она хотела пристроить меня в школу-интернат, но отец запретил. Нет, она точно хочет меня убить. Для нее это мелочи. Она этим всю жизнь занимается – выявляет и устраняет проблемы. Не колеблется на пути зла.

– Но она выглядит так...

– Серая мышка? Нет, это не так. Она хотела, чтобы ты так ее видела. А она – красивая и к тому же – успешный руководитель. Она – хозяйин положения. Но тебе нужно было видеть кого-то, кто слабее тебя. Чтобы ты доминировала. Разве я не прав? Разве ты не так работаешь? Манипулируешь теми, кто поддается.

Моя мама и я играли в эту игру десять лет: находи у людей слабые места и дави на них. Я не могу представить лучшего способа для работы с людьми.

– Она хочет убить меня... из-за твоего отца?

– У Сьюзан Берк был идеальный брак, но ты разрушила его. Мой папа ушел. Он бросил ее.

– Я уверена, наше с ним... э-э-э... знакомство не стало причиной его ухода.

– Но она верит в эту причину. Она выявила проблему и намерена ее устранить.

– А твой папа знает, что я здесь?

– Пока нет. Он ведь все время путешествует. Но что будет, когда мой папа узнает эту историю со слов Сьюзан? Да она еще расскажет, что, обнаружив у него визитку психотерапевта по имени Ребекка, она обратилась к ней с отчаянным призывом о помощи... Представь его чувство вины. Его малыш мертв из-за того, что он любил «хэндджоб». Его жена была вынуждена защищать семью и убивать из-за того, что он любил «хэндджоб». Это ужасное

чувство вины. Он всю жизнь будет искупать ее перед женой и не сможет искупить. Вот она – истинная цель!

– А как она вышла на меня? Визитная карточка?

– Сьюзан нашла визитку. Ей показалось странным. Подозрительным. Да, мой папа обо- жает истории о привидениях, но он величайший скептик в мире, когда речь заходит о чтении судьбы по ладони. Если... Если речь в самом деле не зашла о чтении и ладонях. Она просле- дила за ним. Потом договорилась о встрече с тобой. И когда ты пришла с его экземпляром «Женщины в белом», кусочки головоломки сложились.

– И она доверилась тебе?

– Вначале мне это очень понравилось. Но потом я понял, что она пытается меня замо- рочить. Рассказала мне, что собирается убить тебя для того, чтобы я не догадался о том, что она хочет убить и меня.

– Почему бы ей не пристрелить меня в переулке однажды ночью?

– Тогда мой папа не будет страдать. И вдруг ее кто-то заметит? Нет, она хочет убить тебя здесь, чтобы самой выглядеть, как жертва. И, если подумать, здесь это сделать проще всего. Таким образом, она выдумала историю о доме с привидениями, чтобы заманить тебя сюда. Особняк Картерхуков! Какой ужас...

– Но Картерхуки? Я же читала о них в Интернете.

– Картерхуки – выдумка. Нет, они, конечно, существовали, но их смерти вряд ли были такими, как ты прочитала.

– Но я же читала!

– Ты прочитала о них потому, что она написала о них. Это же Интернет! Ты знаешь, как легко создать веб-страницу? А потом сделать кое-какие ссылки на нее, чтобы люди захо- дили, читали и делали «перепост» на своих страницах. Все предельно просто. Особенно для такого человека, как Сьюзан.

– А фотография?

– Ты не была на блошином рынке? Там стоит коробка из-под обуви, набитая старыми фотографиями. Доллар за штуку. Не так сложно найти ребенка, похожего на меня. Особенно если есть человек, готовый поверить. Разиня, как ты.

– А кровавые потеки на стене?

– Она просто сказала, что они были. Создавала определенный настрой. Она ведь знала, что ты любишь истории о привидениях. Хотела, чтобы ты поверила и пришла. Она любит вертеть людьми. Она хотела, чтобы вы подружились, чтобы ты переживала за нее, а потом – бац! Этот шокирующий миг, когда ты поймешь, что приходит смерть. Ты бы испытала разо- чарование и страх. Твои чувства предали тебя! – Он ухмыльнулся.

– А кто отрезал хвост вашей кошке?

– Это мэнская порода, тупица. У них нет хвостов. Может, на остальные вопросы я отвечу по дороге? У меня нет желания умирать здесь.

– Ты хочешь бежать со мной?

– Давай рассмотрим варианты – бежать с тобой или остаться здесь и умереть? Да, я хочу бежать с тобой! Она, скорее всего, уже позвонила. И, скорее всего, на нижней площадке лестницы. Я приготовил пожарную лестницу в своей комнате.

Каблуки Сьюзан стучали в гостиной, приближаясь к лестнице. Всего два пролета, а ходит она быстро. Она позвала меня по имени.

– Ну, пожалуйста, возьми меня с собой, – проговорил Майлз. – Пожалуйста. Хотя бы пока мой папа не вернется. Я боюсь. Ну, пожалуйста.

– А Джек?

– Его она любит. Она хочет избавиться от нас.

Шаги Сьюзан всего на пролет ниже. Она приближалась.

Мы спустились по пожарной лестнице. Со стороны это выглядело, наверное, как в кино.

Сели в мою машину и тронулись с места раньше, чем я успела обдумать, какого черта я делаю. Встречные фары освещали лицо Майлза, бледное, похожее на Луну. Дождевые капли сбегали по его лбу, щекам и подбородку.

– Позвони отцу, – сказала я.

– Он в Африке.

Дождь бил в крышу автомобиля. Сьюзан Берк (изворотливая мошенница!) сумела так напугать меня своим особняком, что я действовала, не размышляя. А теперь я начала анализировать. Успешная женщина выходит замуж за богатого мужчину. У них рождается ребенок – настоящее чудо. Жизнь прекрасна за одним лишь исключением – нежеланный пасынок. Я поверила, когда она заявила, что Майлз всегда был холоден к ней. Но скорее всего, дело в том, что она никогда не любила Майлза. Я уверена, она пыталась избавиться от него с самого начала. Ну, разве такая леди, как Сьюзан Берк, согласится возиться с чудаковатым и нескладным сыном другой женщины? Сьюзан и Майкл пытались найти какой-то выход, но неприязненные отношения вскоре пронизали их обоих. Он отдалился. Ее близость раздражала его. Он обратился ко мне. И начал приходить постоянно. У нас довольно много общего. Например, любовь к книгам. Он обманывал себя, думал, что это – нормальные отношения. Но все, что связано со Сьюзан, продолжало рушиться. Он ушел. Оставил Майлза, поскольку путешествовал за границей, но собирался начать что-то делать, как только вернется. Это я просто предполагала, но улыбчивый Майкл, который приходил ко мне, выглядел как парень, который не бросит своего ребенка. К несчастью, Сьюзан раскрыла нашу маленькую тайну и обвинила меня в крахе своего супружества. Представьте себе ее ярость – падшая женщина, типа меня, увела ее мужа! Она и без того заиклена на ребенке, которого терпеть не могла, и доме, который ее раздражал. Как решить проблему? Она начинает планировать. Заманивает меня. Майлз пытался предупредить меня довольно дурацким способом, играя со мной и слегка переигрывая. Сьюзан рассказала соседям, что я способна помочь несчастному Майлзу, поэтому, когда они узнают правду: я – бывшая проститутка и мошенница, она будет выглядеть несчастной обманутой жертвой и купаться в жалости. А я буду выглядеть разорительницей семейного очага. Идеальный способ оправдать убийство.

Майлз повернул ко мне похожее на полную луну лицо и улыбнулся.

– А знаешь, ты только что стала похитителем.

– Думаю, нам следует обратиться в полицию.

– Нам надо ехать в Чаттанугу, штат Теннесси, – воскликнул он нетерпеливо, словно приступил к выполнению давно задуманного плана. – В этом году там будет «Кровавая Ива». Раньше это всегда проходило за границей, а в Соединенных Штатах последний раз в 1978 году.

– Понятия не имею, о чем ты.

– Это самая большая конференция по сверхъестественному в мире. Сьюзан запретила мне туда ехать. А ты можешь меня отвезти. Мне кажется, тебе самой понравится, ведь ты любишь истории о привидениях. Ты сможешь выбраться на шоссе, если повернешь налево на третьем светофоре.

– Я не повезу тебя в Чаттанугу.

– Лучше бы повезла. А то я сейчас позвоню...

– Ты – мелкий засранец.

– А ты – воровка и похитительница.

– Нет.

– Сьюзан звонила «девять-один-один» не потому, что хотела тебя убить. – Майлз расмеялся. – Она позвонила «девять-один-один» потому, что я сказал ей, будто поймал тебя

на краже. – Он похлопал по карману. Послышался звон. – А сейчас она поднялась наверх и обнаружила, что ее беспокойный пасынок похищен то ли гадалкой, то ли проституткой. Так что придется несколько дней прятаться. И ничего страшного. «Кровавая Ива» раньше четверга не начнется.

– Сьюзан хотела меня убить, потому что узнала обо мне и твоём папе...

– Можешь смело говорить «хэнджоб». Ты меня не смутишь.

– Сьюзан узнала?

– Сьюзан ничего не знала. Она чрезвычайно умная тупица. А я догадался. Я постоянно беру книги отца. Нашел твою визитную карточку, твои заметки на полях. Я пошел к твоей работе и все выяснил. Часть из того, что говорила Сьюзан, правда. Она в самом деле считает меня не таким, как все. Когда мы приехали сюда – после того, как я сказал, что не хочу, я очень ясно высказался, что не хочу сюда! – я начал подстраивать в доме всякие штуки. Просто чтобы досадить ей. Сделал страничку на сайте. Собственноручно. Я сам придумал рассказ о Картерхуках. Я отправил ее к тебе просто для того, чтобы убедиться – сообразит она наконец-то и уберется отсюда? Но она повелась на эту чушь.

– Значит, Сьюзан говорила правду обо всех этих ужасах, что происходили в доме?

О том, что ты угрожал убить своего брата?

– Это скорее говорит о том, что она думала обо мне, раз с такой легкостью поверила.

– И ты столкнул няньку с лестницы?

– Она просто упала. Я не жестокий, я умный.

– А в тот день, когда я нашла блевотину на своем кошельке? Ты тогда буянил наверху, подвесил куклу на светильник.

– Блевотина моя. Ты же меня не послушалась. Не уехала. И кукла моя. И еще кусочек лезвия в половице и твой порезанный палец. Меня вдохновило описание древнеримских войн. Ты не читала?..

– Нет. Орал тоже ты? Звучало так, будто ты в ярости.

– О! Это точно. Сьюзан разрешила мою кредитную карту и оставила на столе. Она пыталась изолировать меня. Но потом я понял, что ты – мой путь из этого дурацкого дома. Мне нужен взрослый – водить машину, снять номер в гостинице. Я слишком мелкий для своего возраста. Мне пятнадцать лет, но выгляжу я только на двенадцать. Мне нужен был человек вроде тебя, чтобы вырваться на свободу. Я просто хотел, чтобы ты вытащила меня из дома. Ну, так и получилось. Ты же не собираешься втравливать в это дело копов? Думаю, судимость тебе ни к чему.

Майлз не ошибся. Такие люди, как я, не побегут в полицию, поскольку для нас это обычно плохо заканчивается.

– Здесь налево, чтобы выехать на автостраду, – напомнил он.

И я повернула.

Я вцепилась в его историю, покрутила, осмотрела со всех сторон. Пстой-ка, пстой-ка!

– погоди! Сьюзан сказала, что ты отрубил кошке хвост. А ты говорил про мэнскую породу...

– Ха! Отличный вопрос! – улынулся он. – Кто-то из нас соврал. Думаю, тебе придется выбирать, кому верить. Поверишь, что чокнулась Сьюзан или что чокнулся я? Какая правда больше тебе по душе? Сначала я хотел, чтобы ты поверила во вранье Сьюзан, тогда ты будешь мне сочувствовать, ведь нам предстоит подружиться. Но с другой стороны, может, лучше, если ты будешь считать пройдохой меня? Тогда ты скорее поймешь, кто здесь главный... А что ты скажешь?

Мы ехали молча, пока я перебирала доводы «за» и «против».

– Я хочу сказать, – прервал тишину Майлз. – Я хочу сказать, что тут игра беспроблемная. Если Сьюзан сбрендилась и хотела нас выгнать, то мы ушли.

– А что она скажет твоему отцу, когда тот вернется домой?

– Это тоже зависит от того, в какую историю тебе хочется поверить.

– Но он в самом деле в Африке?

– Не думаю, что мой папа – фактор, который может повлиять на принятие решений.

– Ладно, допустим. Но что, если чокнутый ты, Майлз? Твоя мачеха натравит на нас копов?

– Там церковь. Припаркуйся на стоянке.

Я внимательно оглядела его, пытаюсь обнаружить оружие. Как-то очень не хотелось, чтобы мое тело выкинули из машины около заброшенной церкви.

– Просто сделай, как я прошу, ладно? – рявкнул Майлз.

Я притормозила на стоянке рядом с церковью со ставнями на окнах, которая стояла близ шоссе. Майлз выскочил под дождь и, взбежав по ступенькам, укрылся под «козырьком» на крыльце и вытащил из кармана телефон. Повернувшись ко мне спиной, он набрал номер и говорил около минуты. После разбил мобильник о землю, растоптал остатки каблук и вернулся в машину. От него пахло весной и тревогой.

– Ладно, я только что поговорил с моей слегка нервничающей мачехой. Я сказал ей, что ты меня бесила, дом меня достал со всеми его непонятками, вдобавок ее дурацкая привычка тащить в гости сомнительных личностей. Поэтому я сбежал и буду жить у отца. Он только что вернулся из Африки, поэтому я могу к нему перебраться. Она никогда не звонит папе.

А телефон он разбил, чтобы я не могла проверить – звонил ли он Сьюзан на самом деле или снова разыгрывает меня.

– А что ты скажешь отцу?

– Давай держать в уме, что когда у тебя двое родителей, которые ненавидят друг друга, как кошка с собакой, которые всегда стремятся или уехать подальше, или вычеркнуть тебя из своей жизни, ты можешь рассказывать что угодно. Огромный простор для воображения. Поэтому можешь не беспокоиться. Езжай по автобану. Через три часа будет мотель. Там есть кабельное телевидение и ресторанчик.

И я покатила по шоссе. У этого пятнадцатилетнего мальчишки ум острее моего, хоть я и вдвое старше. Я убедилась, что все в рамках закона, как когда-то решила, что «гадания по полету птиц» не такое уж и дерьмо. Я подумала, что этот ребенок может быть отличным партнером по бизнесу. Малышу нужен взрослый, чтобы свободно передвигаться по миру, а мошенница вроде меня вполне может использовать подростка в своих целях.

«Чем ты занимаешься?» – будут спрашивать меня. А я отвечу: «Я – мама». Представить страшно, сколько афер я смогу провернуть, если меня будут воспринимать как заботливую маму?

Плюс к тому название конференции, «Кровавая Ива», звучало очень заманчиво.

Спустя три часа, как и обещал Майлз, мы припарковались у мотеля. Сняли две смежные комнаты.

– Спокойной ночи, – сказал он. – Не вздумай ночью улизнуть, иначе мне придется вызвать полицию и вновь обратиться к истории о похищении. Обещаю, что это был последний раз, когда я тебе угрожал, не хочу выглядеть козлом. Наша главная задача – добраться до Чаттануги! Клянусь, там мы оттянемся по полной. Не могу поверить, что у меня получилось. Я хотел сбежать, еще когда был сопливым малышом. – Он исполнил быстрый танец, подтверждающий крайний восторг, и скрылся в своей комнате.

Малыш начал мне нравиться. Пусть социопат, но социопат симпатичный. Меня переполняли добрые надежды. Я ехала с умным мальчишкой туда, где множество людей соби-

рались, чтобы говорить о книгах. Я, наконец-то, покидаю этот город. Первый раз в жизни. У меня новая рабочая роль – мама. Я решила не заморачиваться, что никогда не узнаю истину о событиях в особняке Картерхуков (да кто они такие, по большому счету?). Но из двух вариантов – облапошили меня или нет, я выбрала все-таки, что не облапошили. Скольких людей я убедила в том и сем, так пусть самым большим подвигом в моей жизни будет убеждение самой себя в разумности поступков. Может, они и не благородны, зато разумны.

Прилегла на постель, глядя на дверь в соседнюю комнату. Встала, проверила замок. Выключила свет. Полежала, глядя в потолок. Опять на дверь.

Подперла ее комодом.

Вот теперь мне совершенно не о чем волноваться.

Мэтью Хьюз

Мэтью Хьюз родился в Англии, в Ливерпуле, но большую часть взрослой жизни провел в Канаде. Работал журналистом, штатным спичрайтером в канадском министерстве юстиции и окружающей среды, а также вольнонаемным спичрайтером для политиков и бизнесменов в Британской Колумбии, пока не посвятил себя писательству целиком. Испытав несомненное влияние со стороны Джека Вэнса, Хьюз заработал репутацию, описывая приключения таких негодяев, как криминальный босс Старой Земли Лафф Имбри, живший в эпоху, предшествующую Умиравшей Земле, в серии романов, таких как «Мартышкин труд», «Обмани меня дважды», «Черный бриллиант», «Мажеструм», «Геспера», «Спиральный лабиринт», «Шаблон», «Квартет и триптих», «Желтый кабошон», «Иной» и «Общины», а также сборниках рассказов «Охотник за сутью», «Девять историй Чингиза Хопторна», «Предназначение Лаффа». Среди его последних книг – трилогия в стиле городской фэнтези «В ад и обратно: проклятые парни», «Костюм не включен», «Дочерта платить». Кроме того, он пишет детективы под именем Мэтт Хьюз и романы для медийного распространения под именем Хью Мэтьюз.

Исчерпавший запас удачи вор в бегах оказывается в полном опасностей лесу, с парой монет в кошельке, и находит ценный магический предмет, который может принести удачу. А может и не принести.

Мэтью Хьюз «Таверна семи благословений»

Вор Раффалон спал, укрывшись под папоротником, весь день, пока не спадет жара, невдалеке от дороги в лесу, и проснулся от звуков схватки. Перекатился на живот и тихонько вытащил нож, на всякий случай. Лежал неподвижно, пытаясь разглядеть сквозь ветви, что происходит.

Силуэты дерущихся, неразборчивые вопли, шипящие и гортанные одновременно. Приглушенный крик, будто человеку закрыли рот рукой, резкий удар твердого дерева по человеческому черепу. Раффалон не собирался предлагать помощь. Это голоса Вандаайо, граница с землями которых неподалеку отсюда. Воины Вандаайо покидали свои территории только для совершения регулярных ритуалов, группами по шестеро, и никогда не забывали прихватить крюки, сети и дубины. Их регулярные празднества отмечались поеданием человеческой плоти, так что если бы Раффалон попытался вмешаться в охоту на стороне дичи, то лишь стал бы добавкой для этих полулюдей.

Он подождал, пока бедного пленника связали, привязали к шесту и унесли. А потом еще немного. Вандаайо вполне могли решить, что там, где нашли одного дурака, зашедшего в лес, найдут и другого. Лишь услышав, как птицы и мелкие звери снова занялись своими делами, он встал и начал красться в сторону дороги.

Не нашел ничего, кроме вещей несчастного путешественника, которого уже утащили на восток, в земли Вандаайо. Оглядел их. Потертый кожаный дорожный мешок, бутылка воды, деревянный посох, отполированный ладонью у одного конца. Особенно ничего не ожидая, присел и принялся рыться в котомке. Там была рубаха среднего качества, набор для разведения огня, куда хуже, чем у него самого, и резной кусок дерева размером с ладонь.

Он принялся разглядывать резьбу. Силуэты людей и животных, соединенные между собой, можно сказать, непристойным образом, но, с точки зрения опытного глаза Раффалона, анатомически неправдоподобно. Внутри ромба в центре была глубоко вырезана идеограмма, и вор вдруг понял, что ему трудно сфокусировать на ней взгляд.

Эта сложность заставила Раффалона широко улыбнуться. У предмета есть магические свойства. Наверняка за него можно выручить кое-какие деньги на базаре в Порт-Тэйсе, меньше чем в дневном переходе в том направлении, куда он и так шел. Чудотворцев там было предостаточно. Он перевернул предмет, чтобы посмотреть, что изображено с другой стороны. И внутри что-то слегка переместилось.

Коробочка, подумал он. *Еще лучше*. Он повертел предмет, разглядывая его с разных сторон, но не нашел ни петель, ни запоров, ни какого-либо очевидного способа его открыть. *Еще лучше, коробочка с секретом*.

День налаживался. Для Раффалона он начался с бегства в лес на рассвете, по холоду, с парой медных монет в кошельке и половинкой буханки черствого хлеба в заплечном мешке. Он не сошелся во мнениях с фермером по поводу окончательной судьбы курицы, которую вор обнаружил за ветхой оградой курятника. Сейчас уже была середина дня, курица осталась в курятнике, а хлеб он съел по дороге. Остались монеты, да вот эта коробочка, сама по себе ценная, и кто знает, что в ней там внутри?

Кожаный мешок тоже пригодится. Выкинув рубаху, которая ему была явно велика и пахла невымытым телом, он закинул ляжку на плечо. Открыл бутылку, понюхал содержимое, надеясь, что это окажется вино или арака, но там оказалась всего лишь вода. Убрал ее в мешок. Мгновение подумав, решил не брать посох, пусть ему и предстояло подыматься

по крутому склону, до того, как дорога снова начнет спускаться в долину Тэйса. С ножом он все равно лучше управится, если достать успеет.

Шагая вперед, он продолжал глядеть на коробочку и заметил потертость с одного края. Надавил. Ничего не произошло. Потер. Снова никакого результата. Попробовал сдвигать, туда-сюда. Услышал слабый щелчок внутри. Часть дерева сдвинулась в сторону, открыв дырочку, как от иглы.

Иглы у Раффалона не было, но был нож и куча дерева, из которого состоял лес. Обстругав веточку до нужного размера, он вставил ее в дырочку и надавил. С противоположного конца выскочила деревянная пробка. Понажимав туда-сюда, вор внезапно увидел, как резная часть коробочки съехала в сторону. Она оказалась крышкой, навешенной на потайной петле.

Внутри, на подкладке из пурпурной бархатной ткани, покрывавшей пустое пространство в центре, лежала деревянная фигурка размером с большой палец. Она походила на небольшого пухлого человека, лысого, явно мужского пола, со скромно склоненной головой и скромной улыбкой. Раффалон взял фигурку, чтобы рассмотреть получше.

Когда его пальцы коснулись гладкого дерева, в них слегка закололо. Покалывание пошло по ладони и в руку, все сильнее. Встревоженный, он инстинктивно попытался выбросить фигурку, но пальцы и рука отказались ему повиноваться. Покалывание перешло в дрожь, становящуюся все сильнее. Несколько мгновений вор стоял посреди лесной дороги, дрожа всем телом. Его глаза закатились, дыхание прервалось, колени одеревенели, а сквозь голову, казалось, подул сильный ветер, от левого виска до правого.

И внезапно ощущения прекратились. Тело снова подчинялось ему, за исключением того, что не подчинилась рука, когда он еще раз попытался выбросить фигурку. Предплечье двигалось, а вот ладонь не отпускала ее. Непослушные пальцы плотно сжались вокруг гладкого дерева, и всей воли Раффалона, весьма немалой, оказалось недостаточно, чтобы разжать их.

Тем временем он услышал голос.

Лучше бы нам идти. Если Вандаайо охотятся, лучше рот не разевать.

Особо ни на что не надеясь, вор резко обернулся. Никого не было. Слова звучали в его голове, уши тут ни при чем. Рука разжалась. Он обратился к предмету, лежащему в ладони. – Кто ты такой?

Долгая история, ответил голос в том месте, где вор привык слышать лишь свой собственный. *И на разговор расходуется энергия.*

Раффалон согласился со словами насчет разевания рта. Быстро пошел в сторону Порт-Тэйса, поглядывая по сторонам лесной дороги. Но успел сделать всего два-три шага, когда его ноги встали, и он понял, что разворачивается обратно, туда, откуда шел.

В другую сторону, сказал голос. *Мы должны спасти Фульферина.* В голове Раффалона возник образ рослого худощавого мужчины в кожаной одежде, с длинным подбородком и глазами, будто глядящими вдаль. Вор тряхнул головой, пытаясь избавиться от этого незваного образа. Спасать идиотов не было в его привычках. Но попытка совладать с непослушными нижними конечностями оказалась безуспешной.

Ты тратишь энергию, которая тебе потребуется, когда мы догоним Вандаайо, сказал голос в голове. Внутри его головы возник следующий образ – полдюжины ссутулившихся воинов Вандаайо, с лысыми головами, острыми зубами и ушами и пятнистой кожей разных оттенков зеленого. Они неспешно бежали по лесной тропе, двое из них несли на шесте длинный мешок, опутанный веревками.

Вор уже не стал пытаться избавиться от образа и принялся разглядывать его с некоторым интересом. Он не знал никого, кому довелось бы воочию видеть Вандаайо. Со всей неизбежностью те, кому удавалось увидеть их поблизости, а не на достаточном расстоянии,

когда увидевший успевал быстро развернуться и побежать прочь, затем видели перед собой лишь колоду мясника рядом с большим котлом.

Раффалон знал то, что было известно всем, – эта раса создана Ольверионом Олицетворенным, самодовольным чудотворцем прошлой эпохи, который намеревался сделать их проклятием своих врагов. К сожалению, волшебник что-то упустил в процессе создания, и его плоть стала первой человеческой плотью, которую вкусили его создания.

Упорными и непрекращающимися усилиями окрестное население добилось того, что сдерживало людоедов в пределах небольшой долины, когда-то бывшей владением Ольвериона. Но все попытки войти в это глубокое ущелье и раз и навсегда уничтожить чудовищ всегда заканчивались большой кровью. Чудотворец не ограничивал себя, наделяя созданий умением вести бой, а также награждал их непревзойденным талантом устраивать засады.

Со временем установилось негласное правило. Местные бароны не вели своих воинов в долину, а Вандаайо не трогали их города и деревни. Полулюдям дозволялось хватать добычу только на дороге, идущей через лес к западу от долины, и на тропе, ведущей к горам на северо-востоке. Местным было известно время, когда Вандаайо выходят охотиться, и они избегали этих дорог. Странники же и бродяги, такие, как Раффалон, вор, и Фульферин, божий человек, могли испытывать судьбу на свое усмотрение.

Ноги понесли Раффалона вперед, и образ людоедов исчез из его головы. Он вернулся к месту, где несчастного схватили. Не останавливаясь, он свернул с дороги и пошел через кусты, почти сразу же оказавшись на звериной тропе. Увидел помет оленя и разлапистые отпечатки ног Вандаайо, хорошо отличимые по их перепончатой форме и глубоким отпечаткам от когтей на больших пальцах, заметным в мягкой земле.

Следы вели в земли Вандаайо. Раффалон заметил капли крови на кустах рядом с тропой. Но, даже видя все это, решительно шагал дальше.

– Погоди! – мысленно сказал он. – Нам надо найти тихое место и обсудить это дело!

Шаг его не замедлился.

Что тут обсуждать, спросил голос в его голове.

– Как все это получится, если ты не добьешься от меня согласия!

Похоже, божество задумалось над его словами.

Честно сказано. Это дополнительно ослабит мою энергию. Давай найдем неприметное место.

Тропа вывела их по тихому лугу, который пересекал извилистый ручей. Вор увидел иву с густыми ветвями.

– Вот это подойдет.

Нырнув под ветви ивы, он сел на узловатый корень и огляделся, убеждаясь, что он здесь один. И обратился к небольшому резному куску дерева в руке.

– Кто ты такой? – повторил он свой самый первый вопрос.

Меньше, чем был, и меньше, чем буду.

Раффалон застонал. По его опыту сущности, разговаривающие в такой высокопарной манере, обычно были очень высокого о себе мнения, сравнимой с которым была лишь небрежность к удобствам тех, кто им служил. Неудивительно, учитывая их собственное долгое существование.

С другой стороны, решимость пленившего его спасти незадачливого Фульферина оставляла шанс на некоторое внимание к чужим потребностям. Возможно, следует обсудить условия. Он высказал это предложение куску дерева.

Я не вижу необходимости в условиях, с безумным спокойствием ответил голос. *Фульферину необходимо, чтобы его спасли. У тебя сейчас заданий нет. С одной стороны – серьезная необходимость, с другой – простое безделье.*

– Кто сказал, что у меня сейчас дел нет?

У меня есть доступ к тайникам твоей памяти, ответил голос, *не говоря уже о складе твоего характера. Голос зазвучал сухо. Ты вряд ли потерпишь наставления. Фульфферин попадает в другую категорию, лучшую.*

– Фульфферин висит в сети у Вандаайо и скоро будет вариться в котле. Не та категория, которой взыщут люди его моральных качеств.

Его ноги выпрямились, и он понял, что выходит из-под ивы.

– погоди! Ты уже потерял одно вьючное животное, которое досталось Вандаайо. Если потеряешь меня, неужели думаешь, что сможешь овладеть одним из этих людоедов, чтобы...

Фульфферин не вьючное животное, ответил голос. *Он верующий, приверженец. Он знает ритуал, который восстановит имя мое.*

– Однако пока что он на пути к ужину с Вандаайо. Что мне подсказывает, что кому-то из вас надо очень поспешить.

Его ноги остановились.

Ты говоришь дело, сказал голос. *Говори дальше.*

– Фульфферин необходим? – спросил вор. – Если тебе требуется лишь транспорт...

Фульфферин незаменим. Только ему ведом ритуал.

– Значит, я должен спасти его от Вандаайо?

Я же сказал, что это необходимость.

– Почему? Почему я должен рисковать своей жизнью?

По причинам, что за пределами твоего понимания. Причинам возвышенным и непревзойденным.

– Божьи дела, – предположил Раффалон. – Ты поиздержавшееся божество, у которого остался, возможно, всего один последователь. И ты даже не можешь спасти его сам от супового котла.

Фульфферин не должен быть сварен.

– И как ты предотвратишь это?

Пошлю тебя.

– Но я не желаю.

Эту проблему я должен решить.

– Что возвращает нас к необходимости договора.

По тишине в голове Раффалон понял, что божество размышляет.

Говори, но быстрее, услышал он.

– Ты хочешь, чтобы спасли твоего последователя. Я хочу жить.

Вполне справедливо. Я приложу все усилия, чтобы ты остался жив.

Ноги вора снова принялись шагать.

– погоди! Просто выжить мне недостаточно!

Ты не ценишь свое существование?

– У меня оно и так было, пока я тебя не встретил. Если я вынужден рисковать ради тебя, это определенно заслуживает некоторой компенсации.

Опять ощущение, что другой взвешивает возможности.

Что у тебя на уме, услышал он.

– Богатство – большое богатство – всегда желаемо.

Я не распоряжаюсь грубой материей, сказал голос, *лишь определенными атрибутами личностей в их отношениях с потоком феноменов.*

– В смысле, ты не можешь дать мне кучу драгоценностей?

Даже малейшего количества.

Вор задумался.

– А что за «атрибуты личностей» ты можешь изменить? Силу десятка людей, способность летать, неуязвимость к заточенному оружию? Все это было бы полезно.

Увы, все это не в моей сфере.

Раффалон решил, что, возможно, лучше поставить вопрос по-другому.

– Что именно ты можешь предложить?

Мои силы, сказала божество, лежат в мире вероятностей.

– В смысле, ты можешь делать невероятное вероятным?

Скорее, скажем так, я могу менять шансы, влияющие на избранную личность.

Раффалон просиял.

– Значит, ты можешь сделать так, чтобы я выиграл в заготийской лотерее?

Буду честен, ответил голос. В моем нынешнем состоянии я могу увеличить шанс от одного из миллиона до одного из тысячи.

– Все равно одного из?

Да.

– Итак, в целом, ты божество удачи, но в мелочах?

В настоящее время моя сила ослаблена. Фульфериин должен помочь мне восстановить ее.

– Если выживет, – сказал вор. И ему пришла в голову мысль. – Ему твоя удача не очень-то помогла.

Он не призывал моей помощи. Он действовал... наверное, я могу сказать, что на энтузиазме. Кроме того, мне требуется сохранять силу. Коробочка помогает, в качестве изолятора.

Раффалон немного подумал.

– Подытожу. Ты хочешь, чтобы я рискнул своей жизнью в обстоятельствах, в которых отрицательный исход будет весьма болезненным и мерзким. Взамен ты обеспечишь, чтобы я, по ходу дела, не спотыкался и не растрепал волосы.

В соперничестве на равных я склоню исход в твою пользу.

– Я один против полудюжины голодных Вандаайо не соперничество на равных, на мой взгляд.

Это единственные условия, которые я могу предложить, ответило божество.

– Ты можешь управлять моим телом. Можешь хотя бы изменить его?

Раффалон коснулся своего изрядного носа.

– Может, хоть это уменьшишь?

Он коснулся другой части тела.

– Или эту сделаешь более выдающейся?

Я могу лишь контролировать определенные извилины твоего мозга. Они создают поле, которое я могу усилить.

– И только тогда, когда моя плоть касается твоего изображения.

Нет. Если я их изменю, они такими и останутся.

– Есть в этом что-то, – сказал вор. – Но это вовсе не лучшая из сделок, какие я когда-либо заключал.

Это лучшее, что я могу предложить. С другой стороны, мне нет нужды это предлагать. Я могу принуждать тебя, пока твоя плоть касается моего портала.

– Портала?

Деревянного идола.

– Понимаю.

Раффалон отвел в сторону ветви ивы и вышел на лужайку, к тропе. Увидел следы крови, вероятно – Фульфериина.

– Если твой почитатель выживет и исполнит ритуал, о котором ты говорил, твоя сила повысится?

О да. Многократно.

– И что тогда насчет заготийской лотереи?

Ты обязательно что-нибудь выиграешь.

– Всякий раз, как куплю билет?

Всякий раз.

Вор вышел на тропу.

– А эта небольшая удача распространится на другие мои попытки?

Он задумался о тех случаях, когда малейшая помощь от божества удачи ему вполне пригодилась бы, в том числе отчаянный побег, который привел лишь к увеличению срока, который ему пришлось отработать на топчаке в качестве покаяния.

Тебе следует спасти Фульферина, и тогда он сможет исполнить все требуемые ритуалы.

– Ладно, тогда договорились, – сказал Раффалон. Повернул свой все еще длинный нос в том направлении, где жили Вандаайо, и двинулся по тропе.

– Может, тебе было бы лучше путешествовать внутри твоей коробочки, обитой бархатом? – спросил он, сделав пару шагов.

Нет. Тогда ты можешь решить, что лучше нарушит сделку.

Операция шла успешно. Вандаайо бежали вперед не слишком рьяно, да и не смотрели за тем, не следит ли кто за ними. Вряд ли кто-то захотел бы бежать по тропе следом за шестью представителями их племени, так что они не бросили ни одного взгляда через пятнистое зеленое плечо. Ближе к вечеру, когда Раффалон спускался по склону в небольшую долину, он увидел движение в зелени среди деревьев на другой стороне ложбины. Полулюди шли, не замедляя шаг, подымаясь по тропе, идущей зигзагами вверх и дальше. Вор увидел, как на одном из поворотов тропы группа остановилась, и двое, несшие груз на шесте, передали его другой паре.

Раффалон более-менее представлял, сколько еще идти до земли Вандаайо. Вряд ли охотники за людьми успеют достичь границы до темноты. Скорее всего, на ночь останутся. После роковой ошибки Ольвериона эта часть леса стала необитаемой, а крупные хищники, которых тут теперь достаточно, вряд ли побрезгуют плотью оборотней, когда им есть хочется.

Он постепенно нагонял их, пока не услышал побрякивание и шумное дыхание. Они были в паре поворотов тропы впереди. Начало смеркаться, он услышал и другие звуки. Подполз вперед и увидел, что тропа пересекает еще одну лужайку. Вандаайо прервали путь и принялись собирать дрова для костра и ветки папоротника, чтобы спать на них. Фульферин был все так же замотан в сеть, которой его поймали, и привязан к шесту, так что ему пришлось просто лежать кулем рядом с тропой.

Раффалон устроился за деревом и принялся следить за полулюдьми. Те развели костер и расселись вокруг него на корточках или скрестив ноги. С собой у них были большие кожаные мешки, из которых они достали куски мерзко пахнущего мяса и глиняные бутылки. К треску костра добавился хруст разрываемой плоти и бульканье, а потом – побрякивание, отрыжка и даже предостерегающий рык, когда кто-нибудь из Вандаайо проявлял излишний интерес к харчам своего товарища.

Стемнело. Услышав звук с другой тропы, полулюди насторожились. Положили недоенное и встали, оглядываясь. Но спустя мгновение расслабились, но не слишком, увидев, как из леса вышла другая группа их соплеменников, неся на шесте свой вклад в ритуальную трапезу племени.

Полулюди обменялись приветствиями – по крайней мере, так Раффалон истолковал их побрякивание и ворчание. Однако он заметил, что две группы не смешиваются и что те, следом за которыми он шел, расслабились не окончательно, внимательно следя, как вновь пришедшие пошли за дровами для костра и ветками для ночлега. Двое из первой группы

сразу же ушли от костра и уселись на корточки рядом с беднягой Фульферином, члены же второй группы постарались положить свою добычу как можно дальше от первой группы, насколько это позволял размер лужайки.

Последние лучи света, озарявшие густую листву над головой вора, угасли. Он смотрел, как вновь пришедшие взяли за нехитрую трапезу, а затем обе группы улеглись, каждая по дальнюю от другой группы сторону костра. Между двумя кострами осталась лишь утоптанная трава, на которой не было ни одного Вандаайо.

– Гм, – тихо сказал вор сам себе. Еще немного поглядев на противников, отполз подалее в лес и тихо обратился к божеству: – Мне потребуются обе руки.

Он почувствовал, как та рука, что держала изображение божества, поднялась к вороту туники. Спустя мгновение маленький кусок дерева упал ему за пазуху и оказался у живота.

Пока часть меня касается части тебя, я сохраняю власть над тобой, сказал голос у него в голове.

Вора разобрало любопытство.

– Ты действительно внутри дерева?

Я там, где я есть. Идол открывает... проводимость между там и здесь. А теперь, будь добр, займись спасением.

Пожав плечами, Раффалон отошел еще дальше по тропе, до того места, где видел небольшой ручей. Стал на колени и опустил руки в воду, ощупывая дно. Нашел то, что ему нужно. Встал и огляделся. В полусотне шагов от него стояло раскидистое дерево, нависая над ручьем. Он подошел к нему, порылся в мешке и достал крепкую веревку с узлами, на конце которой был крюк. Кинул вверх. Везение было на его стороне. Крюк крепко уцепился за ветку с первого броска.

Оставив веревку на дереве, он вернулся к краю лужайки. В мешке Фульферина уже лежали несколько камешков размером от ногтя большого пальца до кулака.

Не выходя из-за деревьев, он скрытно обошел лужайку, пока не нашел подходящее для его целей дерево. Полез наверх и вскоре нашел удобное место в развилке ветвей, с видом на оба лагеря. И принялся ждать.

На лужайку опустилась ночная тьма. Костры Вандаайо прогорели, и в них подкинули дров. И они снова прогорели. К этому времени все людоеды лежали на земле, свернувшись или распластавшись. Бодрствовали лишь по одному из каждой группы. Раффалон подметил, что часовые не смотрели в темноту, ожидая угрозы оттуда. Они пристально глядели друг на друга.

Он дождался, пока один из часовых не встал, чтобы подкинуть полено в костер. Когда сутулая фигура наклонилась за куском дерева, он шепотом обратился к божеству.

– Сейчас нам не помешало бы немного удачи.

И кинул камешек в темноту. Снаряд пролетел в ночном воздухе, и вор с удовлетворением услышал щелчок, когда камешек ударился в лысую башку Вандаайо.

– Ау! – вскрикнул раненый часовой и изрыгнул поток нечленораздельных гортанных звуков в сторону своего бодрствующего оппонента. Тот внимательно взгляделся и, хотя и не мог понять, почему другой возмутился, не отказал себе в удовольствии позлорадствовать.

Раненный в голову часовой вернулся на место и кинул полено в огонь. Присел, потирая ссадину на голове и глядя на оппонента, прищурившись и что-то бормоча. Раффалон решил, что это истовые клятвы отомстить за причиненный вред.

Вор дождался, пока второй часовой не решит, что пора подбросить в костер дров. Тот наклонился, чтобы взять бревно из запаса, сделанного его группой, и вор снова бросил камешек. Как и в первый раз, услышал стук удара, крик боли, а затем и радостное уханье с другой стороны лужайки.

Свежераненный Вандаайо подошел к краю пустого пространства между кострами и выдал несколько фраз обидчику, выставив нижнюю челюсть и потрясая кулаками. Адресат этих слов и жестов ответил тем же, а еще показал другому голую зеленую задницу, сопроводив это громкими шлепками жестких рук по ней.

И в тот самый момент, когда первый из часовых стоял, согнувшись и повернувшись задом к другому, Раффалон снова кинул камень, на сей раз побольше. Раздался звонкий удар по голове хлопающего себя по заднице, и новый крик боли и гнева.

Раненый Вандаайо резко развернулся и ринулся через пустое пространство, нащупывая рукой дубинку, заткнутую за веревку, которой был опоясан. Его оппонент схватил свое оружие, дубину, вытесанную из серого камня, выкрикнул боевой клич и ринулся навстречу. Они столкнулись посреди лужайки и набросились друг на друга. Горячность и плохая координация движений сполна компенсировались недюжинной силой, которой славились воины Вандаайо.

Шум и возня разбудили остальных, которые садились, вставали, моргая и осматриваясь. Раффалон быстро бросил несколько камней подряд, в том числе самый крупный. Благодаря удаче, дарованной маленьким божеством, каждый попал в цель, одного из полусонных воинов в двух группах. Один попал так удачно, что командир группы, пленившей Фульферины, упал на землю. Увидев, что главный лежит ничком, а часовой дерется с часовым из другой группы, остальные схватили оружие и с улюлюканьем ринулись на врага. Враги же, страдая от собственных ранений, ринулись им навстречу.

Раффалон с легкостью спустился с дерева и пошел вокруг лужайки, туда, где лежал связанный Фульферин. Но ноги его не послушались и понесли в противоположном направлении.

Нам может понадобиться что-то, что задержит погоню, прозвучал голос в его голове. Следом возник образ того, как он и спасенный почитатель бегут по тропе, а злополучный бедняга остается, чтобы Вандаайо из-за него переругались еще сильнее.

– Ты жестокий бог, – прошептал вор, идя к другому пленнику.

Я, по природе своей, доброе божество, наделяющее теми малыыми благословениями, что ныне в моих силах, последовал ответ. *Но сейчас я делаю то, что должно.*

Раффалон ничего не сказал в ответ, подбираясь туда, где у края лужайки лежала фигура, замотанная в крепкую сеть и стянутая плетеными кожаными шнурами. Он достал нож и разрезал путы.

– Тихо! – прошептал он. – Я помогу. Вставай и иди следом, молча.

Он не слишком хорошо разглядел человека, до костров было далеко, но увидел кивок и услышал стон, когда тот встал. Побежал вдоль края лужайки, туда, где лежал Фульферин, слыша, как следом бежит освобожденный пленник. Божий человек проснулся и принялся дергаться, связанный, бормоча под нос нечто, похожее на заклинание.

– Спокойно, – прошептал Раффалон. – Я разрежу путы, и мы сбежим, пока они будут драться друг с другом.

– Поспеши! – сказал связанный. – Я вижу, что их только шестеро на ногах осталось.

Орудя ножом, Раффалон поднял взгляд и увидел, что схватка действительно близится к завершению. Двое Вандаайо из группы, захватившей Фульферины, стояли спиной к спине, окруженные четырьмя противниками. Окончание схватки – лишь вопрос времени, а затем победители пойдут поглядеть на то, что завоевали.

– Сюда, – сказал он, когда Фульферин поднялся на ноги.

Хотя оба пленника долго лежали связанные, и у них, совершенно очевидно, затекли ноги, они поспевали следом за Раффалоном в сторону тропы, ведущей обратно к лесной дороге. Они бежали в темноте ночного леса, и тут он услышал удары и невнятные звуки. Спустя мгновение зазвучал мерзкий торжествующий клич Вандаайо.

– Быстрее! – бросил он через плечо.

Они добежали до небольшого ручья, в котором он набирал камни, а затем он повел их вверх по течению, к свисающей с дерева веревке с узлами.

– Полезай! – сказал он Фульферину.

Божий человек явно восстановил силы, поскольку взлетел вверх по веревке, будто тренированный акробат.

– А теперь ты, – сказал Раффалон, поворачиваясь к плохо различимому силуэту второго пленника.

Этот, пусть и ростом пониже, оказался не настолько тренированным и взбирался с трудом. Из лагеря Вандаайо раздались иные звуки – вопли злобы и гнева. Протянув руки в темноту, Раффалон обхватил второго пленника за пояс и приподнял. Тот, ухватившись за веревку и руками, и ногами, полез вверх бодрее.

Дождавшись, пока ноги лезущего не окажутся выше его головы, Раффалон полез следом по пеньковой веревке, про себя ругая верхнего за медлительность. Со стороны лужайки послышалось шлепанье плоских ног Вандаайо. Добравшись до ветки, за которую зацепился крюк, он обратился к двоим спасенным:

– Быстрее вверх, и тихо.

Отцепляя крюк и выбирая веревку, он слышал тихий шорох. А затем и сам полез вверх, в густую листву дерева. Увидел два комка темноты среди густой листвы. Оба спасенных сидели на крепких ветвях, привалившись спинами к стволу.

– Полное молчание, – прошептал он, усевшись на ветку, и замер. Увидел сквозь листья свет факелов. Вандаайо шли вдоль ручья, по обе стороны от него, низко наклонившись и пригнувшись. Но прошли мимо дерева, не посмотрев вверх.

Шло время. Преследователи вернулись с опущенными плечами. Они обращались друг к другу в тоне, который Раффалон считал за обвинительный. Один толкнул другого, факел с шипением упал в ручей. Ворча, они двинулись обратно вдоль ручья, к тропе и остаткам лагеря.

– Мы будем ждать, – тихо сказал Раффалон. – Пока не рассветет. А потом выберемся обратно на дорогу в Порт-Тэйс.

– Согласен, – ответил Фульферин.

– Я тоже, – ответил второй спасенный. Почему-то Раффалон не удивился, услышав голос молодой женщины. Когда он помогал пленнику забраться, обхватив его за грудь, его руки ощутили две выпуклости, не такие большие, как ему бы понравилось, но определенно женские.

– Первым сторожить буду я, – сказал он. Прислушиваясь к успокаивающемуся дыханию спасенных, он подумал, что если бы и согласился кого-то оставить у Вандаайо, то это был бы Фульферин.

Маленькое божество прочло его мысли.

Я должен сделать то, что должно, сказал бог.

С первыми лучами солнца они услышали, как Вандаайо уходят, но ждали на дереве до позднего утра. Спустившись, напились воды из ручья и двинулись вверх по течению.

– Полулюди наверняка захотят возместить потерю дичи, – сказал остальным Раффалон. – Они любят устраивать засады на тропах и дорогах. Кроме того, шум воды будет маскировать шум шагов.

Некоторое время они молча шли друг за другом. А затем вор почувствовал, как его дернули за рукав.

– Это мой дорожный мешок у тебя на плече, – сказал Фульферин.

– На этот счет есть разные мнения, – ответил Раффалон. – Я обнаружил его брошенным, что означает...

Но с этими словами он ощутил, как его руки сами по себе сняли лямку с плеча и отдали кожаный мешок другому.

Фульферин откинул клапан и сунул руку внутрь. Достал коробочку с секретом и сокрушенно вскрикнул, увидев, что она открыта и обитая бархатом выемка пуста.

Он резко глянул на спасителя.

Отдай меня ему, сказал голос в голове вора. Раффалон послушался без малейших колебаний, довольный тем, что снова станет хозяином себе. Внимательно поглядел на Фульферины, когда фигурка божества перешла к тому в руки. На самом деле руки оказались ни при чем. Худощавый мужчина не коснулся дерева фигурки, аккуратно выставив перед собой коробочку так, чтобы Раффалон положил идола внутрь. А затем аккуратно сдвинул крышку на место и защелкнул скрытый замок.

Раффалон услышал, как Фульферин вздохнул с облегчением. Тот закинул на плечо лямку кожаного мешка, и вор пригляделся повнимательнее. Интересно было сравнить образ, который маленькое божество создало в его сознании, с реальностью. И они не сходились. Физически Фульферин, как и было показано, оказался рослым и худощавым, с длинными узловатыми пальцами и торчащими коленями и локтями. Но лицо оказалось совершенно иным. Раффалону показали человека, грезящего наяву с широко открытыми глазами, но сейчас он видел перед собой того, кто шагу не ступит, не просчитав всего.

Молодая женщина, наблюдавшая за этим обменом, явно не намеревалась выбирать между двумя мужчинами, с которыми оказалась, и пусть и один из них ее спас, вряд ли с радостью согласилась бы проводить время с любым из них. В свою очередь, Фульферин ее просто игнорировал. Его явно заботила лишь коробочка и ее содержимое.

Раффалон оглядел женщину столь же бесцеремонно, как оглядывала его она. Уже не девочка, но и не почтенная дама, с острым взглядом и еще более острым носом и тонкогубым ртом, с легкостью насмешливо кривившимся. Одета побогаче фермерской дочки, но победнее купеческой. Когда взгляд Раффалона наконец добрался до ее лица, они встретились глазами.

– Я Раффалон, уже показавший себя тебе как человек отважный и находчивый. Это Фульферин, человек божий. Как тебя зовут и кто ты такая?

– Эрминия – ответила она. – Мой отец – хозяин трактира «Серая Птица» в Фоссете.

– И как же ты полулюдям в плен попала?

– Отец послал меня собрать грибов к банкету магистрата.

Раффалон морщил лоб.

– Это когда Вандаайо на охоту вышли?

Уголки губ девушки опустились.

– Лицензия у трактира в следующем месяце кончается. У отца своя точка зрения насчет ценности этого.

– Надо идти, – сказал Фульферин, прижимая мешок к груди. Показал подбородком на ручей. – Куда он ведет?

Вор пожал плечами.

– Я видел карты. Он идет параллельно лесной дороге. Протекает через заброшенное поместье, где никто не живет со времен оплошности Ольверииона. Если найдем его, там можно будет укрыться, пока не будем уверены, что Вандаайо домой отправились.

– Мне нужно как можно быстрее добраться в Порт-Тэйс.

Раффалон красноречиво махнул рукой в заросли по обеим берегам ручья. Фульферин умолк, но вор заметил в его вовсе не не-от-мира-сего глазах размышления и расчеты. Видимо, Фульферины тоже пришла в голову мысль, что хорошо бы кого-то бросить, чтобы отвлечь людоедов. Но божий человек сделал жест рукой, давая понять спасшему их, что согласен, чтобы он их вел.

Спустя час они оказались у запруды, ниже которой, судя по всему, ранее была стремнина. Забравшись на нее, они увидели длинное узкое озеро. На одном из его берегов среди заросших сорняками огородов и неухоженных плодовых деревьев возвышалось покрытое мхом сооружение из опутанных лозой каменных стен, спиралевидных башен, куполов, колоннад, арчатых коридоров и перистилей.

Обследовав его, они выяснили, что одна из башен выстроена как оборонительная. Вероятно, несколько поколений назад, когда Вандаайо представляли собой лишь едва зарождающуюся проблему. С крепкими дверьми и мощными петлями, так хорошо смазанными, что они и по сей день не заржавели. Хранившаяся в подвале еда, конечно же, давно сгнила, но вино в одной из бочек оказалось вполне приличным.

Эрминия сказала, что соберет фруктов в саду, если кто-нибудь пойдет вместе с ней и постоит на страже. Вызвался Раффалон. Фульфериин сказал, что заберется на самую верхушку башни и будет дозорным. Крикнет, если увидит идущих в их сторону Вандаайо. Вор сомневался, что божий человек решится открыть рот в такой ситуации, так что, когда он и девушка добрались до сада, сам нашел место повыше и принялся следить.

Эрминия набрала яблок, хурмы, керб и дрэгонфрута, завернув их в свою шаль. Окликнула Раффалона, который спустился к ней. Вор решил, что сейчас удобный момент, чтобы проверить, насколько девушка благодарна ему за спасение от котла Вандаайо. Она была не в его вкусе, но оказалась под рукой.

Мгновение спустя лицо, горящее от хорошей пощечины, и бедро, болящее от удара коленом, от которого он вовремя увернулся, ясно показали, что Эрминия четко обозначила границы. Разозлившись, вор на мгновение подумал, не стоит ли заручиться поддержкой Фульфериина и организовать спланированный штурм добродетели дочери трактирщика. Но сама мысль о любом совместном деле с почитателем божества тревожила его куда больше, чем возможность вынудить девушку уступить.

Выставив руки ладонями вперед в знак поражения, он повел Эрминию обратно к башне, где они закрыли за собой дверь на засов и забрались наверх по спиральной лестнице, на последний этаж. Здесь они увидели Фульфериина, отнюдь не на страже, а, напротив, лежащим на грязном диване и пьющим вино из кожаной фляги, которую он наполнил из огромной бочки в подвале.

Стекол в окнах не было, но погода стояла теплая. Раффалон разобрал на столе, и Эрминия выложила собранный урожай. Найдя стулья, они сели. Фульфериин встал с дивана и присоединился к ним, выложив на стол флягу с вином. Девушка покопалась в буфете и вернулась к столу с изрядного размера поварским ножом. Но вместо того, чтобы резать им фрукты, она многозначительно показала острие обоим мужчинам и убрала нож в складки длинной юбки.

Они ели молча, передавая друг другу флягу. Вино слегка отдавало уксусом, но было вполне приличным. Наполнив желудок и согрев кровь вином, вор слегка отодвинулся от стола и внимательно поглядел на божьего человека.

Фульфериин поглядел в ответ с выражением, в котором ясно читалось нежелание удовлетворять любопытство чужих ему людей. Но Раффалон проигнорировал молчаливый отказ.

– Твой бог заключил со мной соглашение. Поскольку я тебя спас, то уверен, что ты желаешь помочь ему его выполнить.

– Какое соглашение?

Глаза, совершенно мирские, прищурились.

– Он божество удачи, по мелочам. Сказал, что если я тебе помогу, то он благословит меня своим могуществом. Я считаю, что его влияние уже помогло мне, и оно станет еще сильнее, если ты увеличишь его силы.

Фульферин пожал плечами. Сказанное его явно не заинтересовало.

– О каком это вы боге говорите? – спросила Эрминия.

Фульферин явно не намеревался отвечать. Раффалон описал всю последовательность событий, которые свели их вместе. Правда, не стал раскрывать намерение бога пожертвовать ею, решив, что в этом нет никакой выгоды.

Девушка наклонилась вперед и нахмурилась.

– И что это за ритуал, который должен восстановить его силы? И, кстати, как его имя?

Раффалон понял, что не может ответить, и повернулся к Фульферину выжидающе. Божий человек снова не проявил ни малейшего желания беседовать, но Раффалон настоял.

– Боги, которые не слышат своих имен от поклоняющихся им, постепенно их забывают. Будто проваливаются в глубокий сон, от которого им очень трудно пробудиться.

– Значит, ритуал пробудит его?

Божий человек пожал плечами.

– Я в этом не специалист.

Вор попытался расспрашивать его дальше, но Фульферин ясно показал, что раздражен и считает этот допрос оскорбительным.

– К чему такая нерешительность? – спросила Эрминия. – Разве ты не почитатель этого бога, посвятивший себя тому, чтобы восстановить его силы? Говори!

Но Фульферин промолчал. Вместо этого, сделав раздраженный жест, встал из-за стола, взял дорожный мешок с его драгоценным содержимым и пошел вверх по лестнице, ведущей к двери, выходящей на плоскую крышу башни.

Раффалон глядел ему вслед, мрачно размышляя. Фульферин вовсе не такой человек, каковым его считает этот бог. Он вспомнил, как осторожен был Фульферин, стараясь не коснуться идола, что дало бы божеству доступ к его самым сокровенным мыслям.

Вор задумчиво прокашлялся. Искоса поглядел на Эрминию. Девушка сидела, поставив локти на стол и опершись на них подбородком. Молча глядела вслед Фульферину.

А затем искоса глянула на Раффалона, наклонив голову. По движению ее губ было понятно, что она что-то знает.

– Что? – спросил вор. – Что ты знаешь?

Но по выражению ее лица стало понятно, что она не станет этим делиться.

Раффалон хмыкнул.

– В следующий раз буду поразборчивее, спасая людей от котла Вандаайо, – сказал он.

Ответом ему был короткий невеселый смешок Эрминии. Взяв яблоко, она подошла к окну и села так, чтобы следить за одним из подходов к поместью. Раффалон устроился у противоположного. День клонился к вечеру, они по очереди подходили к столу, чтобы глотнуть вина или съесть фруктов, и продолжали наблюдение, каждый по отдельности.

Ближе к ночи с крыши спустился Фульферин. Они не стали разводять огонь, поскольку закрыть окна было нечем. Раффалон вызвался сторожить первым. Эрминия сказала, что будет второй. Фульферин пожал плечами и лег на пол, положив мешок под голову.

Три часа прошли без происшествий, и Раффалон разбудил девушку, осторожно, поскольку она спала с ножом в руке. Сам улегся спать. В углу громко храпел Фульферин, но после тяжелого дня и недолгого сна, да еще на дереве, вор быстро провалился в забытие.

Проснулся, увидев, что уже давно рассвело. Эрминия трясла его за плечо.

– Вставай! – сказала она. – Этот ублюдок нас предал!

Вскочив на ноги, он бросился к окну следом за ней. Солнце уже поднялось над лесом на добрую ширину ладони. Внизу, на засыпанном листьями и мощенном камнем внутреннем дворе, горел костер, от которого столбом подымался вверх серый дым. Фульферина нигде не было.

– Вандаайо наверняка увидели дым, – сказала девушка. – Нам надо убираться отсюда!

Раффалон уже бежал к лестнице. Подобрал по дороге мешок, прыжками сбегал вниз. Эрминия бежала следом. Оказавшись на первом этаже, он увидел, что крепкая дверь открыта, а замок забит грязью.

Выбежав во двор, вор быстро раскидал костер, а затем подошел к резной ограде сада и поглядел наружу. И увидел движение среди деревьев позади озера. Спустя мгновение разглядел силуэты Вандаайо. Те нырнули в воду, всецело доверяясь инстинктам земноводных, от которых происходили. У них не займет много времени переплыть озеро.

– Бежим! – сказал он.

Они бежали по тропе, которая, как он думал, ведет к дороге в Порт-Тэйс.

– Если повезет, Фульферин пошел сюда же, и мы его нагоним.

– И что? – спросила девушка, тяжело дыша и стараясь не отставать.

– Мы вдвоем его сильнее, так что предоставим его той судьбе, которую он уготовил нам.

– Оставим его Вандаайо? Согласна.

Тропа была хорошо утоптана, и следов на ней не было, но Раффалон подметил перевернутый камешек, более темный, чем остальные. Когда они пробежали еще немного, увидел нитку, повисшую на колючке. Влияние бога удачи в мелочах все еще было с ним.

Они добежали до ручья пошире прежнего. Перешли его по уложенным в воде камням. Пришлось замедлить шаг, и Эрминия заговорила.

– Я кое-что знаю о Фульферине, и он не знает, что я знаю.

– Что? – спросил вор. – И откуда?

– Он проходил через Фоссет и останавливался в нашем трактире.

– Он тебя не узнал.

– Я по большей части занята на кухне, отскребаю горшки, мою тарелки, пока Эльфри, моя сестра, блондинка с изрядной грудью и полными бедрами, ловит на себе взгляды клиентов. С ними работает она. Отец считает, что это хорошо для дела.

Раффалон протянул руку, помогая ей перешагнуть большой промежуток между камнями.

– И что ты знаешь о Фульферине?

– Он всего лишь низкопробный чародей, вот и все.

Девушка отважно перепрыгнула с камня на камень.

– Сомневаюсь, что знает больше, чем несколько слабеньких заклинаний, но он служит Больбеку, называющему себя Могущественным, знаменитому в Порт-Тэйсе чудотворцу.

– Так зачем Больбек послал его дорогой через Фоссет?

– Фоссет стоит на старой дороге, ведущей к развалинам Исариоса.

Вор хорошо знал это место, обрушившиеся стены, вздыбившиеся мостовые. Оно было разрушено во время землетрясения тысячелетие назад.

– И?

– Фульферин копается в развалинах, ищет изображения ушедших богов. А потом доставляет их хозяину. Иногда они копают землю вместе.

– Чтобы возродить их силы?

Они перебрались через ручей. Девушка покачала головой.

– Речь тут и о силе, если быть точной, но из того, что я подслушала, когда они шептались в тот раз, когда путешествовали вместе и остановились в «Серой Птице», чудотворец пользуется божествами примерно так же, как паук – мухами.

– А-а, – ответил Раффалон. Единожды оказавшись в заключении, где с ним обращались так, как ему совсем не нравилось, он всегда больше сочувствовал мухам и старался противиться паукам. – Он одурачил бога.

– По всей видимости, даже боги склонны верить тому, во что они желают верить. Особенно когда им отчаянно хочется выжить. И когда могущественный маг скрывает истинную сущность своего помощника.

Вор вспомнил невинный образ Фульферина, который показал ему бог.

– Гм. Но нам лучше поторапливаться.

Они быстро шли по тропе. Вор понял, что всякий раз ставит ногу так, что получает максимум устойчивости, в правильное место. Что им особо не мешают кусты. Задумался, влияет ли его удача на противника, мешая ему, и решил, что вряд ли. Но и того, что есть, вполне может хватить, чтобы сбежать от Вандаайо. Интересно, удачей ли было то, что он нашел Эрмению. Похоже, она весьма полезный попутчик.

Наткнувшись на еще один перевернутый камешек, он задержался, разглядывая его. Нижняя часть была еще влажной, хотя солнце уже поднялось высоко и день был теплым.

– Он идет медленнее, – сказал Раффалон девушке. – Думает, что Вандаайо нас поймали и ему некуда спешить.

– Он показался мне одним из тех, кто, похоже, всегда ожидает, что обстоятельства сложатся в его пользу, – ответила Эрминия.

Они шли быстро, но старались идти тише. Приходилось то подыматься, то спускаться, и вскоре они пошли по траверсу высокой гряды. Раффалон увидел впереди движение. Остановился и пригляделся.

– Вон он, – с уверенностью сказал вор.

– Он длинноногий, – сказала Эрминия. – Если нас услышит, то сможет убежать.

Вор с удовольствием осознал, что постоянное мытье горшков и тарелок не заставило девушку утратить способность сосредотачиваться на главном. Принялся оглядываться по сторонам, ища возможность выиграть время и расстояние.

Впереди гряда и тропа плавно сворачивали вправо. Если быстро и тихо срезать путь через лощину, можно будет выйти на тропу впереди Фульферина, который шагал лениво.

– Туда, – сказал он. Недавно упавшее высокое дерево придавило к земле подлесок, в противном случае оказавшийся бы непроходимым. Пробравшись через кусты, они обошли вывернутые корни дерева и пошли прямо. А потом и побежали, пригибаясь.

На большей части упавшее дерево было лишено веток. Когда они до них дошли, то свернули в сторону, оказавшись на покрытом мхом и лишайником пространстве, русле пересохшего ручья. Двигались, будто в тоннеле, под нависающими ветвями дерева и в конце концов оказались в двух шагах от тропы, отделяемые от нее лишь цветущим кустарником.

Парень и девушка подошли к тропе в тот самый момент, когда к тому же месту небрежно подошел голенастый Фульферин. Времени планировать атаку не было. Они просто выскочили из-за куста и набросились на предавшего их. Раффалон схватил его за плечи, Эрминия – за ноги, и вдвоем они решительно сбили с ног рослого мужчину. Еще одна кроха удачи, и вор упал коленками прямо в ребра ворующему богов. Тот шумно выдохнул.

Порывшись в мешке, Раффалон достал кусок веревки. Вместе с Эрминией они быстро перевернули на живот судорожно дышащего противника и связали ему запястья и лодыжки. Потом снова повернули его на спину и усадили спиной к бугру. Девушка быстро оторвала полосу от его рубахи и заткнула ему рот, чтобы он не прочел какое-нибудь отвлекающее заклинание.

– Если бы ты нас просто бросил, я бы не был так мстителен, – сказал тем временем Раффалон. – Но зажечь костер, чтобы привлечь Вандаайо?

Остальное он оставил невысказанным.

Эрминия была более прямолинейна. От души пнула Фульферина ногой в ребра.

– Пошли дальше, – сказала она Раффалону.

Связанный отчаянно корчил лицо, будто желая что-то сказать. Раффалон нагнулся и вынул кляп, но приставил нож к горлу подлца.

– Мой хозяин заплатит вам, если вы сможете мне доставить ему то, что я ему несу, – сказал помощник чудотворца.

Парень и девушка не ответили.

– Этот предмет завершит проект, который имеет огромную важность для него.

Раффалон взял кожаный мешок.

– Я обязательно скажу ему, что ты до самого конца о нем думал.

На лице Фульферина появилось лукавое выражение.

– Но ты же не знаешь, кто он!

– Не знал, пока девушка мне не сказала, – ответил Раффалон, кивнув в сторону Эрмнии, и заткнул кляп обратно. Поглядел назад по тропе и увидел пятнистые зеленые силуэты. – А теперь мы пойдем.

Дом Больбека Всемогушего располагался в верхней части Порт-Тэйса, на холме, от которого шел спуск к порту на реке. Он был выстроен в странном сочетании черных железных панелей и полусфер из лазурно-голубого кристалла. Дабы отпугнуть незваных гостей, дом был огорожен высокой изгородью из мыслящего колючего плюща, чьи шипастые ловчие усы постоянно покачивались в воздухе в поисках запаха плоти.

Раффалон и Эрмния подошли к единственному проходу в ограде, узенькой деревянной арке. Как только они приблизились, воздух стал холоднее, и внутри проема зависло нечто полупрозрачное.

– Мой хозяин не ждет посетителей, – сказала оно.

– Скажи своему хозяину, что принесли то, доставки чего он определенно ждет, – сказал Раффалон, выставляя вперед резную коробочку.

Привидение вздохнуло и растворилось, улетев в направлении особняка.

Парень и девушка ждали, отмахиваясь от бездумно колышущихся щупалец. Вскоре привратник вновь засветился внутри арки.

– Следуйте, – сказала привидение.

Хищный плющ раздвинул ветви, и призрак повел людей по светящимся плитам дорожки к высоким дверям, на створках которых были резные изображения перекошенных лиц. Лишь когда они дошли до дверей, Раффалон увидел, что лица шевелятся, поворачиваясь в его сторону, и понял, что это двое лесных элементариев, поработанные чудотворцем и поставленные охранять вход.

При приближении призрака двери открылись. Парень и девушка вошли в прихожую, явно созданную так, чтобы сбивать с толку все органы чувств. Почувствовав накатившую тошноту, вор закрыл глаза.

– Мы не потерпим дурного обращения. И уйдем немедленно, – сказал он, разворачиваясь и на ощупь идя к дверям. Поймал за руку Эрмнию и повел за собой. Опустив взгляд, она послушно двинулась к выходу.

– Подождите, – прозвучал повелительный голос. Головокружение внезапно прекратилось. Раффалон открыл глаза и увидел, что рядом с ними оказался невысокий пузатый мужчина в кроваво-красном одеянии с черными рунами и высоким головном уборе из вычурно сложенной ткани и кожи. Выражение его лица было безразличным.

– Что вы мне принесли? – спросил он.

Сунув руку в дорожный мешок, Раффалон вытащил резную коробочку.

На лице Больбека промелькнуло выражение алчности.

– Что с Фульферином? – спросил он.

– Он принял приглашение к ужину, – ответил вор. – В земле Вандайю.

Снова мимолетная гримаса на лице чудотворца, вроде бы сожаление.

– А в коробке? – спросил он.

– Фульферин сказал, что это божество удачи в мелочах, – ответил Раффалон. – Так сказать, – добавил он, с понимающей улыбкой.

В глазах Бальбека не переставая светилась жадность.

– Неси в мою мастерскую, – сказал он.

Раффалон остался на месте.

– Сначала следует обсудить вопрос цены.

Большек назвал цену. Раффалон удвоил ее. Маг махнул рукой, давая понять, что торговаться ниже его достоинства.

– Договорились. Неси.

Развернувшись, он вошел в дверь, появившуюся в стене при его приближении.

Вор встревожился. Иногда те, кто слишком легко соглашается на грабительскую цену, делают это лишь потому, что на самом деле не собираются платить. Идя вместе с Эрминией следом за чудотворцем, он на всякий случай приготовился к бегству.

Комната, в которую они вошли, была непонятной формы и размера. Стены то приближались, то отодвигались, в зависимости от того, смотреть на них прямо или краем глаза, да и углы между ними и потолком с полом тоже не казались постоянными. Раффалон заметил шкафы и серванты, в которых стояли предметы, которые ему очень хотелось рассмотреть повнимательнее. Если по правде, он бы с удовольствием забрал их с собой, чтобы изучить на досуге и продать побыстрее.

Но Большек не оставил ему времени. Чудотворец спешно прошел по каменному полу к занавешенной нише в стене. Откинул тяжелый парчовый занавес, за которым оказались два предмета, с которыми он, по видимости, сейчас работал. Первый – цилиндрический контейнер из белого золота, по бокам которого сверкали выполненные из блестящего металла строчки букв. Вор не смог разобрать надписи, но у него было ощущение, что один из символов он уже видел на деревянной коробочке. Должно быть, это достаточно мощные заклинания, подумал он, судя по тому, как они ритмично вспыхивают, будто медленно бьющееся сердце.

Вторым предметом был каркас в форме человеческой фигуры, очень похожий на того человека, который его сделал. Проволочный каркас из золота и электрона, соединенный с цилиндром толстыми витыми проводами из серебра, он состоял из двух половин, соединенных на петлях так, что чудотворец мог открыть его и стать внутрь, поглощая всю энергию, которую, по всей видимости, создавал цилиндр.

Большек оглядел аппарат. Удовлетворившись увиденным, повернулся к Раффалону.

– Коробка, – сказал он.

– Деньги, – ответил вор.

Безразличное лицо мага вспыхнуло раздражением. Он произнес два слова и сделал сложное движение рукой. В воздухе перед вором появился кожаный кошель и тут же упал на пол с характерным звуком, судя по которому внутри лежало немало монет Порт-Тэйса.

Раффалон отдал коробочку и наклонился, чтобы подобрать кошель. Затем отвернулся, как бы для того, чтобы проверить содержимое, и тайком коснулся складки одежды, вне поля зрения Большека. Его рука сомкнулась на предмете, там спрятанном. Затем он убрал монеты и многозначительно поглядел на Эрминию.

Девушка, которая до этого изо всех сил старалась не привлекать к себе внимания, начала потихоньку двигаться к одному из сервантов, внимательно глядя на закрытый стеклянный кувшин, наполненный синей жидкостью, в которой плавал гомункулус с коротенькими ручками и ножками и огромными желтыми глазами.

Чудотворец поставил коробочку на небольшой стол перед цилиндром из белого золота и резко открыл ящик стола, вытащил оттуда длинные, по локоть, перчатки и тут же натя-

нул их. Перчатки были сделаны из сверкающей чешуйчатой кожи и светились в полумраке комнаты так, будто внутри них были радуги.

С нескрываемым возбуждением Больбек повернулся к коробочке. Быстро нашел входное отверстие сбоку и вытащил маленький потертый кусок дерева. А затем достал из ящика булавку и вставил в дырочку. Прежде безжизненное, его лицо стало очень живым, а дыхание – быстрым и резким.

Раффалон услышал щелчок открывающейся коробочки и поглядел на Эрмению. Девушка уже подошла к серванту и теперь развернулась, задев локтем кувшин. Тот пошатнулся, едва не опрокинувшись, резко звякнуло стекло о стекло, когда крышка соскочила с него и наружу выплеснулась синяя слизь.

Больбек резко повернул голову.

– Идиотка! Убирайся от... – начал он, но в это мгновение Раффалон быстро выхватил крохотную статуэтку бога удачи из потайного кармана и коснулся ею обнаженной шеи чудотворца. Маг тут же одеревенел. У него на шее вздулись жилы, глаза выпучились. Губы кривились, он пытался что-то произнести. На всякий случай, чтобы этого не произошло, Раффалон сжал ему губы пальцами.

Вор изумился тому, как долго мастер заклинаний смог сопротивляться силе божества. Его самого подчинили практически мгновенно. Но наконец борьба окончилась. Тело Больбека обмякло, но в его глазах светилось отчаяние.

– Все хорошо? – спросил вор, продолжая прижимать идола к шее мага.

– Я все еще изучаю содержимое памяти, – ответил бог устами чудотворца. – Очень занятно.

Эрмения подошла ближе.

– Что бы сделало с тобой это? – спросила она, показывая на аппарат.

– Растворило бы меня, забрало мою силу и отдало Больбеку.

Последовала небольшая пауза.

– В цилиндре уже заточены шесть божеств. Мое появление там позволило бы этому парню сделать финальный шаг, полностью высосав из нас энергию. Затем энергия была бы передана в клетку и поглощена его существом.

– И он бы стал божеством? – спросил вор.

– Нет. Эта процедура не сработала бы. Как всегда. Но он пережил бы несколько чрезвычайно интересных моментов, прежде чем катаклизм уничтожил бы его, его дом и окрестности.

Раффалон поглядел в глаза Больбека. В них читались злоба и отчаяние.

– Тем не менее, почему-то мне не кажется, что он станет благодарить нас за вмешательство.

– Не станет, – ответил бог устами чудотворца. – Желательно связать его покрепче, в том числе пальцы. И сделать кляп получше. Ему известны заклинания, состоящие всего из одного слога, и он полон решимости использовать их против вас.

– Вот она, благодарность волшебника, – сказала Эрмения. Походив по комнате, нашла веревки, цепи и тряпку, а затем занялась Больбеком, делая его безопасным для окружающих. Связала даже пальцы на ногах, на всякий случай. Когда маг был обездвижен целиком и полностью, Раффалон убрал статуэтку божества от его кожи и поставил на столик.

– И что теперь? – спросил он.

Бог снова заговорил с ним беззвучно, внутри его ума.

Я изучил его память насчет устройства аппарата, сказал он. Если ты аккуратно отвинтишь крышку, заключенные там будут освобождены.

– Скорее всего, они будут разгневаны и несколько неразборчивы в своем гневе, – сказал вор.

Я позабочусь, чтобы они не причинили вам вреда. На самом деле, я думаю, что они сразу поймут, чем обязаны вам двоим, и возблагодарят вас тем, что в их силах.

Пересказав слова божества Эрминии, Раффалон посоветовал ей подойти поближе к нему. А затем протянул руку к крышке цилиндра и начал медленно поворачивать. Показалась тонкая резьба, белое золото тонко поскрипывало по мере того, как отвинчивалась крышка.

Последний оборот, и крышка взлетела в воздух, отбросив руку Раффалона в сторону. Наружу вырвался сверкающий разноцветный поток, такой яркий, что вор прищурился. Поток ударил в потолок, воздух наполнился сильными ароматами, раскатами грома и волнами давления, от которых у Раффалона заболели уши.

Невидимые руки сжали Раффалона и Эрминию, едва не раздавив, и подняли в воздух. Вор решил, что в следующее мгновение его разобьют о плиты пола, но столь же быстро, как подняли, их мягко опустили обратно.

Сожалею, произнес другой голос. Пото объяснил, что вы наши спасители, а не наши тюремщики.

– Пото? – одновременно спросили Раффалон и Эрминия.

Это мое имя, сказал голос, уже известный вору как голос бога удачи в мелочах. Но сейчас он звучал радостно. Митрон меня узнал, как и я его. Мы вроде братьев, только в божественном смысле.

– Митрон?

Бог всадников и колесничих, ответил другой голос. Меня и Пото часто призывали одновременно.

Бог удачи представил остальных божеств. Итеран, владыка перекрестков. Бельсерен, распорядитель силой и здоровьем. Самирави, богиня эротического удовлетворения. Фаззант, покровитель сборщиков налогов и инспекторов. Тьюкс, который, если его должным образом умиловить, может выполнить самое сокровенное желание.

Мы очень благодарны тебе, сказал Пото. Каждый из нас благословит вас обоих тем, что в его власти, поскольку благодаря вам все мы вспомнили наши имена и восстановили наше могущество.

– В смысле, я могу смело играть на скачках?

Всегда, ответил Митрон.

Раффалон принялся мысленно подсчитывать прочие прибыли. Он никогда не попадет в засаду на перекрестке. Никогда не будет болеть и уставать, не будет испытывать неловкости и неудовлетворенности в интимной близости. А какие возможности он получит, будучи благословлен покровителем сборщиков налогов и инспекторов, он даже и представить себе не мог.

Они совершенно не будут трогать тебя, сказал другой голос, по всей видимости, принадлежащий Фаззанту.

– Благодарю вас всех, – сказал Раффалон, церемонно поклонившись.

– И я тоже, – сказала Эрминия, хотя Раффалон сперва не признал музыкальный голос за голос девушки. Повернувшись к ней, он увидел, что Самирави уже выполнила обещание. Глаза девушки уже не были слишком близко посаженными, и нос стал не таким длинным и заостренным. Губы стали полными, с подбородка пропал пушок. Ее женские прелести, сверху и снизу, стали выразительнее, вся она светилась здоровьем и привлекательностью.

Судя по тому, как она сама на него смотрела, видимо, его тоже несколько изменили и улучшили. Он ощупал нос и понял, что тот стал куда короче и красивее, а когда он скрытно сунул руку в карман штанов, то ощутил, что первоначальная просьба насчет более выдающейся части тела тоже не осталась забытой и была удовлетворена полностью.

– В особенности благодарю Тьюкса, – сказал он.

А теперь, сказал Пото, мы должны попроситься. У нас еще есть дело к этому возгордившемуся волшебнику.

Мы освободили всех его прислужников и устрашителей, добавил Митрон. Если по дороге увидишь кого-то, кто тебе понравится, можешь забирать.

Ему все это более не понадобится, сказал голос Физзанта.

Раффалон снова благодарно поклонился. Эрминия сделала грациозный реверанс.

– Никогда прежде у меня не получалось сделать это правильно, – сказала она, очаровательно улыбаясь.

Они вышли из мастерской чудотворца, где вновь заревели ветра. По всему особняку хлопали двери, слетали крышки с сундуков, распахивались двери кладовых.

Несколько позже, с набитыми карманами и заполненным доверху сундуком, они шли по одному из красивейших бульваров Порт-Тэйса в поисках места, где остановиться на ночлег.

– Я вот все думаю, – сказала Эрминия. – Если мы построим таверну на перекрестке, неподалеку от хорошего места скачек...

Она призадумалась и продолжила:

– Я буду обслуживать посетителей, а ты устроишь в заведении азартные игры, может, даже тотализатор...

– И у нас не будет проблем с жадными и придирчивыми чиновниками, – сказал Раффалон.

– Вон там гостиница, через дорогу, – сказал вор. – Снимем номер на ночь, а там посмотрим.

И был чрезвычайно удивлен, когда Эрминия мгновенно и недвусмысленно выразила свое согласие.

За ночь они поняли, что теперь чудесно подходят друг другу.

– Чтобы преуспеть, надо выбрать таверне хорошее название, – сказала Эрминия, удовлетворенно обнимая его.

– Уверен, что при такой удаче я его легко придумаю, – ответил Раффалон.

Джо Р. Лансдейл

Плодовитый писатель из Техаса Джо Лансдейл получил премии «Эдгар», «Бритиш Фэнтези», американские премии «Хоррор», «Мистери», международную премию авторов детективов «Крайм Эворд» и девять премий имени Брэма Стокера. Хотя он больше известен триллерами и романами в стиле «хоррор», такими как *The Nightrunners*, *Bubba Нотер*, *The Bottoms*, *The God of the Razor* и *The Drive-in*, он также пишет популярные серии о Хэпе Коллинзе и Леонарде Пайне – *Savage Season*, *Mucho Mojo*, *The Two-Bear Mambo*, *Bad Chili*, *Rumble Tumble*, *Captains Outrageous*, а также вестерны, такие как *The Magic Wagon*. Некоторые его романы абсолютно не поддаются классификации, такие как *Zeppelins West*, *The Drive-in* и *The Drive-in 2: Not Just One of Them Sequels*. В число его прочих романов входят такие как *Dead in the West*, *The Big Blow*, *Sunset and Sawdust*, *Act of Love*, *Freezer Burn*, *Waltz of Shadows* и *Leather Maiden*. Его романы вошли в знаменитые серии о Бэтмене и Тарзане. Короткие рассказы вышли в сборниках *By Bizarre Hands*, *Sanctified and Chicken-Fried*, *The Best of Joe R. Lansdale*, *The Shadows*, *Kith and Kin*, *The Long Ones*, *Stories by Mama Lansdale's Youngest Boy*, *Bestsellers Guaranteed*, «На дальнем краю пустыни Кадиллаков с мертвым народцем», *Electric Gumbo*, *Writer of the Purple Rage*, *Fist Full of Stories*, *Bumper Crop*, *The Good, the Bad, and the Indifferent*, *Selected Stories by Joe R. Lansdale*, *For a Few Stories More*, *Mad Dog Summer and Other Stories*, *The King and Other Stories*, «Дорога мертвеца», *High Cotton: The Selected Stories of Joe R. Lansdale* и антология *Flaming Zeppelins: The Adventures of Ned the Seal*. В качестве редактора он выпустил такие антологии, как *The Best of the West*, *Retro Pulp Tales*, *Son of Retro Pulp Tales* (совместно с Кейт Лансдейл), *Razored Saddles* (совместно с Пэт Ло-Брутто), *Dark at Heart: All New Tales of Dark Suspense* (совместно с женой, Карен Лансдейл), *The Horror Hall of Fame: The Stoker Winners*, антологию в честь Роберта Говарда, *Cross Plains Universe*, совместно со Скоттом Каппом.

В честь самого Лансдейла вышла антология под названием *Lords of the Razor*. Свежие книги автора – два романа о Хэпе и Леонарде, *Vanilla Ride* и *Devil Red*, а также короткие романы *Huenas* и *Dead Aim*, романы «У края темных вод» и *The Thicket*, две новые антологии – *The Urban Fantasy Anthology*, совместно с Питером С. Биглем, и *Crucified Dreams*. Вышли также три новых сборника, *Shadows West* (совместно с Джоном Л. Лансдейлом), *Trapped in the Saturday Matinee* и *Bleeding Shadows*. Писатель живет с семьей в Накодочес, штат Техас.

В своем произведении, попавшем в наш сборник, автор отправляет своих известных персонажей, Хэпа и Леонарда, в сложное и опасное путешествие, в котором они должны спасти «Принцессу в беде». Правда, не совсем в таком стиле, как это обычно описывается в сказках.

Джо Р. Лансдейл «Согнутая ветка»

Тогда я вернулся с работы вечером, и Бретт, моя рыжая, сидела за столом на кухне. На этой неделе у нее не было ночных смен на дежурствах в больнице, так что я удивился, увидев ее на ногах. В два часа ночи. Я закончил работать ночным сторожем на заводе по производству собачьей еды, в надежде на то, что мой приятель Леонард скоро вернется из Мичигана, куда поехал кого-то ловить по поручению нашего друга Марвина, который нанял его на разовую работу в своем детективном агентстве. Время от времени мы на него работали.

На этот раз мне работы не нашлось, и поскольку у Леонарда другой работы не было, а деньги ему были нужнее, чем мне, работать отправился он. А я временно подрабатывал на заводе собачьей еды. Нормально, но очень скучно. Самым захватывающим из приключений была погоня за крысами, которых я обнаружил в хранилище. Они надгрызали мешки с кормом, отнимали хлеб насущный у ищеек, так сказать. И навсегда поняли, что со мной лучше не связываться.

Я все надеялся, что у Мартина что-нибудь для меня найдется и я смогу уйти с завода, но пока что ничего не было. Но недельная зарплата в бумажнике была.

– И что ты тут делаешь? – спросил я.

– Беспокоюсь, – ответила она.

Я сел за стол рядом.

– У нас же достаточно денег, так?

– Нам многое надо менять. Я о Тилли.

– Вот черт.

– Все не так, как раньше, – сказала Бретт.

Немного из графы А, немного из графы Б, вот что она имела в виду.

Графа А – когда она связалась с клубом байкеров, а потом ее украли, чтобы сделать проституткой, отчасти по делу, поскольку этим она и занималась, отчасти – против ее воли, поскольку ей не собирались за это платить. Мы ее вытащили, я, Бретт и Леонард. Потом она сорвалась и влипла в бытовые неприятности в Тайлере, но с этим ей помогла Бретт, по крайней мере, ухитрилась отсрочить катастрофу. Каждый раз, когда Бретт заговаривала о Тилли, это значило, что ей придется паковать вещи, брать отпуск на работе и отправляться на пару дней, чтобы исправить какую-нибудь глупость, которой можно было избежать с самого начала. Но, поскольку Тилли приходилась Бретт дочерью, я пытался о ней заботиться. Хотя я ей не нравился, и она мне тоже. Но я любил Бретт и пытался поддерживать ее, как мог. Бретт прекрасно знала, каково мне это делать.

– Снова придется на пару дней уехать? – спросил я.

– Может, и побольше.

– Почему это?

– Она пропала.

– Наверное, она уже не первый раз на порошке сидит. Ты же ее знаешь. Смылась, не говоря ни слова, так же и вернется, если только ей деньги не понадобятся или если торнадо жилой вагончик не опрокинет.

– В этом всем нет ее вины.

– Бретт, малышка, вот только не начинай мне рассказывать, какая ты плохая мать.

– Я такая и была.

– Ты сама была молода, и я думаю, что ты отнюдь не все плохо делала. Были определенные обстоятельства, и ты старалась сделать для нее все, что могла. Вся ерунда, в которой она живет, – ее собственный выбор.

- Возможно.
- Но ты не согласна.
- Неважно. Она моя дочь.
- А у тебя есть я.

– Мне позвонила ее подруга, ты ее не знаешь. Зовут Моникой, нормальная девушка. Думаю, у нее голова на плечах получше, чем у Тилли. Она была у нее в прошлый раз, когда я туда зашла. Думаю, она стала бы хорошим примером для моей девочки. Мне казалось, что Тилли начинает приводить дела в порядок, и я постоянно держала связь с Моникой, чтобы быть в курсе. Та позвонила и сказала, что они собирались в кино на вечерний сеанс, в компании девушек. Вот только Тилли не пришла. И не позвонила. А теперь уже три дня прошло. Моника сказала, что когда перестала с ума сходить, то стала тревожиться. Сказала, что парень, с которым жила Тилли, вот он может быть проблемой. Он привык пасти шлюх, и Тилли легко может вернуться к этому. В смысле... ну, у парня еще и кое-какие проблемы с наркотиками, и у Тилли иногда. Он мог с ней поругаться. Он мог попытаться заработать на ней денег, или ввязаться во что-то скверное и втянуть Тилли заодно.

– Моника думает, что он ее дома держит?

– Может, и хуже.

– Я-то думал, он в порядке.

– Я тоже, – сказала Бретт. – Но в последнее время – не очень. Сначала он был просто сказочным принцем, бывший наркоман, взявшийся за ум, а потом вдруг он не хочет выпускать ее из дома, не хочет, чтобы она с кем-то общалась. Не хочет, чтобы она виделась с Моникой. Моника думает, что он сам хочет выбирать, с кем Тилли встречаться.

– Проституция, – сказал я.

Бретт кивнула.

– Ага, иногда такие парни ведут себя именно так. Типа, о тебе заботятся, типа того, что у них были те же проблемы, что у тебя, а потом Тилли вдруг понимает, что она снова на коксе и продает себя, чтобы за него платить. А потом перестает получать за это деньги. Когда он сам все забирает.

– Сутенеры так и делают, держа девок на наркоте и забирая все деньги.

– Ага, – выдохнула Бретт. – Именно. С ней такое уже бывало, и сам понимаешь...

– Ты думаешь, что это могло случиться снова.

– Ага. Думаю.

– Это не имеет значения, поскольку такое нельзя спланировать. Он просто мог сам слезть с катушек и потянуть ее за собой. Получив желаемое, не хочет делиться с остальными и продемонстрировать ее окружающим.

– Поначалу он очень даже с удовольствием ее всем демонстрировал, – сказала Бретт. – Хотел, чтобы она одевалась сексуальнее, сходил с ума, если кто-то на нее заглядывался. Она принадлежала ему, но он хотел выставить ее, и в то же время чтобы никто не смел глядеть на это представление. А потом захотел. Может, когда снова проблемы с наркотиками начались. Я не знаю. И мне плевать. Я просто хочу знать, что она в безопасности.

– И хочешь, чтобы я это выяснил?

– Хочу, чтобы мы это выяснили.

– Тогда давай я для начала съезжу на завод собачьей еды и получу расчет.

– побыстрее, – сказала Бретт.

– Понимаю, – ответил я. – Но все равно надо.

Странно было начинать выяснять что-то подобное, когда рядом нет Леонарда. В таких обстоятельствах я предпочитал, чтобы он был рядом. Он всегда был мне хорошей опорой. Я считал себя вполне крепким в этой сфере, но никогда не помешает, если рядом друг, который тебе как брат. Просто чтобы быть увереннее.

Тилли жила неподалеку от Тайлера, между нашим домом и Баллоком, в небольшом пригороде. Тайлер, конечно, поменьше Далласа и Хьюстона, но это большой городок или небольшой город, как вам больше нравится. Населения тысяч сто, куча машин, нелегальные иммигранты и студенты колледжа. Иммигранты, которых любят нанимать, чтобы платить поменьше, а потом делать из них козлов отпущения при каждом удобном случае, забывая, что их бы вообще здесь не было, чтобы винить их за то, что они делают и чего не делают, если бы им не предлагали работу.

Когда мы добрались до дома Тилли, то увидели на стоянке две машины.

– Это машины Тилли и Роберта. Обе здесь, – сказала Бретт.

Я вышел и постучался в дверь, но никто не открыл. Сложно объяснить, но иногда ты стучишься, зная, что внутри кто-то есть, а иногда возникает ощущение пустоты, будто стучишь по выбеленному солнцем черепу, ожидая, что мозг, которого внутри давно нет, вдруг пробудится. А иногда ты просто очень зол, а тот, кто внутри, прячется. Я помню, как моя мать так время от времени делала, когда приходил сборщик налогов. Всегда было интересно, знают ли они, что мы дома и просто прячемся, чтобы не платить налоги, на которые у нас нет денег, но которые платить обязаны. Например, налог на машину. В надежде, что они не увезут ее.

Я обошел дом и постучал в заднюю дверь – с тем же результатом. Обошел весь дом вместе с Бретт, заглядывая в окна. Большая их часть была закрыта ставнями и занавесками, но за окном кухни с заднего двора занавески были открыты. Сложив руки и прижавшись к стеклу, мы поглядели внутрь. Ничего не видно.

Наконец вернулись к моей машине и присели на капот.

– Хочешь, чтобы я забрался внутрь? – спросил я.

– Не знаю. Я вчера в полицию звонила, ну, в контору шерифа, но они ничего не стали делать.

– Не прошло двадцать четыре часа?

– На самом деле уже прошло. Давно. Но дело в том, что они ее уже знают.

Подробностей я не знал, но можно догадаться. Тилли часто попадала в неприятности, время от времени ей удавалось сбежать, когда у полиции не хватало сотрудников, чтобы вовремя поймать проститутку, наркомана и вообще головную боль для окружающих, постоянную.

– О'кей. Беру ответственность на себя. Заберусь туда.

Вокруг были дома, но никого не было видно, и я не видел, чтобы кто-нибудь отдернул занавески, чтобы подсмотреть. Достав из перчаточного ящика набор отмычек, которыми я время от времени пользовался, когда работал на агентство, я снова обошел дом и открыл заднюю дверь. Взломщик из меня не слишком хороший, и, по правде говоря, обычно это выглядит не так, как в кино, по крайней мере, у меня. Всегда приходится повозиться. Однако замок оказался достаточно простым, и все заняло у меня около пяти минут. Затем я и Бретт вошли внутрь.

– Тилли, Роберт, – окликнула Бретт. – Это я, мама.

Никто не отозвался. Как о стенку горох.

– Подожди у двери, – сказал я.

Я пошел по дому, заглядывая в комнаты. Ничего особенного, но в гостиной стул и кофейный столик опрокинуты. Что-то пролилось на пол и стало липким. Рядом – разбитый стакан. Вернувшись, я рассказал Бретт об увиденном.

– Может, теперь служители закона заинтересуются, – добавил я.

Когда мы вышли наружу, я вдруг увидел дорожку из мелких капель крови. До того я ее не заметил, но теперь, выходя из дома, когда лучи солнца упали под нужным углом, разглядел. Так, будто кто-то рассыпал рубины разного размера в траве.

– Бретт, милая, иди к машине и сиди там, за рулем, – сказал я. – Вот ключи, на случай если придется уехать. И если будет надо, уезжай. Обо мне не беспокойся.

– Чушь, – сказала она. – Пошли, возьмем пистолет из бардачка.

У меня было разрешение на скрытое ношение оружия, но я редко носил пистолет с собой. На самом деле мне вообще не нравилось оружие, но с моей работой – я не имею в виду работу ночного сторожа на заводе собачьей еды – иногда эти штуки нужны.

Мы дошли до машины, взяли из бардачка оружие, старомодный револьвер, и пошли по следу капель крови.

След уходил в лес, а там мы его потеряли. Прошли немного по тропе, и я увидел место, где что-то затаскивали в кусты, которые остались примяты. Мы пошли туда и увидели лежащее на земле тело. Человек лежал лицом вниз. Мне, конечно, не следовало трогать тело, но я толкнул его носком ботинка, и оно перевернулось. У трупа оказалось лицо молодого парня с забитыми муравьями глазами и сплюснутым и окровавленным носом, так, будто человека волокли по земле лицом вниз. На груди была дырка от пули вроде бы. Я их немного видел, по пальцам пересчитать. Эта была ровнехонько на кармане рубашки. Потом я увидел еще одну, в правом боку. Видимо, первым выстрелом его ранили, он попытался сбежать, и тут тот, кто его ранил, догнал его и выстрелил снова, а потом утащил в кусты. Затем я заметил, что у парня татуировки по обеим рукам снизу доверху, и не слишком хорошие. Такие, будто пьяница пытался писать иероглифами или на санскрите. Пьяница или товарищ по камере.

– Это он, – сказала Бретт, стоя рядом со мной.

– В смысле, Роберт, приятель Тилли.

– Ага, – сказала она и принялась смотреть по сторонам. И я тоже. До некоторой степени я был готов увидеть и тело ее дочери, но его здесь не было. Мы даже вернулись в дом и прошли по всем комнатам, не касаясь ничего, кроме дверной ручки, на случай если не нашли Тилли в первый раз, спрятанную под кроватью, в шкафу, в холодильнике. Холодильника у них не было, а в шкафу и под кроватью мы ничего не нашли.

Они прислали молодого парня в висящих, не по размеру, штанах и с бляхой, сияющей, как детские мечты на Рождество. В бедренной кобуре у него был пистолет такого размера, будто он собрался на слонов охотиться. Ковбойская шляпа со слишком высокой тульей и слишком широкими полями. Будто мальчик-переросток, собравшийся поиграть в ковбоев. Он представился заместителем шерифа.

С ним прибыл и другой парень, постарше, который сидел на пассажирском месте. Молодой вышел из машины, старший – нет. Просто открыл дверь и остался сидеть внутри. Он выглядел как человек, ждущий, когда выслужится до пенсии, и не уверенный, что ему это удастся. Может, ему лет сорок, но что-то в его лице делало его старше. Пистолет у него в кобуре был поменьше. Это я четко разглядел. А свою ковбойскую шляпу он положил на колено.

Молодой парень выслушал наши показания. Выглядел заинтересованным, что-то записал в блокноте. Я сообщил ему, что у меня в перчаточном ящике оружие и что у меня есть на него разрешение, чтобы не усугублять ситуацию, если он сам его найдет. Через некоторое время старший вышел из машины и подошел к нам.

– Все записал, Олфорд?

– Да, сэр, – ответил заместитель.

Я увидел, что на бляхе у старшего написано «ШЕРИФ». Бляха была так похожа на те, что мы покупали в детстве, вместе с пистонным пистолетом, но без пистонов. Пистоны надо было покупать отдельно.

Он задал нам несколько вопросов, тех же, что задавал молодой, на случай если мы начнем путаться, как я понял. И внимательно глядел на Бретт. Не стану его винить. Она выглядела отлично, как всегда. Длинные рыжие волосы, волнами спадающие по плечам, велико-

лепное тело, поддерживаемое в порядке тренировками, и лицо, от которого Чудо-Женщине захотелось бы биться головой о стену.

– Пойдемте со мной, – сказал мне шериф.

– Я тоже, – сказала Бретт. – Я вам не божья коровка.

– Не сомневаюсь, – сказал шериф. – Олфорд, садись в машину и приведи в порядок все записи.

– Они в порядке, шериф, – сказал Олфорд.

– Все равно иди в машину.

Мы отошли достаточно далеко. Шериф, которого, как выяснилось, звали Натан Хьюз, обратился к нам снова.

– Олфорд – человек мэра. Что еще поделаешь?

– Он себе форму в «Гудвилле» купил? – спросил я.

– Не надо такого неуважения, – сказал шериф. – Он ее с веревки для белья стянул.

Мы дошли до тела.

– Я его перевернул, – сообщил я.

– Зная, что этого не следует делать, – сказал шериф Хьюз.

– Знаю. Но я должен был проверить, может, он жив.

– Когда они выглядят так, лицом вниз, лицом вверх, и так ясно, что мертвые.

– Возможно.

– Ты что-то знаешь, – сказал шериф. – Ты все подметил, ты сказал, что вас здесь двое и кто вы такие, так что я позвонил кое-куда, кое-что разузнал. Шеф из Ла-Борде, знаешь ли, сказал, что ты настоящая заноза. И обычно работаешь с черным парнем по имени Леонард.

– Ага, точняк, – согласился я. – В смысле, я действительно работаю с черным парнем по имени Леонард. Насчет занозы не знаю.

– Думаю, да, – сказал шериф. – Шеф мне кое-что рассказал.

– Болтовня, – сказал я.

Когда мы закончили осмотр тела, то вернулись к машине. Шериф сказал Олфорду взять фотокамеру и сделать снимки.

– Нет у нас настоящей команды, – сказал он. – Я, Олфорд, еще один заместитель и диспетчер. Иногда пончиками бесплатно кормят.

– Помогает поддерживать форму, – сказал я.

– Еще бы, – сказал шериф и посмотрел на Бретт. – Вы весьма хорошо держитесь, учитывая, что ваша дочь пропала, а ее парень мертв.

Он все еще с нами играет, пытается выяснить, не имеем ли мы отношения к случившемуся.

– Поверьте, я очень встревожена, – ответила Бретт.

Пришлось пару часов подождать в мотеле, пока не приехал шериф. Он сообщил, что никакой информации нет.

– Мы не нашли вашу дочь, – сказал он Бретт. – И это хорошая новость, наверное.

– Наверное, – сказала Бретт.

Шерифа здесь не было, когда она сорвалась и рыдала в голос, но, возможно, он заметил, что у нее красные глаза. Выслушав все, что он должен был ей сказать, она просто ушла в ванную и закрыла дверь.

– Слушай, скажу тебе все напрямик. То, что ты уже наверняка сам понял. Я заваливший шериф из завалившего городка, с двумя заместителями, которым впервые придется расследовать убийство. Им бы сбежавших котов с собаками искать да выяснять, кто спер крекеры из отрубной муки в начальной школе. И то за счастье. Я не могу сказать тебе, чтобы ты работал сам по себе или что сюда можно привести людей и поопытнее. Но будь я на твоём

месте, с тем, что я о тебе знаю, скажу тебе по секрету, что я и делаю сейчас, на случай если ты вдруг не въехал. Попробуй сам что-то поискать.

Я кивнул.

– Нет никаких идей, с чего начать?

– Я же сказал, я заваливший шериф, но когда-то я работал в большом городе. Приехал сюда, чтобы поменьше на трупы смотреть. Пока что так и было. Это первая смерть за пять лет, если не считать самоубийств. Погибший – Роберт Остин, и его разыскивали за какое-то дерьмо. Девочка, дочка твоей женщины, ходят слухи, что она кое-чем занималась, если понимаешь, о чем я.

– Слухи, скорее, верные, – сказал я.

– Этот парень, Роберт, торговал наркотой и торговал девушкой. В таком городке люди, пользовавшиеся ее услугами... ну, все все знают. Каждый знает, какую кучу дерьма навалит сосед, и отличит ее по запаху. Роберт, скорее всего, продавал наркоту Бастеру Смиту. Бастер управляет шоу «Госпел Опри» в Марвел-Крик.

– Я там родился.

– Тогда ты хорошо знаешь дела. Место было крутое и жесткое. Все эти дела с выпивкой и прочее. Сейчас городок известен только старинными домами, кабаков больше нет. «Госпел Опри», скажем так, хорошее прикрытие для старины Бастера. В Марвел-Крик его считают набожным бизнесменом. Для меня же, как нормального христианина, он – оскорбление самого названия.

– Все понятно.

– Ему около пятидесяти, он зачесывает волосы назад и очень клево себя ведет. Носит эти ужасные пиджаки в клетку в спортивном стиле, постоянно. Я его пару раз встречал, когда там бывал. Один раз даже сходил на «Опри». Хорошее шоу. Но про него продолжают ходить слухи, и, пусть это слухи, я склонен им верить. Он дилер, живущий простой жизнью, на первый взгляд, чистый до скрипа, но обдeldывающий грязные дела с черного хода. И хватающий все, что ему под руку попадет.

Еще есть парень по имени Кевин Криспер, он тут в «Гоу-Марте» обретается, сидит на скамейке перед дверьми. Это его точка. Он там наркотой торгует, и по слухам, хотя мы и ничего доказать не можем, он работает на Бастера. Я за ним слежу, но пока ни разу его не поймал на том, чего ему лучше бы не делать. У него есть один-два помощника. У всех у них есть приводы, но ничего и близко такого, за что их можно было бы закрыть. В смысле, я знаю, чем они занимаются, но доказать не могу. Не могу сделать того, что следует сделать. Собственно, Кевин Криспер продает наркоту мелким оптом и сидит на проценте. Основную долю имеет Бастер, поскольку он все поставляет. По крайней мере, «белого». Тилли, и я лучше скажу это прежде, чем твоя подруга выйдет, была покупателем, но ходят слухи, что она так застряла в наркоте, что уже ничего не соображала. Ушла в мертвую зону, оставшись с минимумом мозгов, только чтобы не сдохнуть, вот и все. Роберт, возможно, ее использовал через Кевина. У Тилли, как я уже сказал, мозгов осталось не больше, чем у надувной куклы, настолько она себе их загадила.

– Вы все это знали и ничего не делали? – спросил я.

– Так точно. Разве не здорово? Слушай сюда, шеф из Ла-Борда сказал, что ты умнее, чем на первый взгляд кажешься, хотя я, вроде бы, это уже говорил. Есть вещи, которые ты можешь сделать, а я – нет. Закон и все такое. Но если ты на этом попадешься, я тебе ничего не говорил, а если скажешь, что говорил, назову тебя большущим лжецом. И даже тебя арестую. Как тебе наши современные органы правопорядка?

– Как-нибудь переживу, – сказал я.

Пришлось повозиться, но я наконец-то уговорил Бретт, чтобы она позволила мне отвезти ее домой. Я позвонил Леонарду с мобильника, но он не ответил. Я отправил сообще-

ние. Доехал до делового квартала Баллока, до перекрестка, подошел к «Гоу-Марту» и нашел Кевина Криспера. Мужик лет сорока, пытающийся выглядеть на тридцать. Кевин был похож на человека, который промок до нитки, а потом полез сушиться в микроволновку, кожа – как у мумии Тутанхамона. Но мускулистые руки, такие, которые некоторые люди имеют от рождения. Длинные, жилистые, наполненные скрытой силой.

– Слышал, ты можешь мне кое-что продать, – сказал я, подходя к нему.

– Кое-что? – переспросил он. – Что именно? Я вообще похож на того, кто что-то продает? Кастрюли, сковородки. А может, перчатки и обувь?

– Мне говорили, что у тебя есть чем поразвлечься. Парень по имени Роберт сказал. Ты же Кевин, так?

– Ага, это я. А когда тебе Роберт это сказал? – спросил Кевин, подняв голову.

Я просчитал время, на случай если Кевин уже знает, когда именно Роберт сыграл в ящик.

– Еще он говорил, что тут есть девушка, которая может сделать мне одолжение. За некоторую сумму, – добавил я.

– Ты все это слышал, а?

– Слышал.

– А он не предлагал тебе, чтобы он сам о тебе позаботился?

– Сказал, что работает на тебя и что мне лучше с тобой поговорить.

– Как смешно, что он так сказал.

– Слушай, у тебя товар либо есть, либо нет. У меня есть деньги. Мне нужны определенные услуги. Я хотел бы повеселиться с девушкой и себя в порядок привести. Ты знаешь, от кого я пришел.

Он кивнул.

– Скажем так, я знаю, как добраться до этой девушки, и знаю, что тебе надо, чтобы себя в порядок привести, но неужели ты думаешь, что у меня все при себе? Думаешь, у меня дырка от этой девушки в заднем кармане лежит вместе с мешочком кокса?

– Было бы здорово, если бы так.

– Слушай, вот что я тебе скажу. Мне нравится Роберт, и коли уж он тебя прислал, у меня есть место, куда ты можешь прийти за товаром и девушкой. Мотелем мы не пользуемся. Здесь все друг друга знают.

– Так что за место?

– Ты здесь до вечера удержишься?

– Возможно.

– Если хочешь телку и заворот мозгов, то лучше тебе задержаться.

– Заворот мозгов?

– Товар, которым я торгую. Смесь. Принимаешь, у тебя встает, а в голове приход, так весело, что съедешь, лучше не бывает.

– Точно?

– Так я слышал. Ясен пень, на себе не пробую.

– Плохая реклама для продажи.

– Ну, не совсем. Девочку я пробовал, естественно, но остальное – товар, чувак. Если примешься за товар, которым торгуешь, особенно когда его хватает, очень быстро на косяке повиснешь.

Он назвал мне адрес и назначил время. Я его поблагодарил, постаравшись изобразить возбуждение и предвкушение. Отъехал в сторону, к кафе, и снова позвонил Леонарду, оставив машину на стоянке. Мне казалось, что дело в Мичигане уже должно было закончиться и он уже должен был бы ехать по Техасу, но было похоже, что дело затянулось. Снова то же самое. Ответа нет. Я отправил ему подробное сообщение, даже рассказал, где и в какое время

я должен встретиться с дилером. Объяснил все, что Кевин объяснил мне. Пошел в кафе и выпил кофе с сэндвичем. Решил, что, возможно, лучше подкрепиться. Купил ланч с собой и рукоятку для топора в продуктовом магазине, отнес в машину и поехал туда, где должен был встретиться с Кевином. Только на четыре часа раньше.

Еще пару раз пытался дозвониться Леонарду, снова отправил ему сообщения с той же информацией, но, чем бы он там ни был занят, телефон он не включал. Место встречи Кевин назначил не в чаще леса, но за городом, вполне понятно, учитывая, какие услуги он предоставляет. Поскольку я не думал, что Тилли, вероятно, единственная девушка, имеющаяся у него, так сказать, в доступе, реально была в доступе, а Роберт мертв, как две буровые машины, а также подозревал, что Кевин об этом прекрасно осведомлен, то решил, что вряд ли следует рассчитывать на его гостеприимство и то, что он приведет Тилли прямо ко мне. Мы с Бретт и Леонардом однажды уже ее спасали пару лет назад из схожей ситуации, в которую она ввязалась по глупости, отчасти мне даже хотелось оставить ее как есть. Конечно, я так не мог поступить с дочерью Бретт, и это было главным. Но мои чувства тоже были немаленькими. Я ощущал себя одним из тех парней, которые станут переводить через дорогу бешеную собаку, решив, что она потерялась.

Задумался насчет того, не потеряюсь ли сам. Решил немного отклониться от маршрута, съехав на небольшую дорогу, почти что охотничью тропу. Проехал по ней, а потом еще немного по пешей тропе. Припарковал машину в надежде, что ее здесь никто не обнаружит и не решит сломать зажигание и на ней уехать или просто попортить. Достал револьвер из перчаточного ящика и заткнул за пояс сзади, а сверху прикрыл рубашкой навывпуск. Потом взял еду, которую купил в кафе заранее, гамбургер, картошку фри и «Диет-Колу» в банке, в другую руку взял рукоятку для топора, развернув к плечу сзади, чтобы ее было не очень заметно, и пошел на назначенное место встречи.

Увидев дом, явно готовый развалиться и расположившийся среди деревьев, понял, что подозрения были правильны. Любой, кто решил бы, прийдя сюда, что здесь он позабавится с девкой и закинет наркотой, был бы просто тупицей. Я не решил ни того, ни другого, но тупицей я был уже потому, что вообще здесь очутился. Подойдя к двери, я дернул её. Закрыта. Я обошел дом. Тоже закрытая дверь, но достаточно тонкая. Решил оставить ее в качестве аварийного выхода, можно будет просто ногой вышибить. Можно вышибить и сейчас и ждать его внутри, но если он сам решит войти через заднюю дверь, то это уже будет мой прокол.

Я отошел в лес влево от дома, нашел упавшее дерево и сел на него. Съел ужин, так сказать, с учетом, что он был безвкусным, как трава, и подходил только человеку с железным желудком. Сначала съел картошку фри, такую жирную, что от нее садовая статуя бы обгадилась. Потом бургер с «Диет-Колой». Мясо выглядело подозрительно, но я уже достаточно проголодался. Я всегда испытываю голод, когда думаю, что мне предстоит кого-то убить или самому быть убитым.

Начало темнеть, прилетели москиты, противно звеня. Пара даже меня укусила. Интересно, подумал я, не переносят ли они нильскую лихорадку или что похуже. Прихлопнул их. Заметил ползущего по штанине клеща, явно намеревающегося укусить меня за яйца, и возгордился тем фактом, что спас эту важную часть.

Через некоторое время я увидел, как подъехал Кевин. Припарковав машину, он вошел в дом. Загорелся свет. Тилли с ним не было. Вряд ли у него вообще что-то с собой было. Тоже приехал раньше. Я решил, что подожду еще пару минут, а затем внезапно нападу на него. Поглядел на часы. Выждал, чтобы он успел почувствовать себя в безопасности. На случай, если у него есть пистолет, а он у него наверняка есть, лучше использовать фактор внезапности. Конечно, у меня он тоже есть, но если дело дойдет до стрельбы, всякое может случиться.

Я задумался об этом, затем о другом, а потом ощутил что-то холодное у затылка. Поскольку на дворе была середина лета, стемнело совсем недавно, вряд ли это был прохладный ветерок.

Это оказался ствол пистолета.

Даже сказать не могу, каким уродом я себя почувствовал. Сижу здесь, собираюсь к нему подкрасться, а они сами ко мне подкрались. Медленно обернулся назад. Там стоял невысокий толстый мужчина с лицом, похожим на использованную мишень, так много на нем было оспин. Он улыбался мне, обнажив зубы, за работу с которыми дантист взял бы штук пятнадцать баксов.

– Сам понимаешь, я могу тебя пристрелить, – сказал он.

– Угу.

– Но мы лучше просто пойдем туда и встретимся с Кевином. Вставай-ка.

Я встал, оставив на бревне рукоятку от топора. Мужчина обыскал меня, нашел револьвер и убрал его в карман широких штанов. Потом подобрал рукоятку от топора и коснулся моего плеча.

– Иди к дому, – сказал он.

Старею, подумал я. Раньше я был бы готов к такому. Или, по крайней мере, так думал. Думал, что поступил ловко, приехав раньше, но они меня выследили. Луноликий мужик с кратерами оспин на лице поджидал меня в лесу, а Кевин вышел напоказ, в качестве приманки.

– За лесом дорога есть, болван, – сказал Луноликий. – Я прошел по ней, а потом через лес. Спрятался и ждал. Думал, что придется выслеживать тебя всерьез, но ты выбрал место совсем рядом. Все было просто, чувак. Кевин сказал, что ты считаешь себя ловким парнем, но на самом деле ты не слишком ловкий, так ведь?

– Вынужден согласиться, – ответил я.

В доме нас ждал Кевин.

– Ни сока, ни закусок, а? – сказал он. – Конечно, ведь ты не за этим пришел, так ведь? Ты мне с самого начала не понравился.

– У тебя в доме зеркал нету?

Луноликий двинул мне рукояткой топора по ногам сзади, и я упал на колени.

– Я заподозрил, что у тебя иная причина со мной встретиться. Заподозрил, что ты ищешь Тилли или Роберта. Должен сказать тебе, думаю, что ты знаешь, что Роберт мертв.

– Попал, – ответил я. – Я знаю, что он мертв. А что с Тилли?

– С ней все в порядке, но это ненадолго, – ответил Кевин. – Мистер Смит предпочитает выжать из товара все прежде, чем его выкинуть. Он держит ее то на одном, то на другом, так, чтобы продавать ее, пока еще есть, что продавать, сам понимаешь. А потом у нее будет передоз, что сочтут случайностью. Когда найдут ее где-нибудь в яме, с растущими из задницы поганками.

– С Робертом все не выглядело случайностью.

– От него проблем больше оказалось. Все вышло из-под контроля. Сам понимаешь, он подсел, вместе со шлюхой. Нам не нравятся дилеры, которые подсаживаются, если мы сами их посадить не собираемся.

Они оба рассмеялись. Судя по всему, они многое не договаривали.

– Сажай его на стул, – сказал Кевин.

Они были готовы к встрече. Стул уже стоял посреди комнаты. Меня было хорошо видно в окно, когда Кевин время от времени выходил наружу. Похоже, он солгал, когда сказал, что у него с собой товара нет. Судя по тому, как он нервно дергался, товар при нем был. После того как они усадили меня на стул, Кевин взял пистолет Луноликого и приставил к моей голове, а Луноликий привязал к стулу мои руки и ноги.

– А теперь тебе придется рассказать, зачем ты здесь, – сказал Кевин, когда меня связали окончательно.

– Поди трахни осла в зад на бегу.

– О, как некрасиво, – сказал Кевин. – Джубиль, поддержи пушку.

Джубиль, Луноликий, взял пистолет. Кевин схватил рукоятку от топора, ту, что принес я. И я понял, что пожалею об этом. Он со всей силы ударил мне по голени. Боль пронзила меня от ног по спине и до самой головы. Мгновение я думал, что меня стошнит и я вырублюсь.

– Больно, должно быть, – сказал Кевин.

– Сам знаешь, – ответил я. Не особенно круто, но хоть что-то, пусть и прозвучало, будто голос карлика из-под подушки.

Кевин отошел и положил рукоятку топора у двери. Сунул руку в карман и достал длинный складной нож. Раскрыл.

– Мне этот дом бабушка оставила. Не слишком много, но иногда я сюда по делам прихожу. И чувствую себя несколько сентиментально, даже если все идет по-плохому. Как сейчас. Я не очень-то хочу проливать здесь кровь, но сделаю это, если понадобится. Так что, ради себя и меня, лучше говори.

– Я заговорю, и ты меня так просто отпустишь?

– Конечно.

– Чушь.

– О'кей, ты прав. Я собираюсь тебя убить. Но я могу сделать это быстро, просто перерезав горло. Подумать противно, но быстро кончится. Истечь кровью хорошо. В Роберта два раза пришлось стрелять. Не так хорошо. До второй пули ему было очень больно. А здесь и с этим ножом я могу сделать твои последние мгновения очень долгими.

– Значит, у меня выбор. Я говорю, и ты режешь мне глотку, я не говорю, и ты меня режешь, пока я не заговорю?

– Как-то так.

И тут я увидел в окне голову Леонарда. Понял, что надо тянуть время.

– Так что ты хочешь узнать? Может, я что-то и знаю, если это не касается математики.

– О'кей. Для начала, кто ты такой, на хрен?

– Я переписчик.

– Это обойдется тебе в порез, – сказал Кевин. – Для начала ухо отрежу.

– Прежде чем сделаешь это, выслушай еще кое-что, правда, – сказал я.

– И что бы это могло быть?

– Ад грядет.

В этот момент дверь вылетела от удара ноги Леонарда. Он подобрал рукоять топора быстрее, чем сказать «Боже, это рукоять топора?».

– Ша, педики, ниггер пришел, – сказал Леонард, быстро шагая вперед.

Мгновенно пройдя вперед, он ударил Луноликому рукояткой по зубам, с левой руки. Луноликий упал на пол, выронив пистолет, который полетел в сторону.

Свет блеснул на бритой черной голове Леонарда, сверкал в его глазах, сверкал на новенькой лакированной рукоятке. Пронзив воздух, будто горячий нож масло, рукоять попала в Кевина. Раздался звук, словно ударили ремнем по кожаному дивану, в разные стороны полетели зубы и капли крови. Теперь уж точно дом бабушки Кевина замаран кровью. Брызги попали на окно и стену, зубы со стуком упали на пол.

Кевин упал ничком, выронив нож. Попытался ползти к нему, но Леонард с силой наступил ему на пальцы и снова опустил рукоять топора. На этот раз звук был такой, будто кто-то отрубил голову индейке мясницким ножом.

Кевин уже не шевелился, но Леонард еще раз ударил его, на всякий случай. Потом подошел к Луноликому, который пытался встать, и двинул ему ногой в зубы. Луноликому и так требовались услуги стоматолога, но теперь они обойдутся ему куда дороже.

Когда Кевин очнулся, он был привязан к стулу вместо меня. Леонард стоял рядом, опираясь на рукоятку от топора. Я сидел на полу перед ним. Луноликий все еще валялся на полу. Если он не был мертв или в коме, то, наверное, погрузился куда-то в глубины своего сознания.

– Как дела? – спросил я.

– Пошел на хрен, – ответил Кевин, но очень неразборчиво. И плююсь кровью.

– Если будешь уходить отсюда, а такое возможно, не забудь собрать свои зубы, – сказал я. – Только не перепутай с теми самоцветами, что раньше были во рту Джубилия. Можешь положить в стакан с водой и заморозить. Говорят, сейчас просто чудеса творят с выбитыми зубами.

– Кто ты? – спросил он.

– Меня зовут Хэп, а это мой брат, Леонард. Но вы уже знакомы.

– Рад, что ты представился, на хрен.

Я встал и повернулся к Леонарду.

– И не думал, что ты придешь.

– Я уже домой ехал, когда ты позвонил. Выехал два дня назад, но попал в зону, где мобильный не берет. В низинах. Немного поздновато твое сообщение получил.

– Хорошо, что не слишком.

Я снова повернулся к Кевину.

– Кевин, нам надо поговорить, и мне нужны кое-какие ответы. Если они мне понравятся, я тебе даже горло не перережу.

Они рассказали нам, что Тилли забрал парень, руководящий «Госпел Опри», Бастер Смит, и что Кевин с Луноликим помогали ему забрать ее. Она в старом здании кинотеатра. Здание театра мне было хорошо знакомо, поскольку я родом из Марвел-Крика, и много раз ходил туда в кино, пока рос. Там была сцена и киноэкран, проводили шоу для детей, приглашая клоунов, жонглеров и прочих затейников. Представления обычно были ужасны, и я всегда радовался, когда все уходило со сцены и в зале гасили свет, оставляя меня наедине с тараканами и фильмом.

Леонард не хотел оставлять им машину, но решил ее не портить. Испортить он хотел только их самих. Мне такое не особо нравилось, но что поделать? Они первые начали.

Леонард положил их в багажник своей машины, а я поехал за ним следом, когда он меня довез до нее. Мы привезли их к реке. Леонард выпустил их из багажника. Они кое-как выбрались. Леонард хорошо обработал их рукоятку топора еще до этого.

– Я собираюсь переломать вам ноги, обоим. По одной каждому, – сказал он.

– В этом нет нужды, Леонард, – сказал я.

– Знаю. Но очень хочется.

– погоди, выслушай своего друга, – начал Кевин. – Мы просто работали на этого подонка. Мы теперь не в деле. И надеемся, что вы заберете вашу девчонку.

– О да, мы ее заберем, если там будет, что забирать, – сказал Леонард. – Но вот еще что. Вы собирались убить моего друга. Если бы я не появился, убили бы. Так какую ногу?

Кевин и Луноликий поглядели на меня.

– Он от своего не отступит, – сказал я. – А вы действительно собирались меня убить.

– Но мы тут умрем, если нам ноги сломать, – сказал Луноликий.

– Нехрена трагедию разыгрывать, – сказал Леонард. – Ползти сможете, может, палки найдете, чтобы на них опираться. На самом деле это уже не наша проблема. – Так какую ногу? – снова спросил он. – Или я сам выберу.

– Левую, – сказал Кевин. Луноликий промолчал. – Но...

Прежде чем Кевин успел что-то сказать, Леонард взмахнул рукояткой топора. Она просвистела в воздухе и врезалась в колено, сбоку, в самое слабое место. Раздался звук, будто сломали коробку с бильярдными шарами. Кевин с криком упал и схватился за колено.

– Одну, – сказал Леонард.

Луноликий попытался бежать. Я был в долгу перед Леонардом, так что побежал следом. Догнал Луноликого, схватил за плечо, развернул к себе и врезал ему по морде с правой. Луноликий упал. Прежде чем он успел подняться, рядом уже оказался Леонард с рукояткой топора в руке. Вроде бы он сделал целых три удара, чтобы добиться своего, не помню. Я отвернулся. Но вроде бы это была правая нога.

Мы оставили машину Леонарда на стоянке у церкви, и это показалось нам иронией судьбы. А потом поехали в Марвел-Крик на моей.

– Что, если эти парни выберутся из леса и позвонят? Предупредят Бастера?

– До их машины не одна миля, – ответил Леонард. – До Ноу Энтерпрайз. У них по одной ноге сломано. Кроме того, это ты не хотел, чтобы я их убил. По мне, лучше бы им лежать в Сабине, чтобы их рыбы ели.

– Экий ты хладнокровный, брат.

– Совершенно.

Мы думали, что придется поискать, где выступает «Госпел Опри», но, проезжая, увидели народ, собравшийся на представление. Большую толпу.

– Только внутрь запускают, – сказал Леонард. – Сколько времени? Девять? Или десять? Никогда не думал, что Иисус так допоздна зависал.

– Точно. Он обычно рано ложился и рано вставал.

Достав револьвер, я убрал его под рубашку сзади. Рукоятку топора и все, что с ней было связано, мы оставили на заднем сиденье. Подойдя ближе, мы увидели, что толпа растет.

– Что тут такое? – спросил я пожилого мужчину с тросточкой.

– «Госпел Опри», как обычно. Сегодня шоу молодых дарований. Неужто не знаете?

– Нет, не знаем, – ответил я.

– Веселее, чем цирк с обезьянами. Поют, танцуют, разыгрывают комедии. Отличное развлечение.

– Тебя впустят, сынок, – добавил он, поглядев на Леонарда. – Хотя я помню времена, когда не впустили бы.

– Боже, как времена меняются, – ответил Леонард.

Оглядевшись, я увидел, как люди по очереди заходят через другую дверь, боковую.

– А это кто? – спросил я старика.

– Дарования. Записываются на выступление.

– Тогда пошли, Хэп, – сказал Леонард.

И мы встали в очередь вместе с дарованиями.

– Веселее, чем цирк с обезьянами, – сказал я. – И таких, как ты, пускают, Леонард.

– Ну, сэр, точняк, что этим заправляют белые голодранцы. Точняк.

Внутри сидел за столом невысокий мужчина. Сделав скучающее выражение лица, он спросил наши имена, и мы их назвали, без фамилий. Леонард сказал, что мы исполним песню.

Конечно же, мужик не нашел нас в списке.

– Мы в программе, – сказал я. – Звонили заранее, и все такое. В Овертоне нас считают уникальными.

– Овертон такого размера, что его переплюнуть можно, – сказал мужчина.

– Угу, но мы здесь, и мы не маленькие.

Он ненадолго задумался.

– Вот что. Есть двое парней, которые играют на волынках и которые отменили выступление. В прачечной килты потеряли или что-то вроде. Я отдам вам их место. Вы не регистрировались, но так сойдет. Так будете петь?

– Аки птички долбаные, – сказал Леонард.

Мужик поглядел на него и медленно улыбнулся. Вряд ли Иисус всегда пребывал в доме сем. Он махнул нам рукой, и мы пошли дальше.

– Певцы? – переспросил я.

– Уникумы, – ответил Леонард.

Все сработало, и нас отвели за кулисы. Там уже вовсю готовились. Старый мужчина в чем-то вроде сержантской формы, толстый и лысый, дышащий так, будто ему не хватало кислородной подушки, держал куклу для чревоуговения, одетую рядовым, в пилотке, и все такое. Скажу я вам, терпеть я не могу чревоуговителей. Когда я был ребенком, как-то вечером увидел старый фильм «Глубокой ночью», из нескольких новелл. Одна из них была про чревоуговителя, чья кукла отняла у него жизнь. Перепугался до чертиков. Потом нервничал, только увидев кусок дерева, вырезанный для куклы. А эта кукла выглядела так, будто над ней поработали крысы и человек с ножом для колки льда.

– И давно этим занимаетесь? – спросил я.

Он со свистом вдохнул, прежде чем ответить.

– Я зарабатывал этим нормальные деньги. А сейчас никуда не берут, только на эти шоу дарований и детские праздники. Не так все хорошо, как прежде. У них теперь этот клятый Интернет есть. Ох, парни, вы же на меня не наябедничаєте, а? Они же хотят, чтобы мы слова лишнего не сказали.

– Ни хрена не скажем, – ответил Леонард.

Старик рассмеялся.

– У вас ничего выпить не найдется, а?

Мы сознались, что нет.

– Ну и ладно. Просто спросил.

Он немного потрянул куклу, поднялась пыль.

– Рядовой Джонсон пообносился. Жена раз ножом его ткнула, а еще меня им по голове молотила. Повреждения были и у меня, и у него. Сознание потерял, старый пердун, а очнулся в памперсе.

Усмехнувшись собственной шутке, он продолжил:

– Денег не было, чтобы его починить. Приходится по ходу представления делать вид, что закрытый глаз – то, что было задумано. Это добавляет изюминку.

– Еще бы, – сказал я. – Вы их сразу же наповал.

Оставалось надеяться, что он не сразит наповал себя. У него было красное лицо, он тяжело дышал и выглядел так, будто у него в любой момент может случиться инсульт. Может, насчет старого пердуна и обморока он и не шутил.

Мы все стояли, выстроившись в ряд и глядя в сторону сцены. Там выступали танцоры. Группа играла и пела, словно хор умирающих коров, а танцоры плясали так, будто у них были деревянные ноги. Потом выступал молодой горбоносый парень, игравший на скрипке так скверно, как будто он бревно пилил. От такого визга даже зад сморщится.

– Сестры конкурс выигрывают, – сказал старик. – Я их еще не видел, но они скоро покажутся. Сучки с дырками сушеными. Каждую неделю выходят и выигрывают пять сотен долларов. Гимны клятые. Заставляют народ вспомнить об Иисусе, и все считают себя обязанными за них голосовать. Блин, мне пора.

Старик заковылял на сцену в обнимку с жуткой куклой, подобрав по пути табурет. Его выступление было таким ужасным, что мне хотелось повеситься на веревке от занавеса,

но все-таки я восхитился стариканом. Не сдается. Свистит, хрипит, но старается владеть голосом. К концу выступления кукла выглядела здоровее его самого.

Он вернулся, с табуреткой и куклой. Сел на табурет.

– Попытался взять высокую ноту, когда рядовой должен был запеть «Буги-вуги Багл Бой», и чуть не обгадился. Такое ощущение, что ребра сместились.

– Вы хорошо выступили, – сказал я.

– Хорошо я выступал полсотни лет назад, весенним утром, перед этим всласть потрахавшись. Вот тогда я хорошо выступал. По крайней мере, так мне приятнее об этом вспоминать. Может, это было и днем посреди лета, и я с телкой в лесу трахался.

– Просто присядьте и отдохните, – сказал я.

– Уж ты прав, – ответил он. – Точно ничего выпить нет?

– Точно.

На сцену вышла другая танцевальная группа, следом за ними должен был выступать парень, который жонглировал кеглями из боулинга. Мы с Леонардом принялись оглядываться. Место не выглядело так, будто здесь могли бы держать проституток. По крайней мере, если их не использовали забесплатно, пока не затрахают окончательно. Оно не выглядело как место, где кто-то продает наркотики. Просто было похоже на место, где проводят скверные шоу. Конечно, хорошее прикрытие, но я засомневался.

Я заметил, что тех, кто закончил выступление, уводят одной и той же дорогой и что по обе стороны входа на темную лестницу стоят крепкие парни. На церковных дьяконов они не походили, но я решил так их для себя называть. Оставив Леонарда, я подошел к ним и заглянул дальше.

– А что там такое? – спросил я.

– Частная собственность, сэр, – сказал один из них, выходя вперед.

Я вернулся к Леонарду.

– Там наверху целый этаж еще, – сказал я.

– С другой стороны от сцены тоже лестница, – ответил он. – Даже отсюда видно. И тоже быки на охране.

Я поглядел. Точно. Еще двое парней. Если те двое, что поближе, уж точно не дьяконы, то те даже не из хора. Почему-то я сомневался, что наверху хранились книги с гимнами.

– Бастер с черной братвой не водится, – сказал Леонард, – одни белые громилы.

– Не так уж давно такие, как он, вообще твоих братьев не впускали и, возможно, призывали к этому.

– На самом деле не так, – сказал Леонард. – Они сюда входили, и ты это знаешь.

– Ага, в качестве уборщиков, – ответил я. – А еще по лестнице сзади, и сидели только там, на балконе.

– Деньги ниггеров ничем не хуже других, – сказал Леонард. – Знаю. Как-то раз сидел там на балконе и плюнул на голову белому парню.

– Не делал ты такого, – сказал я.

– Нет, но помечтать-то можно.

Мы шепотом обсудили план представления, и вдруг объявился коротышка, который нас регистрировал.

– «Сладкие Девушки» заболели, – сказал он.

– Кто? – переспросил я.

– Певицы, что госпелы поют, я же говорил, – сказал старый чревовещатель, подходя к нам. – Памперсы для взрослых скомкались, вот и выйти не могут. Или услышали, что выйдет петь молодая девушка, и решили слить. Знаю, они здесь. Я их видел, этих самодовольных задниц.

– Хватит уже, – сказал коротышка.

– Простите, – сказал чревовещатель и заковылял обратно к табурету.

Я думал о других вещах и не заметил молодой девушки, на самом деле. Но вроде бы вспомнил, что она исполняет песню Пэтси Клайн, и неплохо.

– «Сладкие Сестры» сказали, что заболели, – повторил коротышка.

– Обе сразу? – спросил Леонард.

– Это случилось с ними внезапно, так что вы двое следующие.

– Ого, – сказал я.

Леонард схватил меня за локоть.

– Ладно тебе, я еще помню «Старый обветренный крест».

– Издеваешься? Мы действительно выйдем на сцену?

– Я пою в душе, – ответил Леонард. – Все сделаю, как надо.

– Вот черт.

Ну, мы вышли, и я тоже вспомнил старую песню. Я атеист, но хорошие госпелы мне нравятся, время от времени. Своего оркестра у нас не было, но местный знал мелодию, типа того, хотя я не помню, чтобы в ней было соло на тубе. И мы начали. Леонард пел хорошо, на самом деле очень даже. Я, типа, подпевал, когда он подымал руку, давая мне знак, но потом забыл слова и начал петь всякую ерунду.

– Уволен, – сказала мне старая леди в первом ряду, в кресле-каталке.

Леонард допевал, а я прищелкивал пальцами, пытаюсь выглядеть круто. Будь у меня темные очки, я бы их скинул.

Когда мы более-менее закончили, все явно были счастливы, что мы уходим со сцены. Кто-то даже кинул в меня смятым бумажным стаканчиком, но промахнулся, обормот.

Мы вышли со сцены.

– Проклятье, Хэп, ты все запорол, – сказал Леонард. – Мы могли выиграть деньги. Вернее, я мог.

– Я не смог петь дуэтом, поскольку до сих пор мы ни разу не пели вместе. Да и вообще выходить на сцену не собирался.

– А я вот всегда хотел.

– Ты пел отлично, только не думай, что это станет твоей второй работой, – сказал я.

– Что до тебя, так тебе нечего и думать о такой. Ладно, посмотрим, сможем ли найти Тилли.

– Если она жива.

– Она жива, и они за все это заплатят. А если она мертва, то заплатят с процентами.

Тилли мне не особенно нравилась, но мне нравилась Бретт. А Бретт называла Тилли согнутой веточкой. «Хэп, она согнутая веточка. Согнутая, но не сломавшаяся, – говорила она. – Она может выдержать бурю и остаться целой».

Но до сих пор она была посреди бури, как я понимал, и если информация правильна, то она этого не заслужила. Это даже хуже того, что следовало бы делать с политиками.

Мы двинулись к лестнице с той стороны, где вышли со сцены, рядом с мальчиками из хора. Стоящий рядом мужчина показал в сторону выхода. Упитанный парень в лиловом костюме из синтетики, достойном музея.

– Плохо было, парни, – сказал он. – Реально плохо.

Не обращая на него внимания, мы пошли к лестнице.

– Не сюда, – сказал он, хватая меня за рукав. Я потряхнул его руку и пошел дальше. Похоже, почти никто из присутствующих понятия не имел, что творится наверху, понятия не имел, что человек, заведующий «Евангельской Оперой», столь же преподобен, как лезвие тесака.

– Эти парни шутить не станут, – сказал тот, что хватал меня за рукав. Он имел в виду двоих парней у лестницы. Они шагнули вперед, один ко мне, второй – к Леонарду.

– Вы сюда не пойдете, – сказал мальчик-хорист, оказавшийся передо мной.

Я треснул ему по яйцам, он слегка согнулся, и я тут же отвесил ему хук правой. Ударившись о стену, он ринулся на меня, взбешенный. Я снова ударил его, прямым правым в челюсть. Упав на колени, он попытался выхватить из-под пиджака пистолет. Я достал свой и ударил им ему по голове. Он упал на четвереньки, и я снова его ударил. У него подогнулись локти, будто он не смог отжаться от пола, и растянулся на полу. Только в этот момент я почувствовал, что моя нога очень болит там, куда ударил рукояткой топора Кевин. Я хотел пнуть противника ногой, но передумал.

Глянул на Леонарда. Его противник уже лежал без сознания у лестницы. Думаю, он уложил его одним хорошим ударом кулака. Перевернув своего, я забрал у него пистолет, и у меня оказалось по пистолету в каждой руке. Я пошел к лестнице следом за Леонардом и тут услышал со стороны сцены смех. Видимо, хоть у кого-то что-то получилось. Может, удачная шутка.

Когда я поднялся по лестнице, Леонард уже забрал у своего противника пистолет и взвел курок. Я обернулся, глядя, заметили ли дьяконы, что мы затеяли. Если нет, то скоро поймут. Тот, что меня за рукав хватал, им скажет. Он, может, и не знает, что там происходит, но он четко знает, на кого он работает.

Конечно, если мы ошиблись и наверху просто зал для игры в бинго, нам многое придется объяснять. Хотя нам и так многое придется объяснять.

Дьяконы очнулись. Они пробежали по сцене между танцорами, мужчиной и женщиной в костюме лошади. Мужчина был сзади, там, где задница. Я это увидел, поскольку немного спустился, когда услышал топот ног. Певчие врезались в лошадь, свалив ее, мужчина и женщина выпали из костюма, сказав нечто, что не ожидаешь услышать на «Госпел Опри». Думаю, Господь сделал большую черную отметку в книгах их жизней.

Дьяконы не достали оружие и буквально налетели на меня, так быстро они бежали. Увидев револьвер и пистолет, который я забрал у одного из мальчиков-хористов, они стали как вкопанные. Будто заледенели.

– Вы действительно сдохнуть хотите? – спросил я.

Один мотнул головой и побежал обратно по сцене, мимо лошади, которая снова стала единым целым. Где-то играли труба и пианино. Лошадь танцевала, время от времени проклятая труба выдавала отдельные ноты. Чтоб ему сквозь землю провалиться, парню с этой тубой.

Другой дьякон, тот, что не побежал, поднял руки.

– Тебе придется, по крайней мере, забрать у меня пистолет, чтобы я мог сказать, что был без оружия.

– Пойдет, – сказал я. – Доставай его медленно.

Он сделал это, присел, положил пистолет на пол и отошел назад.

– Не хочу проблем, – сказал он.

– Это здорово, поскольку настроение у меня хреновое, – ответил я.

Он попятился и пошел по сцене быстрым шагом. Пара в костюме лошади только что закончила выступление. Женщина сняла лошадиную голову и бросила зрителям. Хорошо бы, она попала в ту старую леди в кресле-каталке, подумал я, которая сказала, что я уволен.

Подобрав пистолет, небольшой, калибра девять миллиметров, я снова пошел вверх по лестнице. Леонард меня ждал.

– В туалет ходил? – спросил он.

– Разоружал одного джентльмена, – ответил я.

Леонард показал на дверь своим пистолетом.

– Дверь одна. Посмотрим, что за ней? Девушка или тигр?

– Думаю, там могут быть оба, – сказал я.

Мы быстро прошли по коридору, и Леонард пнул дверь ногой. Дверь распахнулась внутрь и повисла на одной петле, а потом упала. Туалет. Пустой.

– Они сортир охраняли? – сказал Леонард. – Неужели?

Возможно, здесь был проход дальше, но мы его сразу не заметили, а искать было немного некогда. Заткнув пистолеты за пояс и прикрыв рубашками, мы спустились по лестнице и прошли за кулисами. Народ с «Евангельской Оперы» ничего не понял и не испугался. Представление продолжалось, как бы то ни было. Сейчас было нечто вроде комедии. Когда мы подошли к другой лестнице, то миновали мужчину и женщину, выступавших в костюме лошади. Они злобно на нас посмотрели.

– Вы этот беспорядок устроили? – спросила женщина.

– Нет, мэм, – ответил я, не останавливаясь. Мы пошли на лестницу, ту, что охраняли дьяконы. Подымаясь, достали пистолеты. Увидели коридор и две двери.

– Ты в одну, я в другую, – сказал Леонард.

Выбрав двери, мы кивнули друг другу и вышибли их ударами ног. Моя сразу слетела с петель, судя по всему, очень старая. Входя внутрь, я слышал, как Леонард продолжает пинать свою.

В комнате стояла кровать и небольшая лампа, справа, а еще стоящие в ряд четыре кресла. Чтоб мне сдохнуть, если я вру, но в этих креслах сидели четверо мужчин. Тот, что ближе ко мне, читал газету. Будто у брадобрея в ожидании своей очереди. Тилли лежала на кровати, поверх нее лежал голый мужчина, и его задница прыгала, словно баскетбольный мяч. Тилли, по сути, здесь не было, она была где-то еще. Глаза у нее были открыты, но с тем же шансом они могли быть и закрыты. Она была худая, как скелет. Похоже, ее некоторое время не кормили ничем, кроме того, что давали через иглу. Сейчас она выглядела как Бретт, прошедшая через концлагерь, и это взбесило меня еще сильнее.

Четверо мужчин встали. Они были одеты, только один разулся, поставив ботинки под кресло. А другой был в форме полицейского и уже положил руку на рукоять пистолета. Судя по всему, слегка отлучился со службы, чтобы немного потрахаться и дунуть.

В этот момент в дверь ворвался Леонард. Коп выхватил пистолет, и я тут же выстрелил в него. Пуля попала в руку, он упал на пол и стал кататься, будто Кудрявый из «Трех Idiотов».

– Не стреляйте в меня, только не стреляйте! – вопил он.

Кровь забрызгала все вокруг.

Трое других кинулись было бежать, но Леонард обматерил их с ног до головы, и они сели, будто снова ожидая очереди. Будь прокляты их матери.

– Где этот козел? Бастер? – спросил я.

Никто ничего не сказал.

– Он задал вам вопрос, – сказал Леонард. – Можете молчать, но мы вам пальцы на ногах отстрелим. А потом и члены.

К этому времени мужчина на кровати слез с Тилли и стоял рядом, прикрыв пах рукой.

– Будь у меня такая индюшачья шейка, как у тебя, я бы ее тоже прятал. Но я специалист по хренам, и этот особенно уродлив.

– А он разбирается в хренах, – сказал я.

Мужик в полицейской форме перестал кататься по полу и спрятал голову под кресло.

– Я ранен, я ранен, – твердил он.

– Без дураков, – добавил я.

Подойдя к кровати, я услышал, как тяжело дышит Тилли. Снял с края кровати одеяло и укрыл ее. Поглядел на голого мужика, прикрывающего пах, и окончательно взбесился. Не знаю, что на меня нашло, но я просто не мог смириться с тем, что такие люди

живут на этом свете, такие, которые в состоянии сидеть в креслах и ждать очереди покрыть девочку, накачанную наркотой. Я ударил голому мужику ногой по яйцам, потом пистолетом по голове, а потом принялся за трех остальных, перед этим пнув ногой полицейского и отбросив подальше под кровать его пистолет.

Я бил этих троих пистолетами, с обеих рук. Так быстро, что, наверное, в этот момент походил на многорукого Шиву. Они пытались бежать от меня, но Леонард пинками возвращал их обратно, а я просто не останавливался. Я понимал, что неправ. Понимал, что веду себя дико. Чувствовал себя ужасно, но в то же время чувствовал себя правым.

Очень скоро все они умылись кровью. Двое упали на пол. Еще один свалился в кресло. Голый лежал на полу и не шевелился, на боку, залив пол перед собой рвотой, и в воздухе повис кислый запах.

– О'кей, – сказал Леонард. Подошел к тому, что был без обуви, и приставил ему к носу пистолет. Тому, кто упал в кресло. – Где Бастер?

Ответа не потребовалось. Распахнулась дверь, и вбежали двое, один с ружьем в руках. Он принялся палить, но мы не стояли на месте. Я упал на пол за кровать, а Леонард прыгнул через проем двери, которую вышиб до этого, и приземлился в коридоре. Через щель под кроватью я увидел ноги противника и быстро выстрелил три раза. Явно попал, поскольку он вскрикнул и упал. Я снова выстрелил, прямо ему в темя, и его голова раскололась, словно большой орех. У второго был пистолет, и он тоже стрелял не переставая, но пока что ему удалось лишь убить босого мужика в кресле позади меня и сделать несколько дырок в стене.

Из-под кровати я увидел ноги Леонарда. Тот вбежал через другой проем, той двери, которую я вышиб, и набросился на ублюдка. Я вскочил на ноги и побежал вокруг кровати, едва не споткнувшись о полицейского, который, пока я за ним не следил, пополз к дверному проему.

– Стоять, – скомандовал я ему, будто собаке.

Он перестал ползти.

Когда я дошел до Леонарда, он уже свалил противника. Тот как-то ухитрился выстрелить себе в ногу. Я пнул его по голове, давая понять, что вступил в игру, а затем Леонард протянул руку и вырвал у него пистолет. Судя по меткости, этому парню нельзя было давать в руки оружие. Когда-нибудь он себе и в голову попадет.

– Задержался, – сказал я Леонарду.

– Точно, но я иду, только если много стрельбы слышу. И всех кладу.

Выйдя наружу через проем, в который вбежали первые двое, я услышал вопли внизу, в зале. От стрельбы все всполошились, наверное, это было самое впечатляющее шоу за весь вечер.

Когда я поднялся в комнату наверху, то увидел, что старый вид здания был маскировкой. Там было достаточно современной мебели, в том числе большой диван. Он был немного сдвинут от стены, и я увидел торчащие из-под него ноги. Подошел, положил пистолеты на кофейный столик и схватил лежащего за лодыжки. Вытащил наружу. Мужик пытался сопротивляться, цепляясь за пол, но лишь скреб ногтями. Рослый худощавый мужчина в клетчатом пиджаке спортивного стиля и волосами цвета черного крема для обуви.

– Ты Бастер Смит? – спросил я.

– Нет, – ответил он.

Я достал из заднего кармана его брюк бумажник и нашел водительские права.

– Нет, ты и есть, – настаивал я. – Уверен, ты всегда попадался, когда ребенком в прятки играл.

– На самом деле да, – сказал он, становясь на колени.

Я отошел и взял пистолеты.

– Я ничего не буду пытаться выяснить. Пристрелю тебя, а потом Леонард пристрелит всех остальных, а потом нам придется долго все это объяснять. Но ты уже будешь мертв.

За решетку мы не попали.

Это главное. И скажу вам почему. Когда все закончилось и всех повязали, в том числе меня и Леонарда, нас отвели к начальнику полиции. После допросов, обысков, вплоть до резиновой перчатки в задницу, на случай, если у нас там ручные гранаты. Начальник полиции оказался приятным парнем с коротко стриженными черными волосами и одним ухом, торчащим больше другого, будто указатель поворота. Он сидел за большим столом красного дерева с небольшой табличкой «Начальник полиции».

– Ну, что ж, Хэп Коллинз, – сказал он.

И я узнал его. Немного постарел. Все такой же тренированный. Джеймс Делл. Мы в школу вместе ходили.

– Давненько не виделись, – сказал он. – Лучше всего помню, что ты мне не нравился.

– Вас целый клуб, – сказал Леонард. – У Хэпа даже рассылка есть.

– Я и Джим встречались с одной и той же девушкой, – сказала я.

– В разное время, – уточнил Джим.

– Он был после меня, – сказал я.

– Точно. И женился на ней.

– Значит, ты победил.

– Хотелось бы, чтобы так, – ответил Джеймс. – Вы, ребята, разворошили улей. Постреляли людей. Ранили людей. Хэп, одного ты убил. А еще до меня дошли слухи про двоих парней со сломанными ногами в Ноу Энтерпрайз. Они там сами шерифу сдались.

– Хороший парень, – сказал я.

– Один из тех, кого вы подстрелили, – полицейский.

– Знаю. Он сидел в очереди, чтобы насиловать молодую женщину. Как она, кстати?

– В больнице. Пока что состояние тяжелое. Но она выкарабкается. Судя по всему, она не чуралась наркотиков, так что, возможно, у нее некоторый иммунитет к лекарствам. Еще не ела, не один день. С Бастером Смитом мы поговорили. Он раскололся, как спелый орех. Крутой только тогда, когда его деньги за него работают. Кстати, тот коп был начальником полиции.

– Ого. А ты тогда кто? – спросил Леонард.

– Новый начальник полиции. Еще должен заметить, что один из тех, кого убило шальной пулей, – мэр. Теперь дохлый, как старая консервная банка.

– Мэр. Начальник полиции. Хорошо повеселились, – сказал я.

Говоря короче, нам пришлось сидеть за решеткой, пока наш друг Марвин Хэнсон не нашел хорошего адвоката, а потом мы вышли, и вышли без предъявления обвинения, несмотря на то, что выследили такого ублюдка и подняли такой шум. Прежний начальник полиции погиб от нашей руки, в списке погибших от шальной пули оказался и мэр, да и остальные были известными гражданами города. И оказалось проще нас отпустить, чтобы замести грязь под ковер своими способами.

Суть же дела была проста. Преступление, совершенное в отношении Тилли, было настолько скверным, что они решили списать все наши действия на самооборону. Черт, в конце концов, это же Техас.

Бретт и я забрались в постель. Она легла на мою согнутую руку.

– Тилли завтра из больницы выпишут, – сказала она.

После трех месяцев, там проведенных. Все шло очень скверно, но, должен сказать, девчонка оказалась крепкой, как вчерашняя фахита.

– Мне надо будет приехать за ней, – сказала Бретт.

– Конечно, – ответил я.

– Я знаю, что она тебе не нравится.

– Правильно.

– Ты не обязан был делать того, что сделал.

– Нет, обязан.

– Ради меня?

– Ради тебя и ее.

– Но ведь она тебе не нравится.

– Мне много что не нравится, – сказал я. – Но ты ее любишь. Ты считаешь, что она – согнутая веточка, и, возможно, ты права. Никто такого не заслуживает.

– Но ведь она сама во все это влезла, так?

– Ага. Влезла. Я даже не думаю, что она особенно изменится. Когда-нибудь она не выдержит, она погибнет. Она подхватывает мужиков, как утки майских жуков ловят. Наобум.

– Знаю. Я пыталась быть хорошей матерью.

– И это я знаю, так что не начинай снова о том, как ты не сумела это сделать. Ты сделала все, что смогла.

– Я довела ее отца до того, что он спился.

– Да, довела. Но, по-любому, он сам к этому катился.

– Катился, сам знаешь.

– Я в этом не сомневаюсь.

– Я люблю тебя, Хэп.

– А я тебя люблю, Бретт.

– Хочешь потерять еще пять минут жизни, но круто?

– Звучит не очень классно, – рассмеялся я.

Она тоже рассмеялась, откатилась вбок и выключила свет. И потом она была очень классной.

Майкл Суэнвик

Майкл Суэнвик дебютировал в 1980 году и за прошедшие 34 года зарекомендовал себя как один из самых плодовитых писателей в жанре научной фантастики, постоянно пользующийся успехом, равно как и один из лучших романистов своего поколения. Он получил премию Теодора Стерджена и читательскую премию журнала Айзека Азимова. В 1991 году его роман «Путь прилива» принес ему премию «Небьюла», а в 1996 году он получил премию World Fantasy за рассказ «Между небом и землей». Он пять раз удостоивался премии «Хьюго» в период с 1999 по 2004 год за рассказы «Машины бьется пульс», «Скерцо с тиранозавром», «Пес сказал гав-гав», «Медленная жизнь» и «Хронолегион». Среди его других книг – романы «В зоне выброса», «Вакуумные цветы», «Дочь железного дракона», «Джек/Фауст», «Кости земли» и «Драконы Вавилона». Короткие произведения вышли в сборниках Gravity's Angels, A Geography of Unknown Lands, Slow Dancing Through Time, «Лунные гонимые», Puck Aleshire's Abecedary, Tales of Old Earth, Cigar-Box Faust and Other Miniatures, Michael Swanwick's Field Guide to the Mesozoic Megafauna и Periodic Table of SF. В числе последних работ крупное ретроспективное издание «Однажды на краю времени» и роман «Танцы с медведями». Майкл Суэнвик живет в Филадельфии с женой, Марианной Портер, и ведет веб-сайт www.michaelswanwick.com, а также блог www.floggingbabel.blogspot.com.

В приведенном ниже рассказе он отправляет своих записных мошенников, Даргера и Довеска, потрясающих ловкачей, в сюрреалистический постутопический Нью-Орлеан, наполненный карликовыми мастодонтами, морскими змеями и бесчисленными зомби. Там они узнают, что делать деньги – в буквальном смысле этого слова – может оказаться легко, а вот заниматься этим долго и остаться в живых – очень и очень трудно.

Майкл Суэнвик «Смуглые девки»

Независимый портовый город и (по словам некоторых) обитель пиратов Новый Орлеан был домом для обитателей странного вида. Место, где морские змеи тащили суда мимо полей, на которых трудились зомби, к пристаням, где груз перекачивал в деревянные фургоны, запряженные карликовыми мастодонтами размером с лошадь першеронской породы и ездящие по улицам, мощенным битыми ракушками устриц. Так что никто не считал бы особенно примечательным, когда в течение трех дней у дверей роскошного номера в «Масон Фема» стояла бесконечная очередь из молодых женщин просто ради возможности задрать юбку или распахнуть блузку, чтобы продемонстрировать татуированное бедро, грудь или ягодицу двоим судьям, которые сидели на сдвоенном кресле, сдержанно разглядывая посетительниц, задавая им по паре вопросов, а затем выпроваживая.

Женщины шли, увидев написанное от руки объявление, которое развесили в нескольких приходах. И написано там было следующее:

ИЩУ НАСЛЕДНИЦУ
ЕСЛИ ВЫ...
МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА ВОЗРАСТА 18–21 ГОД
ВЫРОСШАЯ БЕЗ ОТЦА
ИМЕЮЩАЯ ТАТУИРОВКУ НА ИНТИМНОЙ ЧАСТИ ТЕЛА
С РОЖДЕНИЯ
ВЫ МОЖЕТЕ ОКАЗАТЬСЯ НАСЛЕДНИЦЕЙ ИЗЯДНОГО
БОГАТСТВА
СОБЕСЕДОВАНИЕ С УТРА ДО ВЕЧЕРА В «МАСОН ФЕМА»,
НОМЕР 1.

– Думаешь, я уже устал, – сказал Даргер во время короткого перерыва. – А вот и нет.

– Бесконечное количество оттенков женской красоты действительно потрясает, – согласился Довесок. – Как и их горячее желание ее демонстрировать.

– Следующая, – добавил он, открывая дверь.

Женщина решительно вошла в комнату, неся за собой запах манильской сигары. Потрясающе высокая, под метр девяносто, в платье с серебристыми кружевами, такое же коричневое с золотом, как ее кожа. Сэр Плас показал на хрустальную пепельницу на полке серванта. Изящно кивнув, женщина затушила сигару.

– Ваше имя? – спросил Даргер, когда Давесон вернулся в кресло.

– Мое настоящее имя или сценическое?

– Ну, какое пожелаете.

– Тогда скажу настоящее.

Женщина скинула шляпу и стянула перчатки. Аккуратно положила все на полку серванта.

– Тонимур Петикотс. Смуглая Юбчонка. Можете звать меня Тони.

– Расскажите что-нибудь о себе, Тони, – сказал Довесок.

– Родилась куколкой и всю жизнь работала с циркачами, – начала Тони, расстегивая блузку. – В последнее время играла в дешевом шоу «Утопийские Технологии Сделали Спящую Красавицу Бессмертной, Но Она Обречена Не Проснуться». Лежала в стеклянном гробу в одежде из собственных волос с рукой в правильном месте. Зрители все пытались понять, жива я или нет. Я хорошо умею контролировать дыхание.

Сложив блузку, она положила ее рядом с перчатками и шляпой.

– Джейк, мой муж, был зазывалой. Следил за зрителями и, когда видел созревшего клиента, ловил его по дороге ко мне и шепотом объяснял, что за пару купюр тот может провести со мной время наедине. А сам он подглядывал через щель в занавеске.

Тони вынула ноги из юбки, одну за другой, и положила ее поверх блузки. Начала развязывать нижние юбки.

– Когда избранный снимал штаны и собирался забраться в гроб, Джейк выскакивал с воплями, крича, что разрешается только смотреть, но не пользоваться моим уязвимым состоянием.

Положив нижнее белье поверх юбки, она сняла подвязки и принялась скатывать с ног чулки.

– На его кошельке это обычно хорошо сказывалось.

– В смысле, вы дразнили клиентов? – осторожно спросил Давесон.

– По большей части просто лежала. Но была готова в любой момент вскочить и вырубить сукина сына, если он перестанет себя контролировать. Жульничали мы по-всякому. Динамо, кидалово, разводка – как хотите, так и называйте.

Совершенно нагая молодая женщина подняла длинные густые черные волосы, показывая шею сзади.

– Как-то раз клиент уже наполовину в гроб залез, а Джейка все не было. Я открыла глаза, совершенно неожиданно для него, и заорала прямо в лицо ублюдку. Он свалился на пол, ударился головой, и я не стала выяснять, потерял он сознание или сдох. Сдернула с него пиджак и кинулась искать мужа. Выяснилось, что Джейк сбежал с Женщиной-Змеей. Спустя пару недель она его прогнала, и он хотел, чтобы я позволила ему вернуться ко мне, но я такого делать не стала.

Она медленно повернулась, так, что Даргер и Давесон получили возможность оглядеть в подробностях все ее великолепное тело.

– Э-э... у вас, похоже, татуировок нет, – прокашлявшись, сказал Даргер.

– Ага, я об этом сразу подумала. Поговорила с некоторыми девочками, с которыми вы беседовали, они сказали, что вы задаете кучу вопросов, но не помогаетесь. Последнее далеко не всем понравилось. Особенно после того, как им пришлось по-быстрому нарисовать себе татуировки. Сложив два плюс два, я решила, что вы организуете какое-то жульничество, в котором вам требуется партнер-женщина, быстро соображающая и склонная к воровству.

Смуглая Юбчонка поставила руки на бедра и улыбнулась.

– Ну? Я получила работу?

Оскалившись, как собака – что не удивительно, учитывая, что исходные гены были исключительно собачьи, – Давесон встал и протянул лапу. Но Даргер мгновенно стал между ним и молодой женщиной.

– Простите, мисс Петикотс, я и мой друг должны немного переговорить в другой комнате. Вы тем временем сможете одеться, – сказал он.

Когда двое самцов уединились, Даргер обратился к Давесону.

– Хвала Богу, что я успел тебя остановить! – яростно зашептал он. – Ты уже был готов посвятить эту женщину в тайну нашего замысла!

– Ну, а почему бы и нет? – тихо сказал Давесон. – Мы ищем женщину потрясающей внешности, не слишком приверженную общепринятой морали, уверенную в себе, инициативную и изобретательную. То, что необходимо каждому хорошему жулику. У Тони все налицо.

– Одно дело работать с любителем, другое – с профессионалом. Она будет спать с нами обоими, настроит нас друг против друга, а потом смоеется, прихватив всю добычу и оставив нас в глупом положении после всех наших стараний.

– Это сексизм и, осмелюсь сказать, неблагородная клевета на противоположный пол. Я ошеломлен тем, что слышу такое от тебя.

Даргер печально покачал головой.

– Я сторонюсь не всяких женщин, но сознательных обманщиц – определенно, – сказал он. – И говорю это на основании неоднократного печального опыта.

– Ну, если ты настаиваешь на том, что мы обойдемся без этого безупречного молодого создания, то я настаиваю, чтобы ты занимался этим без меня, – заявил Давесон, сложив лапы на груди.

– Ох ты, Боже мой!

– Я должен хранить верность своим принципам.

Даргер понял, что дальнейшие споры бесполезны. Сделав максимально доброжелательное лицо, он вышел в другую комнату.

– Ты с нами работаешь, дорогая.

Он достал из кармана инкрустированный серебром флакон и, открутив крышечку, вытащил единственную лежащую там таблетку.

– Проглоти это, и к завтрашнему утру у тебя будет татуировка, которая нам нужна. Можешь, конечно, сначала обратиться к фармакологу, чтобы проверить...

– О, я вам доверяю. Если бы вы хотели сделать что-то скверное, вы бы не дожидались, пока я приду. Некоторые из девочек, что к вам приходили, очень наблюдательные.

Тони проглотила таблетку.

– Так в чем фенька?

– Мы собираемся устроить бизнес с черным налогом.

– О, я всегда хотела, чтобы у меня была такая возможность!

Радостно гикнув, Тони обняла их обоих.

У Даргера очень чесались руки проверить, на месте ли его кошелек, но он не стал этого делать.

На следующий день рабочие-зомби принесли десять ящиков черного нала – реально черных прямоугольников пергамента, выкрашенных в черный в далеком Виксбурге. По приказу Довеска их поставили у дверей комнаты Тони, центральной в номере. Войти в нее или выйти можно было только через комнату Даргера. Оставив леди заниматься платьем и макияжем, партнеры по бизнесу отправились на переговоры к потенциальным лохам.

Даргер начал обход с портового района.

Офис спекулянта Жана-Нажена Лафита был обставлен и украшен со вкусом. Главным украшением являлся череп мауизавра с изящной резьбой и серебряной инкрустацией. «Герцог» Лафит, как он себя именовал, или «Пират» Лафит, как именовали его все остальные, был худощавым симпатичным мужчиной с оливковой кожей, длинными волнистыми волосами и усами, такими тонкими, будто их нарисовали карандашом для подводки бровей. В отличие от других богатых людей, вместо трости он носил при себе витой хлыст на поясе.

– Слиток серебра напрокат! – воскликнул он. – В жизни подобного не слышал.

– Предложение достаточно простое, – ответил Даргер. – Серебро будет служить катализатором для определенного биотехнологического процесса, подробности которого я не вправе вам раскрывать. Распорядок таков. Серебро превратят в коллоидный порошок. Затем, когда биотехнологический процесс завершится, порошок расплавят и превратят обратно в слиток. Вы ничего не потеряете. Более того, мы обременим ваше богатство только, скажем так, дней на десять. Взамен мы готовы предложить вам сумму в десять процентов от вашего вложения. Очень неплохая прибыль, и ни малейшего риска.

На лице спекулянта появилась едва различимая жестокая улыбка.

– Но есть риск того, что вы просто возьмете серебро и смоеетесь с ним.

– Это оскорбительное предположение, и услышь я его от человека, которого уважал бы не так, как вас, я бы ему этого не спустил. Однако...

Даргер махнул рукой в сторону окна, через которое была видна суэта на складах и погрузочных площадях.

– ...я знаю, что вам принадлежит половина того, что я вижу в окне. Предоставьте моему консорциуму в аренду помещение для технологического процесса, поставьте вокруг него охранников столько, сколько пожелаете. Мы привезем оборудование, вы привезете серебро. Договорились?

Пират Лафит на мгновение задумался.

– По рукам! – отрезал он, протягивая руку. – Пятнадцать процентов и аренда здания.

Они пожали друг другу руки.

– Не станете возражать, если слиток проверит оценщик с хорошей репутацией? – спросил Даргер.

Тем временем во Французском квартале Довесок вел почти идентичный разговор с худощавой желчной женщиной, одетой в строгое черное платье. Она являлась не только мэром Нового Орлеана, но и владелицей самого большого в городе борделя, пользовавшегося исключительно дурной славой. Позади нее молча стояли два обезьяночеловека из северо-западной Канады, в форме и наготове. Оба едва скрывали злобу, обычное дело для зверей, которых сделали разумными, подобно людям, но не окончательно.

– Оценщик? – возмущенно спросила женщина. – Разве моего слова не достаточно? А если нет, зачем нам тогда вообще бизнес начинать?

– Ответ «да» на все три ваших вопроса, мадам мэр Трежоли, – дружелюбно ответил Довесок. – Анализ – чтобы вам подстраховаться. Как вы, без сомнения, знаете, серебро легко смешать с другими металлами. Когда мы закончим работать с серебром, порошок будет расплавлен и заново отлит в слиток. Естественно, вам захочется быть уверенной в том, что вернувшийся вам слиток имеет ту же ценность, что и тот, который вы предоставляете нам в аренду.

– Гм.

Они сидели в вестибюле принадлежащего Мадам-мэру дома терпимости, она – в большом плетеном кресле, сходство которого с тронном вряд ли было непреднамеренным, а Довесок – на складном деревянном стуле, лицом к ней. Время еще было раннее, так что рабочее время предприятия пока не наступило. Но посыльные и правительственные прислужники то и дело приходили и уходили. Вот и сейчас один из них что-то шептал на ухо Мадам-мэру Трежоли. Она махнула рукой, отсылая его.

– Семнадцать с половиной процентов, соглашайтесь, или идите.

– Я соглашаюсь.

– Хорошо, – сказала Трежоли. – А теперь у меня дела с владельцем зомби. Ставьте стул рядом и поглядите. Если нам предстоит вести дела, это будет вам полезно.

Округлый и радушный мужчина, вошедший в вестибюль, пришел в сопровождении полудюжины зомби. Довесок с интересом поглядел на них. С тусклыми глазами и одеревеневшими лицами, нездоровым блеском кожи, они совсем не были похожи на гниющие трупы легенд Утопии. Скорее, были похожи на поденных рабочих в состоянии полного изнеможения. Что и было основным моментом, без сомнения.

– Доброе утро! – сказал радушный мужчина, довольно потирая руки. – Я привел еженедельный караван должников, которые, отслужив свое, теперь достойны снисхождения и вольноотпущеничества.

– Меня всегда интересовал источник вашей подневольной рабочей силы, – сказал Довесок. – Значит, это бедолаги, которые не могли расплатиться с долгами?

– Именно так, – ответил хозяин зомби. – В Новом Орлеане отказались от варварской и дорогой практики содержать тюрьмы для должников. Вместо этого те, кто совершил преступления в этой области, химическим способом лишаются способности к самостоятельному мышлению и отправляются на работы до тех пор, пока не выплатят долг обществу. Что нынешние счастливицы успешно сделали.

Проказливо подмигнув, он продолжил:

– Думаю, вам следует помнить об этом, прежде чем слишком сильно пользоваться кредитной линией в комнатах наверху. Вы готовы начать, Мадам-мэр Трежоли?

– Можете приступать, Мастер Боунс.

Мастер Боунс повелительно махнул рукой, и первый зомби покорно вышел вперед.

– Через распутство попал ты в долги и через честный труд заслужил освобождение от них, – сказал он. – Открывай рот.

Бледное создание повиновалось. Мастер Боунс достал ложку и погрузил ее в стоящую на столике солонку. Всыпал соль в рот человеку.

– Теперь глотай.

С человеком начало происходить постепенное и значительное превращение. Он выпрямился и огляделся, нерешительно и пугливо.

– Я... – сказал он. – Я вспомнил. Это... это моя жена?

– Молчать, – сказал хозяин зомби. – Церемония еще не окончена.

Канадские охранники сместились, став по обе стороны хозяйки на случай, если недавний зомби потеряет соображение и нападет на нее.

– Настоящим ты снова объявляешься свободным гражданином Нового Орлеана, не имеющим долгов ни перед кем, – сдержанно сказала Трежоли. – Иди и более не транжирь.

Она выставила ногу и приподняла юбку над лодыжкой.

– Можешь поцеловать мне ногу.

– Так ты не просил Трежоли о кредитной линии в ее доме развлечений? – спросила Довеска Тони, когда тот рассказывал обо всем своим сотоварищам.

– Конечно, нет! – воскликнул Довесок. – Я сказал ей, что моим тайным желанием всегда было открыть небольшой элитный бордель для своего личного пользования. Гарем, если хотите, но такой, в котором служащие будут меняться и хорошо оплачиваться. Предложил ей вскорости, когда я смогу себе такое позволить, поспособствовать мне в подборе подходящего отеля и создании подобного учреждения.

– И что она сказала?

– Она мне сказала, что сомневается, что мне известно, насколько дорого обойдется подобное учреждение.

– И что ты ответил?

– Что не думаю, что деньги будут проблемой – с легкостью ответил Довесок. – Поскольку я собираюсь вскорости очень много их заработать.

– Как с вами весело, мальчики! – радостно завопила Тони.

– К другому делу, – сказал Даргер. – Доставили твоё новое платье.

– Я его уже видела, – ответила Тони, скривившись. – Оно не рассчитано на то, чтобы демонстрировать главные преимущества моего тела – вообще какие-либо преимущества, если уж на то пошло.

– Действительно, оно скромное до жесткости, – согласился Даргер. – Однако твой персонаж скромен и неопытен. В ее невинных глазах Новый Орлеан – ужасающее гнездо порока, клоака похоти и связанных с ней грехов. Следовательно, она должна находиться под постоянной защитой стойких и непоколебимых мужчин самой высокой морали.

– Далее, – начал Давесон. – Она слабое место нашего плана: тот, кто увидит ее татуировки и узнает ее значение, может погубить нас, украв девчонку прямо на улице...

– Ой! – тихо сказала Тони, тоном, явно рассчитанным, чтобы пробудить в любом мужчине поблизости инстинкт защитника.

Довесок инстинктивно шагнул к ней, но тут же взял себя в руки. Плотноядно (кем он и являлся) улыбнулся.

– У тебя получится.

Третья встреча с потенциальным инвестором состоялась вечером в полутемном клубе в обедневшем приходе на границе Французского квартала. Развлечения, которым здесь предавались, были, с общественной точки зрения, слишком непотребными даже для исключительно свободных нравов местных жителей. Бледные официантки безжизненно ходили между небольшими столиками, принимая заказы и поднося напитки, а небольшой джаз-банд играл на духовых и ударных непотребную музыку, аккомпанируя идущему на сцене шоу.

– Вижу, вы не поклонник сценического секса, – сказал хозяин зомби Джереми Боунс. Свет от свеч в канделябре на столе делал капли пота на его лице сверкающими, будто дождевики.

– Артистический успех подобных представлений полностью зависит от степени, до которой он соотносится с сексуальными склонностями зрителя, – ответил Даргер. – Признаюсь, мои лежат в несколько иной области. Но не обращайтесь внимания. Вернемся к делу. Следовательно, условия для вас приемлемы?

– Верно. Однако мне не ясно, почему вы настаиваете на том, что анализ должен быть проведен в Банке Сан-Франциско, учитывая, что в Новом Орлеане имеются несколько своих учреждений такого рода.

– Которые без исключения принадлежат целиком и частями вам, Мадам-мэру Трежоли и Герцогу Лафиту.

– В смысле, Пирату Лафиту. Экспертиза – в любом случае экспертиза, а банк – в любом случае банк. Почему для вас имеет значение принадлежность?

– Сегодня днем вы привели к мэру шестерых зомби, чтобы их освободить. В предположении, что это обычная неделя в вашей практике, мы получаем около трехсот зомби в год. Однако всю черную работу в городе выполняют зомби, не говоря уже о десятках тысяч, работающих на плантациях вдоль реки.

– Многие из тех, кто задолжал, получили приговоры на несколько лет.

– Я тут поспрашивал и выяснил, что корабли Лафита ввозят около двух сотен заключенных в неделю из поселений и территорий по всей Миссисипи до самого Сент-Луиса.

На лице полного мужчины появилась легкая улыбка.

– Чистая правда, что многие правительства решают, что дешевле заплатить нам, чтобы мы разобрались с их нарушителями закона, чем самим строить тюрьмы.

– Мадам Трежоли отправляет этих бедолаг в городскую систему исполнения наказаний, вы платите ей за головы, а после того, как они превращены в зомби, вы сдаете их в аренду черноработными по цене, от которой работодатели не могут отказаться. Те, кто поступает к вам на службу, редко от вас уходят.

– Если представитель правительства или член семьи предоставляет мне бумаги, свидетельствующие, что долг перед обществом выплачен, я безмерно счастлив освободить такого. Уверяю вас, мало кто приходит ко мне с подобными документами. Но я всегда открыт для тех, кто это делает. В чем именно вы возражаете против подобного распорядка?

– Возражаю? – удивленно переспросил Даргер. – Я не возражаю. Это ваша система, и, как человек пришлый, я в нее не вмешиваюсь. Я просто объясняю причину, в силу которой хотел бы использовать для экспертизы независимый банк.

– А именно?

– Если проще, то я доволен, что смог договориться с вами по отдельности. Всех вас, вместе взятых, я считал бы слишком искусными, чтобы вести с вами дело, – сказал Даргер, поворачиваясь к сцене и глянув туда. Сидящий в первом ряду зритель вытащил из бумажника несколько купюр и многозначительно постучал ими по столу. Одна из безжизненных официанток взяла деньги и повела его за занавес в дальней части зала. – Думаю, действуя вместе, вы бы заглотили меня и моих партнеров, не поперхнувшись.

– О, тут нечего опасаться, – сказал Мастер Боунс. – Мы действуем совместно лишь тогда, когда речь заходит о серьезной прибыли. Ваше скромное предприятие, каково бы оно ни было, не подходит под это определение.

– Очень рад это слышать.

На следующий день трое заговорщиков трижды посетили Экспертное бюро новоорлеанского филиала Банка Сан-Франциско. Во время первого визита один из зомби-телохранителей Мадам-мэра Трежоли, в зеленом костюме, открыл переносной сейф и извлек из него слиток серебра. Затем, к изумлению мэра и оценщика, Довесок приказал нанятым им зомби принести несколько тяжелых кожаных сумок, из которых достали дрели, весы, кислоты, реактивы и другие инструменты, которые тут же установили для работы.

Оскорбленный оценщик открыл было рот, чтобы возразить.

– Уверен, вы не станете возражать, если мы предоставим собственное оборудование, – учтиво сказал Даргер. – Мы здесь люди пришлые, и хотя никто не ставит под сомнение честность самого престижного финансового учреждения Сан-Франциско, в хорошем бизнесе всегда должно предпринимать соответствующие предосторожности.

Пока он говорил, Тони и Довесок одновременно потянулись к весам и столкнулись, едва не свалив их. Все повернулись и протянули руки, чтобы поймать весы. Но спас аппаратуру от крушения именно Довесок.

– Упс, – сказала Тони, очаровательно краснея.

Проверяющий быстро выполнил анализы. По окончании поднял взгляд.

– Результат – 925-я проба, – сказал он. – Стандарт стерлинга.

Небрежно кивнув, Мадам-мэр Трежоли согласилась.

– Девушка. Сколько вы за нее хотите? – спросила она.

Даргер и Сэр Плас повернулись одновременно. И слегка сдвинулись, становясь по обе стороны от Тони.

– Мисс Петикотс под нашей опекой, и разговора об этом быть не может, – сказал Даргер. – Кроме того, у вас не настолько благопристойный бизнес для такого невинного ребенка, как она.

– Невинность в большой цене в моем заведении. Я дам вам серебряный слиток. Навсегда. Делайте с ним все, что хотите.

– Поверьте, мадам, достаточно скоро для меня серебряные слитки станут разменной монетой.

Мастер Боунс смотрел на процедуру проверки, в том числе на хаотичную кучу оборудования, принадлежащего троице, с блаженной улыбкой. Но его взгляд постоянно возвращался к Тони. И наконец поджал губы.

– В моем клубе найдется место для вашей юной подруги. Если вы решите дать ее мне в аренду, ну, скажем, на год, я с радостью откажусь от моих двадцати процентов прибыли в вашем предприятии, – сказал он. Затем он повернулся к Тони. – Не беспокойся, лапочка. Под действием зомбирующих наркотиков ты не будешь чувствовать ничего, а потом ничего не вспомнишь. Так, будто вообще ничего не было. Более того, тебе будут причитаться комиссионные с каждой коммерческой встречи, и по окончании ты будешь иметь значительную сумму в трастовом фонде.

Не обращая внимания на возмущенный взгляд Тони, Даргер заговорил с Боунсом со всей учтивостью.

– Совсем по секрету, сэр, мы сегодня уже отклонили куда лучшее, чем ваше, предложение. Но мой партнер и я не станем участвовать в торговле нашей дорогой подружкой ни за какие деньги. Она для нас – сокровище за пределами любой цены.

– Я готов, – сказал оценщик. – Где будем сверлить?

Даргер небрежно повел пальцем над слитком и будто случайно ткнул в самую середину.

– Вот тут.

– Как я понимаю, за глаза они зовут меня Пиратом, – тихо и гневно проговорил Жан-Нажен Лафит. – Но это оскорбление, которого я не потерплю, если мне скажут его в лицо. Да, случилось так, что мне достались имя и фамилия, одинаковые с легендарным флибустьером. Но вы никогда не найдете доказательств того, что я хоть раз в жизни совершил незаконное деяние.

– Как и сегодня, сэр! – воскликнул Даргер. – Мы проводим абсолютно законную процедуру в рамках бизнеса.

– Я тоже так считаю, иначе меня бы здесь не было. Тем не менее, вы должны понять, почему я счел оскорблением то, что вы и ваши неуклюжие сотоварищи подвергли сомнению качество моего серебра.

– Ни слова более, сэр! Мы здесь все джентльмены, за исключением, конечно же, мисс Петикотс, возвращенной в нежности сироты и христианки. Если вам будет достаточно моего слова, то и вашего слова будет достаточно для меня. Мы можем отменить экспертизу.

Даргер вежливо кашлянул.

– Но, для моей собственной безопасности, с точки зрения закона, в отсутствие результата анализа мне потребуется нотариально заверенное обязательство от вас в том, что вы удовлетворитесь качеством серебра, возвращенного вам нами, каково бы оно ни было.

От взгляда Пирата Лафита расплавилось бы и железо, но он ничего не мог сделать против обезоруживающей улыбки Даргера.

– Что ж, ладно, проводите анализ, – согласился Лафит.

Даргер небрежно покрутил пальцем в воздухе и снова указал ровно в середину слитка.

– Тут.

– Интересно, возможно ли, чтобы ваша мисс Петикотс... – начал Пират Лафит, пока оценщик работал.

– Она не продается! – с горячностью возразил Даргер. – Не продается, не сдается в аренду, не обменивается, не может быть приобретена ни на каких условиях. Точка.

На лице Пирата Лафита появилось раздражение.

– Я просто хотел спросить, не хотела бы она завтра со мной поохотиться. В дельте реки встречается очень интересная дичь.

– Она не принимает участия в светских мероприятиях, – ответил Даргер и повернулся к оценщику. – Итак, сэр?

– Стандарт стерлинга, – ответил тот. – Как обычно.

– Другого я и не ожидал.

Трое заговорщиков для виду отослали в «Масон Фема» зомби с лабораторным оборудованием по окончании экспертиз, а сами отправились поужинать. Потом благочинно прогулялись по городу. Тони, засидевшаяся в своей комнате, пока шли переговоры, особенно обрадовалась прогулке. Но самое сильное облегчение Даргер, Довесок и Тони испытали, когда увидели тяжелые мешки в гостиной их номера.

– Кому предоставим честь? – спросил Даргер.

– Безусловно, леди, – ответил Довесок с легким поклоном.

Тони сделала реверанс, а затем, открыв тайный замок на дне одного из мешков, вытащила серебряный слиток. Вытащила второй и третий, из второго и третьего мешков. Заговорщики вздохнули с облегчением, глядя на серебро, поблескивающее в свете лампы.

– Ловко было сделано, когда ты подменял настоящие слитки поддельными, – сказала Тони.

– Нет, этот трюк был бы невозможен без отвлекающего маневра, – вежливо возразил Даргер. – Который вы исполнили идеально. Даже присутствовавший там оценщик, который три раза видел, как вы едва не свалили оборудование на пол, ничего не заподозрил.

– Скажи-ка мне вот что, – начала Тони. – Зачем ты сделал подмену до проверки, а не после? Иначе тебе бы не потребовалось вставлять этот маленький кусок серебра в середину для анализа. Сошел бы и просто посеребренный слиток свинца.

– Мы имеем дело с людьми подозрительными. Так получится, что они сначала получили подтверждение, что слитки настоящие, а потом – то, что мы и близко к ним не подошли. Слитки лежат в депозитном сейфе в уважаемом банке, так что они не думают, что хоть чем-то рискуют. Все вроде бы чище некуда.

– Но мы же на этом не остановимся, так? – с тревогой спросила Тони. – Я так хотела заняться черным налогом.

– Не беспокойся, моя хорошая, – сказал Довесок. – Это только начало. Но оно послужит нам чем-то вроде страховки. Даже если дело пойдет плохо, мы уже сделали хорошую прибыль.

Он налил бренди в три небольших бокала и раздал их.

– За кого выпьем?

– За Мадам-мэра Трежоли! – сказал Даргер.

Они выпили.

– Что вы о ней думаете? – спросила Тони. – В профессиональном плане.

– Она намного хитрее, чем позволяет тебе увидеть, – ответил Довесок. – Но, как ты безусловно знаешь, самодовольного хитреца проще всего надурить.

Он налил по второму бокалу.

– За Мастера Боунса!

Они выпили.

– А что с ним? – спросила Тони.

– С ним проблем побольше, – сказал Даргер. – Мягко стелет, да жестко выплывешь.

В некотором смысле он вообще на человека не похож.

– Может, пробует собственный товар? – предположил Довесок.

– В смысле, экстракт рыбы фугу? Нет. Его ум вполне активен. Но я не заметил в нем ни единого проблеска сочувствия. Подозреваю, он так долго возился с зомби, что думает, что все мы такие же.

Последний тост был за Пирата Лафита, со всей очевидностью.

– Думаю, он очарователен, – сказала Тони. – Правда, вы, наверное, не согласитесь.

– Он фальшив и склонен к позерству, – сказал Даргер. – Мерзавец, делающий вид, что он джентльмен, манипулирующий законами, но выставляющий себя честнейшим из граждан. А следовательно, он мне нравится до определенной степени. Думаю, это человек, с которым мы можем иметь дело. Попомните мои слова, когда эти трое завтра с нами увидятся, это произойдет по его инициативе.

Некоторое время они говорили о деле. Затем Довесок достал колоду карт. Они играли в юкер, канасту и покер, а поскольку играли на интерес, никто не стал возражать, когда игра стала соревнованием на ловкую сдачу карт с низа колоды и подкидывание карт из рукава. Никто не возмущался, когда в одну из раздач на столе оказались одиннадцать тузов.

– Глядите, сколько времени! – наконец сказал Даргер. – Завтра предстоит тяжелый день.

И они отправились по комнатам.

В эту ночь, засыпая, Даргер слышал, как дверь, соединяющая его комнату и комнату Тони, открылась и закрылась, тихо. Раздалось шуршание простыней, и она залезла к нему в кровать. А затем теплое обнаженное тело Тони прижалось к нему, а ее рука сомкнулась на самой интимной его части. Он мгновенно проснулся.

– Что ты делаешь, ради всего святого? – яростно прошептал он.

Тони неожиданно отпустила его и сильно ударила в плечо.

– Ох, как же это легко для вас, – тихо ответила она. – Как все просто у мужчин! Эта мерзкая старуха пыталась меня купить. Этот ужасный коротышка хотел, чтобы вы позволили ему накачать меня наркотой. Один Господь знает, что на уме было у Пирата Лафита. Заметь, все они делали предложения вам. Никто мне слова не сказал.

На грудь Даргера упали горячие слезы.

– всю жизнь у меня были защитники-мужчины. Я без них не могла. Мой папочка, пока я не сбежала. Мой первый муж, пока его не сожрали гигантские крабы. Потом всевозможные приятели, а под конец этот подонок Джейк.

– Тебе не о чем беспокоиться. Довесок и я никогда не бросали сотоварища и впредь не бросим. В этом плане наша репутация безупречна.

– Я сама себя в этом убеждаю и, пока светит солнце, верю. Но ночью... ну, последняя неделя была самым длинным сроком, когда я обходилась без мужского тела, чтобы утешиться.

– Да, но ты же понимаешь...

Тони поднялась. Даже в полумраке, озаряемая лишь проникавшим в окно лунным светом, она представляла собой величественное зрелище. А потом она наклонилась, целуя Даргера в щеку.

– Никогда мне еще не приходилось умолять мужчину, но... пожалуйста.

Даргер считал себя человеком чести, но это было единственным искушением, преодолев которое мужчина потерял бы уважение к себе.

Утром Даргер проснулся в одиночестве. Подумал о событиях минувшей ночи и улыбнулся. Подумал об их возможных последствиях и скривился. А затем спустился в столовую, чтобы позавтракать.

– Что дальше? – спросила Тони, когда они подкрепились кофе из цикория, пончиками-бенье и нарезанным беконфрутом.

– Мы заронили в головы всех трех игроков подозрение, что прибыль мероприятия может оказаться куда больше, чем мы предлагаем, – сказал Довесок. – Мельком показали им нашу загадочную юную подопечную, намекнув, что она – ключ к делу. Мы задали им головоломку, которой они не видят решения. Поразмыслив, они могут прийти лишь к одному решению. Что единственная причина, по которой мы получили превосходство, – та, что мы играли с ними поодиночке.

Он сунул в рот последний бенье.

– Так что рано или поздно они объединятся и потребуют от нас объяснений.

– Тем временем... – начал Даргер.

– Понимаю, понимаю. Назад в мою мрачную комнату, раскладывать пасьянсы и читать воодушевляющую литературу, подобающую скромной юной девственнице.

– Важно оставаться в роли, – сказал Довесок.

– Это я понимаю. Но в следующий раз, пожалуйста, делайте из меня что-нибудь такое, что не надо хранить в темноте, будто мешок картошки. Может, племянницу испанского пленника. Наследницу светского льва. Да хоть шлюху, наконец.

– Ты – Женщина-Загадка, – сказал Даргер. – Освященная временем и, можно сказать, завидная роль.

Таким образом, когда Даргер и Довесон вышли из «Масон Фема» ровно в десять, по своей непоколебимой привычке, они не были слишком уж ошеломлены, увидев всех троих своих благодетелей, ждущих их снаружи. После грубого обмена угрозами и оскорблениями, протестуя на каждом шагу, они привели лохов в номер.

Двери всех трех спален были открыты в залитую солнечным светом гостиную. Учитывая элегантный декор комнаты, ящики с черной бумагой, сложенные у двери комнаты Тони Петикотс, выглядели бельмом на глазу.

Жестом предложив гостям садиться, Даргер сделал покаянное лицо.

– Чтобы адекватно объяснить цель нашего предприятия, нам придется уйти в прошлое на два поколения, до того, как Сан-Франциско стал финансовым центром Северной Америки. Дальновидные руководители этого города-государства вознамерились создать новую экономику на основе купюр, которые невозможно подделать, и до нынешних времен пользуются плодами величайшего гравера-генетика своего времени Финеаса Уипснейда Мак-Гонигла.

– Какое-то нереальное имя, – фыркнула Мадам-мэр Трежоли.

– Безусловно, это являлось его псевдонимом, чтобы уберечь его от похитителей и прочего, – объяснил Довесон. – В обычной жизни он был известен как Магнус Нортон.

– Продолжай.

Даргер заговорил снова.

– Результаты вам известны. Нортон создал сто тринадцать различных бактерий, которые в рамках своей естественной жизнедеятельности слой за слоем укладывают сложнейшим узором многоцветные чернила. Узор и цвета столь сложны, что фальшивомонетчики просто отчаялись. Это в сочетании с безупречной монетарной политикой сделало доллар Сан-Франциско общей валютой сотни государств Северной Америки. Однако во всем этом мероприятии имелось одно слабое место. Сам Нортон.

– Нортон втайне создал собственные печатные чаны, используя созданные им бактерии, и начал массовое изготовление банкнот, не только неотличимых от подлинных, но, по сути, являвшихся подлинными во всех смыслах. Сделал их столько, что стал богатейшим человеком на континенте.

– К несчастью для этого великого человека, он как-то раз недостаточно заплатил своему поставщику бумаги, возник спор, который закончился тем, что служащие правопорядка Сан-Франциско его арестовали.

Пират Лафит элегантно поднял указательный палец.

– Откуда вы все это знаете? – спросил он.

– Мой коллега и я – журналисты, – ответил Даргер. Увидев реакцию слушателей, поднял обе руки. – Не те, кому нравится ворошить грязь, смею вас заверить! Коррупция – необходимая и проверенная временем часть любой системы правления, что мы всем сердцем поддерживаем. Нет, мы описываем общественных деятелей, воздавая им похвалу пропорционально их щедрости. Пишем интересные истории о парнях-героях, спасающих наследниц из огня, котят, проглоченных крокодилами, когда те чудесным образом невредимыми минуют их пищеварительную систему, и, конечно же, развлекаем людей забытыми историями прошлого, о негодях, которые с естественным течением времени стали безвредны.

– Так мы и натолкнулись на историю Нортона, – разъяснил Довесон.

– Действительно. Мы выяснили, что по хитрой причуде, подобной лабиринту системы банковского регулирования, установленной в Сан-Франциско, созданные Нортоном деньги нельзя ни уничтожить, ни использовать как законную валюту. Поэтому, дабы предотвратить их незаконное использование, они были подвергнуты другому биолитографическому

процессу, в ходе которого они оказались пропитаны черными чернилами, и настолько глубоко за счет потрясающе хитро подобранного состава, что они не могут быть отбелены при помощи любого известного процесса отбеливания, чтобы бумага в результате не разрушилась.

– И вот тут начинается самое интересное. Нортон, как вы помните, был непревзойденным мастером своего дела. Естественно, что отцы города не слишком хотели отказываться от его услуг. Так что вместо того, чтобы поместить его в обычную тюрьму, они построили окруженный высокой стеной укрепленный особняк, в котором устроили лабораторию, и снабдили его всеми необходимыми для работы материалами.

– Представьте себе, что чувствовал Нортон! Мгновение назад он был на грани того, чтобы стать самым богатым человеком в Северной Америке, а потом вдруг стал практически рабом. Пока он шел на сотрудничество, его кормили изысканной едой, вином, позволяли встречаться с женой на супружеском ложе... но, какой бы она ни была комфортабельной, тюрьма оставалась тюрьмой, и он никогда не мог покинуть ее. Однако он был человеком хитроумным и, хотя и не смог устроить побег, совершил изощренное отмщение. Если уж у него нет огромного богатства, пусть оно будет у его потомков. Когда-нибудь происхождение черных денег будет забыто, и они будут выставлены на аукцион, как это обычно происходит со всеми ненужными вещами после улаживания бюрократических формальностей. Его дети, или внуки, или правнуки приобретут их и, используя гениальный метод, изобретенный им, превратят их обратно в пригодную валюту, сделавшись богаче Креза.

– Если хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах, говорили древние, – перебил его Довесок. – Шли десятилетия. Нортон умер, черные деньги оставались в хранилище. К тому времени, когда мы начали наше расследование, казалось, что все его родные исчезли. У него было трое детей. Дочь, которую мужчины не интересовали, сын, который умер молодым, и второй сын, который так и не женился. Однако второй сын в молодости немало путешествовал, и в тех же самых забытых семейных бумагах, где был изложен план Нортонна, мы нашли сведения о том, что его сын платил деньги в пользу незаконнорожденного ребенка, девочки, зачатой около двадцати лет назад. Пользуясь тем, что мы понимали тонкости работы бюрократического аппарата, в отличие от жены и детей Нортонна, мы подкупили нужных чиновников, и нам продали ящики с бесполезной, на их взгляд, бумагой. А затем мы прибыли в Новый Орлеан и нашли Тони Петикотс.

– Это ничего не объясняет, – сказала Мадам-мэр Трежоли.

Даргер тяжело вздохнул.

– Мы надеялись, что вас удовлетворит частичное объяснение. Теперь, как я понимаю, все или ничего. Вот они, перед вами, ящики с черным налом, черными купюрами.

Он снял крышку с одного из верхних ящиков. Достал горсть черных бумажных прямоугольников, потряс в воздухе, чтобы все видели, и положил обратно.

– А теперь я и мой коллега представим вас нашей юной питомице.

Даргер и Довесок быстро растащили ящики в стороны от двери. Довесок постучал.

– Мисс Петикотс? Вы подobaюще одеты? У нас к вам посетители.

Дверь открылась. Из полумрака настороженно глянули большие карие глаза Тони.

– Заходите, – тихо сказала она.

Все медленно вошли внутрь. Тони поглядела на Даргера и Довеска. Те не глядели ей в глаза, и она склонила голову, смущаясь.

– Кажется, я знаю, зачем они все сюда пришли. Но... должна ли я? Действительно должна?

– Да, дитя, должна, – мрачно сказал Довесок.

Тони сжала губы и подняла подбородок, глядя вдаль, словно капитан шхуны, ведущий судно в опасные воды. И, заведя руки за спину, начала расстегивать платье.

– Магнус Нортон сделал то, чего не мог сделать никто другой. Создал микроорганизм, который способен сожрать чернила, которыми были выкрашены банкноты, совершенно не повреждая остальные. Банкноты необходимо просто положить в жидкую питательную среду и добавить коллоидное серебро в качестве катализатора. В течение недели там останутся лишь идеальные купюры Банка Сан-Франциско и серебряный порошок – сказал Даргер. – Однако у него была проблема. Как передать информацию о способе создания микроорганизма своей семье. Достаточно надежным способом, чтобы она пережила десятилетия забвения.

Тони расстегнула платье. Прижав одну руку к груди, чтобы платье не падало спереди, она вынула одну руку из рукава. Прижав ее к груди, вынула другую.

– Сейчас? – спросила она.

Сэр Плас кивнул.

Мелкими, будто кукольными шагами Тони подошла и стала лицом к стене. А затем опустила платье так, что стала видна ее нагая спина и ягодицы. На одной из которых была большая татуировка семи ярких цветов из трех concentрических кругов. Каждый круг состоял из огромного числа коротеньких, почти параллельных линий, исходящих из центра татуировки, где кожа была девственно чиста. Любой, умеющий читать генетический код, с легкостью смог бы воссоздать организм по этому описанию.

– Это же *Escherichia coli*, кишечная палочка, не так ли? – подал голос мастер Боунс, до того молчавший.

– Да, сэр, одна из ее вариаций. Нортон построил татуировку в собственный геном, а затем зачал со своей женой троих детей, думая, что они, в свою очередь, родят еще больше. Но Фортуна – дама ветреная, и мисс Петикотс осталась единственной наследницей. Но этого будет достаточно.

Он повернулся к Тони.

– Можешь снова одеться. Наши гости удовлетворили свое любопытство, и теперь они уйдут.

Даргер вывел гостей обратно и крепко закрыл за собой дверь.

– Теперь вы узнали то, за чем пришли. Осмелюсь заметить, ценой надругательства над скромностью невинной девушки.

– Это сказано чрезвычайно хамски! – отрезал Пират Лафит.

В последовавшей за его вспышкой тишине все услышали, как в соседней комнате горько плачет Тони Петикотс.

– Вы сделали свое дело, и теперь я просто прошу вас уйти, – сказал Даргер.

Теперь, когда Тони Петикотс перестала быть тайной, троице заговорщикам оставалось лишь ждать, когда прибудет речным путем якобы заказанное ими оборудование, и отбиваться от высокопоставленных лохов, которые по очереди подкатывали к ним с предложениями огромных взяток за технологию процесса и сундуки с черной бумагой. Согласно простейшей логике, они неизбежно должны были это сделать.

На следующее утро им принесли почту, два письма с предложением встречи. Троица отправилась позавтракать в придорожное кафе. Они едва закончили и принялись пить по второй чашке кофе, когда Тони поглядела поверх плеча Даргера.

– О Боже милосердный на небесах! – воскликнула она. – Это Джейк.

Увидев непонимание на лицах сотоварищей, объяснила:

– Мой муж! Он разговаривает с Пиратом Лафитом. И они идут сюда.

– Продолжаем улыбаться как ни в чем не бывало, – тихо сказал Даргер. – Сэр Плас, ты знаешь, что делать.

Хватило бы досчитать до десяти, когда конкуренты дошли до их столика.

– Джейк! – с удивлением воскликнул Довесон, вставая со стула.

– Пришел за деньгами, несомненно, – сказал Даргер, доставая из кармана стопку купюр, одну большого достоинства, снаружи, и кучу мелких внутри. Любой благоразумный бизнесмен всегда с собой такое носит. – Мадам-мэр просила тебе сказать... – начал он, поворачиваясь.

И увидел перед собой незнакомца, по всей видимости, Джейка, о котором говорила Тони, и Пирата Лафита, чье лицо исказилось от изумления.

Даргер поспешно убрал стопку купюр в карман.

– Просила тебе сказать это в любое время, когда решишь воспользоваться ее заведением, она с радостью предоставит тебе скидку в 10 процентов на все товары и услуги, кроме алкоголя. Она решила оказать эту любезность в знак уважения, в качестве твоего работодателя, к тебе, как и ко всем своим новым работникам.

Лафит резко развернулся, схватил Джейка за ворот и стал трясти, словно терьер крысу.

– Теперь я понимаю, – прошипел он сквозь зубы. – Почтенная хозяйка борделя решила лишиться меня представившейся возможности и послала тебя с твоими небылицами по поводу этой достойной и безобидной юной девушки.

– Честно, босс, я ни малейшего понятия не имею, что несет этот... чужак. Я честно все выложил. Услышал, что моя грязная шлюха...

Заревев от гнева, Пират Лафит ударил Джейка с такой силой, что тот вылетел на улицу. А затем вынул из-за пояса хлыст и принялся охаживать лежащего с такой силой, что рубашка и жилет Герцога намokли от пота к тому времени, когда он закончил.

Тяжело дыша, повернулся к Даргеру и Довеску и коснулся пальцами края шляпы.

– Господа. Мы поговорим позже, когда я не буду столь охвачен чувствами. Сегодня, в пять часов, у меня в офисе. У меня к вам есть предложение.

Затем он повернулся к Тони.

– Мисс Петикотс, прошу прощения, что вам пришлось стать свидетельницей такому.

И решительно ушел прочь.

– Ого! – выдохнула Тони. – Он отколошматил Джейка так, что тот был в дюйме от того, чтобы расстаться со своей никчемной жизнью. Никогда в жизни не видела более романтического зрелища.

– Как ломовую лошадь? Романтично? – переспросил Даргер.

Тони одарила его высокомерным взглядом.

– Ты же не слишком понимаешь глубины женского сердца, так ведь?

– Определенно, – ответил Даргер. – И, похоже, не пойму никогда.

Валявшийся на улице Джейк начал с трудом подыматься.

– Простите меня, – сказал Даргер, подходя к побитому и окровавленному мужчине и помогая ему встать. Что-то тихо добавил и, отсчитав несколько купюр из пачки, сунул тому в руку.

– Что ты ему дал? – спросила Тони, когда он вернулся в кафе.

– Строгое предупреждение выдал, более нам не мешать. И семнадцать долларов. Сумма достаточно оскорбительная, чтобы, несмотря на раны, он рассказал свою историю, все более неправдоподобную, Мастеру Боунсу и Мадам-мэру.

Тони рывком обняла Даргера и Довеску.

– Ребята, как же вы добры ко мне. Люблю вас обоих, до невозможности.

– Однако, похоже, нам рано расслабляться, – сказал Довесон. – Судя по посланию Мадам-мэра Трежоли, она будет здесь прямо сейчас. Что, если мне будет позволено так сказать, чертовски своеобразно.

– Должно быть, что-то произошло, – сказал Даргер, прищуриваясь и глядя в небо. – Трежоли нет, подходит время встречи с Мастером Боуном. Оставайтесь здесь, на случай, если Мадам-мэр все-таки придет, а я повидаюсь с хозяином зомби, погляжу, что он скажет.

– А я пойду в комнату, чтобы платье поправить, – сказала Тони.

– Поправить? – спросил Довесок.

– Немного потуже, и чтобы капельку побольше грудь показывало.

– Твоя роль – девушка скромная и невинная, – встревоженно сказал Даргер.

– Скромная и невинная девушка, которая втайне мечтает, чтобы главный негодяй мира научил ее всем грешным делам, о которых она слышала, но даже представить себе не может. Я такую роль уже играла, джентльмены. Поверьте, таких людей, как Пират Лафит, привлекает не невинность сама по себе, а мучительное желание совратить эту невинность.

И она ушла.

– Какая замечательная юная леди наша мисс Петикотс, – сказал Довесок.

Даргер скривился.

После того как Даргер ушел, Довесок откинулся на спинку стула и принялся лениво поглядывать на проходящих людей. Но занимался этим не слишком долго, заметив хорошенькую женщину в противоположном конце кафе, которая смотрела на него не отрываясь. Он поглядел ей в глаза, она смутилась и поспешно отвернулась.

На основе изрядного опыта Довесок знал, что означают такие взгляды. Оставив на столе деньги в оплату завтрака, он неторопливо подошел и представился юной леди. Та не оставила незамеченным его внимание и после достаточно короткого разговора пригласила в свою комнату в отель поблизости. Изобразив удивление, Довесок согласился.

То, что случилось потом, случалось уже неоднократно в его богатой событиями жизни, но от этого оно не стало менее приятным.

Однако, выйдя из отеля, Довесок встревожился, когда к нему внезапно подошли и схватили за руки два канадских обезьяночеловека, одетые в форму громилы, ростом за два метра, покрытые рыжей шерстью.

– Похоже, ты тут немного развлекся с одной из местных потаскух, – сказала Мадам-мэр Трежолли. Благожелательности в ее голосе было еще меньше, чем обычно.

– Достаточно жесткая характеристика для леди, которая, с моей точки зрения, может быть весьма высоких моральных принципов. Кроме того, хочу спросить, по какой причине я задержан таким грубым способом.

– Со временем. Сначала скажи мне, было ваше свидание оплачиваемым или нет.

– Я думал, что нет, в самом разгаре его. Но после она показала мне свою профсоюзную карточку и сообщила, что в соответствии с правилами должна взять меня с деньги не только за проведенное время, но и за позицию, в которой это делалось. Я, конечно же, был ошеломлен.

– И что ты сделал?

– Безусловно, заплатил, – возмущенно ответил Довесок. – Я же не подлец!

– Тем не менее, женщина, с которой ты совокуплялся, не является зарегистрированным членом Международного Сестричества Проституток, Дам Полусвета и Распутниц. Что означает, что, хотя никто и не возражает против твоего сексуального поведения, если оно не оплачивается, заплатив ей, ты участвовал в деятельности, нарушающей правила профсоюза. А это противозаконно, сэр.

– Очевидно, вы меня подставили. В противном случае вы бы ничего этого не знали.

– Неверно и то, и то. Сейчас имеет значение то, что у тебя есть три вещи, мне необходимые. Девушка с родимой отметиной, ящики с деньгами и знание того, как их использовать, чтобы сделать их пригодными к обращению.

– Теперь понял. Без сомнения, Мадам-мэр, вы пытаетесь меня подкупить. Уверяю вас, что никакое количество денег...

– Денег? – переспросила Мадам-мэр, коротко и жестко усмехнувшись. – Я предлагаю тебе нечто, куда более ценное. Твой разум.

Она достала шприц.

– Люди считают, что экстракт, превращающий человека в зомби, целиком получен из рыбы фугу. На самом деле там имеются атропин, дурман и еще дюжина прочих препаратов, смешанные в такой пропорции, что ощущения будут очень неприятными, с гарантией.

– Угрозы на меня не действуют.

– Пока что. Но после того, как ты вкусишь, что тебе предстоит, уверена, согласишься. Где-нибудь через неделю я заберу тебя обратно с полей. Тогда и договоримся.

Обезьянообразные охранники Мадам-мэра Трежолы крепко держали Довеска, и он не смог вырваться. Она поднесла шприц к его шее, и Довесок почувствовал болезненный укол.

Мир исчез.

Тем временем Даргер взял напрокат мегатерия с паланкином и зомби-погонщиком и ехал мимо бесчисленных рядов сараев, загонов и навесов для кормления зомби на краю города. Мастер Боунс показал ему высокие, по грудь, корыта, которые наполняли помоями утром и вечером, и лежащие рядами жестяные ложки, которыми ели бедные создания.

– Когда кто-то из моих милашек поест, ложку убирают, моют и стерилизуют, прежде чем использовать снова, – сказал Мастер Боунс. – Соблюдаются все предосторожности, дабы они не передавали друг другу заразные болезни.

– Очень человечно, сэр. Не говоря уже о том, что совершенно правильно с точки зрения бизнеса.

– Вы меня хорошо понимаете.

Они вышли наружу, где пара зомби, мужского и женского пола, в превосходном состоянии, идеально подходящие друг к другу по росту и цвету волос и кожи, ожидали их, держа зонтики.

– Скажите мне, мистер Даргер, как бы вы оценили пропорцию между гражданами Нового Орлеана и зомби?

Даргер задумался.

– Примерно поровну? – предположил он.

– Шесть зомби на одного полноценного гражданина города. Конечно, кажется, что меньше, учитывая, что большая часть зомби работает на полях и они редко появляются в городе. Но я могу наводнить ими город, если пожелаю.

– И зачем, ради всего святого, это бы вам понадобилось?

– У вас есть нечто, чего я желаю, – вместо ответа сказал Мастер Боунс.

– Могу предположить. Уверяю вас, никакое количество денег не может купить у меня то, что по определению является количеством денег, куда большим. Так что нам нечего обсуждать.

– О, а я считаю, что есть, – сказал Мастер Боунс, показывая на ближайший загон, внутри которого стоял бык изрядного размера и силы. Темного цвета с серой полосой по спине, он был увенчан длинными и острыми рогами. – Это евразийский аурах, предок современных домашних коров. Последние вымерли в семнадцатом столетии на территории Польши, и вид был генетически восстановлен лишь столетие назад. В силу его буйного характера он непригоден в качестве мясного скота, но я держу для разведения небольшого стада, поставляя их в Республику Баха и другие мексиканские государства, где все еще популярны бои быков. Бастардо – особенно агрессивный представитель своего вида. А теперь поглядите на соседний загон.

В соседнем загоне было множество рабочих-зомби, и пахло оттуда просто невыносимо. Зомби стояли неподвижно, глядя в никуда.

– Они не выглядят сильными, не так ли? По отдельности – нет. Но сила в количестве.

Подойдя к ограде, Мастер Боунс шлепнул зомби ладонью по плечу.

– Открой ворота между твоим загонем и соседним.

Когда ворота были открыты, Мастер Боунс сложил руки рупором у рта.

– Всем! Убить ауроха. Живо! – крикнул он.

Без энтузиазма, но и без нерешительности человеческое содержимое загона потекло в соседний, на огромного зверя. Злобно ревя, Бастардо затоптал нескольких копытами. Остальные продолжали прибывать. Бык наклонил голову и пронзил рогом одно тело, а затем резко поднял голову, подкидывая свежий окровавленный труп в воздух. Но зомби продолжали идти.

Мощная голова поднималась и опускалась, снова и снова. Летели тела. Но другие зомби уже забрались быку на спину, схватили его за ноги и за бока, мешая двигаться. В реве огромного зверя слышался оттенок страха. Поверх тел забравшихся на него залезали все новые, ноги быка не выдержали веса и подогнулись. По бокам быка стучали кулаки, руки тянули его за рога. Бык сопротивлялся и уже почти встал, а потом снова упал, поглощенный морем тел, сокрушающим его.

Когда аурох упал в первый раз, Мастер Боунс захихикал. Смеялся все более злорадно и расплакался от смеха, всхрипывая, так его веселило это зрелище.

Аурох издал пронзительный вопль боли... и воцарилась тишина, нарушаемая лишь стуком кулаков по трупам зверя.

Утерев слезы рукавом, Мастер Боунс снова сложил ладони рупором.

– Очень хорошо. Отлично получилось. Благодарю вас. Остановитесь. Вернитесь в ваш загон. Да, именно так.

Он повернулся спиной к окровавленному телу быка и нескольким трупам зомби, недвижно лежащим в грязи.

– Я привык говорить прямо. Отдавай деньги и девчонку в это же время завтра утром, или ты и твой партнер вымрете, как аурохи, – сказал он Даргеру. – Нет силы более ужасной, чем безмозглая толпа. А я управляю самой огромной толпой в истории.

– Сэр! – возразил Даргер. – Необходимое оборудование еще не прибыло из Социалистической Утопии Миннеаполиса! Я никак не могу...

– Тогда я даю тебе четыре дня на размышление.

Одуловатое лицо хозяина зомби прорезала злорадная улыбка.

– Пока будешь решать, оставляю тебе этих двух зомби. Пользуйся ими, как хочешь. Они сделают все, что ты им скажешь. Способны выполнять весьма сложные приказания, но они не осознают их.

Затем он обратился к зомби.

– Вы слышали голос этого человека. Повинуйтесь ему. Но если он попытается покинуть Новый Орлеан, убейте его. Вы это сделаете?

– Если... покинет... убить... его.

– Да-а-а.

Что-то было не так.

Что-то было не так, но Довесок не мог понять, что именно. Он не мог сосредоточиться. Мысли были в полном беспорядке, и он не мог найти правильные слова, с которых начал бы порядок наводить. Так, будто он забыл, как думать. Тем временем его тело двигалось помимо его воли. Ему казалось, что иначе и быть не может. Но он все равно понимал, что что-то не так.

Восход, закат. Для него это не имело значения.

Его тело систематически работало, срезая сахарный тростник при помощи мачете. Работа происходила без участия его сознания, равномерно и постоянно. На подушечках лап

появились пузыри, набухли и лопнули. Ему было безразлично. Кто-то сказал ему работать, и он работал, пока время не остановилось. Мир покрылся туманом, но его лапы продолжали махать мачете сами по себе, а ноги сами по себе несли его к следующим растениям.

Тем не менее ощущение неправильности осталось. Довесок чувствовал себя будто оглушенный, как, наверное, чувствует себя бык, которому кувалдой меж рогов двинули, или единственный выживший в ужасающей катастрофе. Произошло что-то ужасное, и ему обязательно надо что-то с этим делать.

Еще бы знать что.

Вдалеке протрубил горн, и все рабочие вокруг него тут же прекратили работу. Как и он сам. Без спешки он присоединился к их безмолвной компании и медленно пошел обратно к навесам, где их кормили.

Возможно, он спал, возможно, и нет. Пришло утро, и Довеска понесло толпой к корыту с едой, где он проглотил десять ложек помоев по приказу зомби-надзирателя. Как и остальным, ему дали мачете, и все пошли в поле. И он снова принялся работать.

Шли часы.

Раздался цокот копыт и скрип колес. Рядом с Довеском остановилась телега, запряженная карликовыми мастодонтами. Он продолжал работать. Кто-то спрыгнул с телеги и вырвал мачете из его руки.

– Открой рот, – сказал голос.

Ему сказал... кто-то... не повиноваться приказам чужаков. Но голос звучал знакомо, хотя он и не мог понять почему. Его рот медленно открылся. Туда что-то вложили.

– Теперь закрой и глотай.

Рот совершил требуемое.

В глазах поплыло, и он едва не упал. Глубоко, в потаенных глубинах сознания, загорелась искра света. Она стала янтарной, будто уголек среди пепла потухшего костра. Становилась все больше и ярче, еще больше, пока ему не показалось, что внутри его светит солнце. Внешний мир приобрел четкость, а вместе с этим Довесок ощутил, что он, Довесок, имеет личность, отдельную от остальной реальности. Сначала он почувствовал зуд в глотке и во рту, пересохших, как пески Сахары. Потом понял, что перед ним стоит тот, кого он знает. И наконец понял, что этот человек – его друг и товарищ Обри Даргер.

– Как долго я... – начал Довесок, не в состоянии завершить фразу.

– Больше суток. Меньше двух. Когда ты не вернулся в отель, Тони и я очень встревожились и начали тебя искать. Новый Орлеан полнится слухами, так что, учитывая, что ты – единственная антропоморфированная собака на весь город, случай с твоим исчезновением был у всех на слуху. Но даже узнав, что тебя отправили работать на плантации сахарного тростника, мы не облегчили себе задачу, поскольку тут сотни квадратных миль полей. К счастью, Тони знала, где собираются мастеровые, которые могут знать, куда делся собакоголовый зомби. От них мы и узнали, где тебя искать.

– Я... понимаю.

Довесок постарался сосредоточиться на более важных вопросах.

– Мадам-мэр Трежоли, как ты мог догадаться, не намеревалась покупать у нас ящики с черной бумагой. Что с остальными лохами?

– Разговор с Пиратом Лафитом прошел хорошо. Тони разыграла его, как по писаному. А вот с Мастером Боуном все куда менее удачно. Тем не менее мы уговорили Лафита на цену, которая его практически обанкротит, а мы трое станем богачами. Тони сейчас отправилась с ним на побережье, дабы удостовериться, что он не передумает в последний момент. Само ее присутствие настолько кружит ему голову, что он будет просто не в состоянии рассуждать здраво.

– Ты уже не так осуждающе отзываешься о девушке, как раньше.

Скривив рот, Даргер небрежно сказал, что действительно вынужден признать то, что ошибся в ней.

– Тони растет на глазах, как я понимаю. Она стала прекрасным дополнением нашей команде.

– Это хорошо, – сказал Довесок. И тут заметил на заднем крае телеги двоих зомби, неподвижно сидящих на груди мешков.

– А зачем у тебя на телеге все это?

– Там соль. Очень много соли.

Когда они добрались до навеса для кормления, Довесок опрокинул корыто, выливая помой на землю. Затем по его команде принадлежащие Даргеру зомби поставили корыто обратно и наполнили его солью. Даргер тем временем взял банку с краской и нарисовал на стене сарая приблизительную карту Нового Орлеана. Нарисовал на ней три стрелки – к борделю Мадам-мэра Трежоли, офису Жана-Нажена Лафита на побережье и клубу, где по вечерам заседал Мастер Джереми Боунс. А затем сделал надписи у стрелок крупными печатными буквами.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ДОСТАВИЛ ВАС СЮДА
ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ПОМЕСТИЛА ВАС СЮДА
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ДЕРЖАЛ ВАС ЗДЕСЬ

А сверху написал сегодняшнюю дату.

– Вот, – сказал Даргер, закончив. Повернулся к подчиненным ему зомби. – Вам было сказано выполнять мои команды.

– Да-а-а, – безжизненно сказал мужчина.

– Мы должны, – сказала женщина. – Под... чи... нять... ся.

– Вот вам ложки для еды. Когда зомби-рабочие вернутся в хлев, накормите каждого из них ложкой соли. Соли. Отсюда, из корыта. Берете ложку соли. Приказываете открыть рот. Кладете в рот соль. Приказываете проглотить. Сможете это сделать?

– Да-а-а.

– Соль. Гло... тать.

– Когда все будут накормлены, обязательно сами съешьте по ложке соли, – сказал Довесок.

– Соли.

– Да-а-а.

Вскоре зомби пришли есть, и у них во рту вместо помоев оказалась соль. Их сознания начали чудесным образом очищаться. Десяток за десятком они читали написанное Даргером. Те, кто провел в заключении годы и даже десятилетия сверх срока, к которому их приговорили, вполне понятно, пришли в ярость. Которая определенно должна была подтолкнуть их к активным действиям.

– Солнце заходит, – сказал Даргер. Вдали виднелись возвращающиеся с полей зомби. – У нас как раз времени на то, чтобы вернуться в отель и принять взятку от Пирата Лафита, прежде чем начнется восстание.

Но, вернувшись в «Масон Фема», они увидели, что свет в номере потушен, а Тони Петикотс нигде нет. Как и Пирата Лафита.

Ящички с черной бумагой, сослужив свою службу, стояли по обе стороны двери в спальню Тони. Поспешно засветив масляную лампу, Даргер распахнул дверь. Посреди аккуратно заправленной постели лежала записка. Взяв ее в руки, он прочел вслух.

Дорогие мальчики!

Я знаю, вы не верите в любовь с первого взгляда, ведь вы оба Циники.

Но Жан-Нажен и я – Родственные Души, созданные друг для друга.

Я сказала ему, что такому Отважному мужчине не пристало заниматься Торговлей, имея собственные корабли, банки и пристани, и он согласился. Что он создан быть Пиратом согласно его имени, а я буду его Королевой Пиратов.

Прошу прощения за подставу с Черными Деньгами, но девушка не может начать новую жизнь, обманывая своего Муженька ни за что.

*С любовью,
Тони Петикотс*

P. S. Вы такие прикольные мальчики, оба.

– Скажи мне, Тони с тобой спала? – спросил Даргер после долгой паузы.

Довесок слегка испугался. Но затем положил лапу на грудь и твердо сказал, правда, стараясь не смотреть Даргеру в глаза:

– По моей просьбе – нет. Ты не хочешь сказать, что она...

– Нет. Конечно же, нет.

Снова наступило неловкое молчание.

– Ну, ладно, – сказал Даргер. – Как я и предсказывал, после всех наших усилий мы остались ни с чем.

– Ты забыл про серебряные слитки, – сказал Довесок.

– Вряд ли даже стоит...

Но Довесон уже стал на колени и начал копать под кроватью Тони. Вытащил три кожаные сумки и достал из них три слитка.

– Совершенно очевидно, что это...

Рывком открыв складной нож, Довесок царапнул каждый из слитков один за другим. Первый оказался свинцовым, покрытым серебром. А вот два других были серебряные. Даргер шумно выдохнул с невероятным облегчением.

– Тост! – воскликнул Довесок, вставая. – За женщин, благослови их Господь. Преданных, верных и непоколебимо честных! За образец всяческой добродетели, сэр!

Вдалеке раздался звук бьющегося оконного стекла.

– За это я выпью, – ответил Даргер. – Капельку, а потом делаем ноги. Думаю, нам надо избежать большой заварухи, которая уже началась.

Дэвид У. Болл

Бывший пилот, мастер по изготовлению саркофагов и бизнесмен Дэвид У. Болл посетил более шестидесяти стран на шести континентах, пересек пустыню Сахара четыре раза в ходе подготовки своего романа *Empires of Sand*, ездил по Андам в микроавтобусе «Фольксваген». Другие исследовательские поездки забрасывали его в Китай, Турцию, Алжир и на Мальту. Он работал таксистом в Нью-Йорке, устанавливал телекоммуникационное оборудование в Камеруне, реставрировал дома викторианского стиля в Денвере и качал бензин в Грэнд Титонс. Среди его романов-бестселлеров – эпический исторический роман *Ironfire*, уже упомянутый *Empires of Sand* и триллер на современную тематику *China Run*. Он живет с семьей на небольшой ферме в Колорадо, где после почти десятилетнего перерыва в писательской работе вновь выращивает свои небылицы.

Говорят, что на вкус и на цвет товарищей нет, но желание обладать красотой, особенно когда она стоит приличную сумму денег, может столкнуть вас с некоторыми весьма сомнительными личностями...

Дэвид У. Болл «Сертификат происхождения»

Письмо доставили в галерею Вольфа вместе с обычными для нее каталогами и объявлениями. На нем было написано «личное», так что секретарша Макса оставила его на столе нераспечатанным.

Макс вскрыл конверт здоровой рукой и достал письмо, аккуратно написанное от руки. «Дорогой мистер Вольф, я слышал, что вы хорошо разбираетесь в странных картинах и иногда их продаете. У меня есть такая, не уверен, что она много стоит, но я подумал, что Вы были бы не против посмотреть ее – и если Вы согласитесь, то мы могли бы сделать на ней дело. По-тихому, конечно же. Если Вас заинтересовало мое предложение, то пошлите письмо на абонентский ящик, указанный ниже. С уважением, Л. М.»

А затем Макс увидел фотографию. Моргнул, не веря своим глазам. Грудь сдавило, – от радости, печали и шока одновременно. Отбросив в сторону кипу бумаг, он положил фотографию на журнал записей. Открыл ящик стола, нашарил в нем увеличительное стекло и наклонился поближе к столу.

Фотография была сделана любительски, с плохим освещением, но это не играло роли. Макс знал эту картину, как должен был знать ее любой студент-историк. Прекрасное и проклятое творение, вышедшее из-под кисти безумца.

Числящееся пропавшим со времен Второй мировой.

Он выпрямился. Глаза слезились. Кружилась голова, и он начал шарить в кармане жилета в поисках таблеток.

Макс не слышал, как секретарша пожелала ему доброй ночи, не осознал, что за окнами стемнело. Его сознание кипело, он лихорадочно вспоминал историю. Нацисты, потом Штази, торговцы оружием и кардиналы Римско-Католической церкви. Сколько насилия и мерзости в прошлом этой картины. Он прекрасно понимал, какой будет следующая остановка в ее длинной и сложной истории. Здоровая рука задрожала. Макс Вольф снял трубку телефона.

Воскресным утром две недели спустя Макс ожидал клиента в частной студии неподалеку от храма Воскресения Христова в Колорадо-Спрингс.

Он сидел в мягчайшем кресле, которое едва не поглотило его небольшое тело. Несмотря на звукоизоляцию, услышал гром и ощутил, как здание содрогнулось, когда четыре тысячи воодушевленных молящихся начали топотать, хлопать в ладоши, смеяться, кричать и петь в храме поблизости. Служба была в самом разгаре.

Преподобный Джо Кули Барбер занимался спасением душ, и бизнес этот процветал. С помощью обаяния, внешнего вида и голоса, усиленного микрофоном, он создал империю, которая раскинулась в сорока семи государствах на шести континентах. Его воскресная программа «Верующим», простецкая смесь евангельских песнопений и притч, синхронно переводилась на шестьдесят восемь языков. Он опубликовал семнадцать книг, которые многие годы оставались бестселлерами. Его медиаотдел продавал компакт-диски, видео и футболки, и на каждом продукте была голографическая эмблема храма Воскресения Христова для защиты от подделок.

У него работали почти тысяча человек, среди которых бухгалтеров и людей с аттестатами MBA было не меньше, чем певчих в хоре, которых было 229. Это число было избрано им после явившегося ему откровения, случившегося тогда, когда он был на самом дне жизни – спившийся, обедневший и отчаявшийся. Тогда он уронил Библию, и она открылась на 229-й странице Нового Завета. Подобрал Библию, он прочел второй стих третьего послания Иоанна: «Молюсь, чтобы ты здравствовал и преуспевал, как преуспевает душа твоя».

Джо Кули предпочел понять слово «преуспевать» в его современном значении и построил на его основе свой лейтмотив. «Бог хочет, чтобы мы были богаты».

Он был не первым проповедником, призывающим к преуспению, но стал наилучшим из них («Слегка богаче князя мира сего», – как он иногда шутил). Он жил по законам своей проповеди. Ему принадлежали самолет «Гольфстрим», небольшой парк автомобилей, в числе которых были «Астон-Мартин» и «Бентли», а также то, что он обычно описывал как «скромную небольшую конеферму в Кентукки», где он выращивал чистопородных лошадей. «Я не проповедник конца времен, я проповедник лучшего из времен», – говорил он.

Вместе с богатством появились и противоречия. На каждый доллар, заработанный на служении, Джо Кули Барбер зарабатывал пять долларов в офшорных компаниях, скрытых среди непроницаемого переплетения отношений собственности. При всех его заявлениях, что из каждого доллара тридцать центов идут на миссионерскую деятельность, Налоговое управление США, Министерство юстиции и комитеты Конгресса начали с дюжину исследований его деятельности. Джо Кули Барбер все отрицал, великодушно указывая на то, что не найдено ни малейшего доказательства его незаконных действий. «Я богобоязненный и бесхитростный гуманист», – говорил он. Он кормил десятки тысяч голодных в Азии и Африке, миллионы таблеток от малярии с логотипом «Церкви Христа Воскресшего» спасали жизни грудных детей в Бангладеш и Ботсване. Ежегодные миссии обучали фермеров Малави и Танзании современным методам ведения сельского хозяйства, обеспечивали их тракторами и семенами, чтобы они сами могли прокормить себя. Он строил церкви в Замбии и открывал новые школы в Заире.

«Свора ничтожеств», так он обычно называл следователей и политиков в частных разговорах. Но он наслаждался их вниманием и процветал благодаря ему. Чем больше на него жаловались, тем больше к нему текло денег. «Ваши доллары мостят дорогу к вашему спасению, – проповедовал Джо Кули перед объективами телекамер. – Ваши доллары – суд Божий нашему служению».

– Макс, друг мой! – воскликнул Джо Кули, вытирая пот со лба после того, как он ворвался в студию полчаса спустя. – Прости, что задержал тебя.

– Все нет, – ответил Макс. – Серьезное дело. Никогда прежде не видел тебя за работой.

– Ты иудей? – спросил Джо Кули с широкой улыбкой.

– Нет.

– Тогда почему ты не приходишь сюда каждую неделю?

– Ехать далековато. Может, если бы ты твой самолет присылал...

– Незачем! – ответил Джо Кули, отправляясь в ванную комнату, чтобы привести себя в порядок. – Я не дальше, чем экран твоего телевизора.

Он вышел, на ходу вытирая руки.

– Ладно, давай к делу. Я едва поверил, когда ты позвонил.

Кули заговорил тише.

– Разве такое может быть? Караваджо?

Макс кивнул.

– Во всем мире есть около девяноста его картин. Как только я узнал об этой, сразу о тебе подумал.

– Я так понимаю, что это должно пройти скрытно?

– Исключительно для твоей личной коллекции, – ответил Макс. – Если, конечно, ты хочешь.

– Пошли в студию, – сказал проповедник, протягивая руку и помогая Максу встать. Эксперт по живописи взял трость. Его правая рука была искалечена, пальцы согнуты и расплющены. Закинув лямку портфеля на плечо, он взял в руку большой кожаный портфолио.

– Только не говори мне, что она у тебя прямо здесь, в этой папке! – воскликнул Джо Кули. Его глаза расширились. – Какая смелость!

– Едва ли, – ответил Макс. – Она хорошо упакована, твои люди сопровождали меня всю дорогу. Кроме того, я не слишком похож на лоха. Один раз нес 5 миллионов баксов через весь Манхэттен вот в этом портфеле. Всех происшествий было, что мне пытались помочь перейти улицу.

– Я не настолько доверчив, но понимаю, о чем ты, – сказал Джо Кули. Максу было семьдесят с небольшим, и ростом он был чуть выше метра пятидесяти. Всегда носил серую шляпу, а после многих лет, проведенных за изучением исторических документов и разглядыванием картин, с глазами у него было так плохо, что толстые линзы очков просто искажали черты его лица. Выглядел он, как старый добрый счетовод, но, несмотря на это, Джо Кули знал, что Макс – опытный переговорщик и человек с исключительным деловым чутьем. Макс руководил уважаемой во всем мире картинной галереей, регулярно посещая «Кристис» и «Сотбис». Однако самый прибыльный его бизнес таился в недрах подпольной коммерции, в мире, где люди, сторонящиеся известности, продавали и покупали произведения искусства или использовали их в качестве эквивалента крупных денежных сумм при покупке крупных партий наркотиков и оружия. Макс всегда мог найти нужную картину и согласовать условия сделки.

Они забрались в гольфкар, чтобы проехать через весь комплекс. Храм Воскресения Христова занимал участок в 28 гектаров земли рядом с Садам Богов. Помимо самого храма, здесь находились отделы по работе с пожертвованиями, вещательная студия, церковный колледж и музей. Гольф-кар проезжал через украшенные статуями сады, мимо прудов для созерцания, и Джо Кули постоянно махал рукой и выкрикивал приветствия прихожанам, наслаждающимся солнечным днем.

Музей был гордостью и отрадой Джо Кули Барбера. Он любил прекрасное, вещи, которые буквально кричали о славе Божией. Верил, что нет лучшего служения Всемогущему, чем собирать образы, прославляющие Его и Его Слово. Галереи были наполнены религиозным искусством всех эпох: мозаики из стекла, греческие иконы, иллюстрированные рукописи и раннехристианские тексты в свитках, картины Джотто, Рембрандта, Рубенса и Эль Греко. Были и собственные картины Джо Кули, написанные маслом, по большей части иллюстрации к библейским притчам о процветании, об Иове и Соломоне. Для Макса они были будто прыщи на стене, но эти экспонаты оказывались среди самых популярных.

А затем они вошли в убежище Джо Кули, нечто среднее между рабочим кабинетом и студией художника, с панорамными окнами с видом на окружающую местность. Вокруг большого стола для заседаний стояли скамьи, мольберты и книжные полки, заполненные редкими изданиями Библии и другими книгами в богатых кожаных переплетах.

Макс положил портфолио на стол, расстегнул защелки и вынул внутренний конверт. Картина была скромно завернута в мягкую белую хлопковую ткань. Макс развернул ткань и аккуратно поднял картину, а затем положил ее на мольберт. Отошел к стене и щелкнул выключателем. Картину залил мягкий свет.

Юный пастух Давид, с мечом в одной руке и окровавленной головой Голиафа, воина филистимлян, в другой. Лицо Голиафа сковала смерть, его глаза и рот открыты, на лбу ссадина, из разрубленной шеи капает кровь.

Джо Кули Барбер зачарованно глядел на картину в безмолвном восхищении.

– Она меньше, чем я думал, – тихо сказал он. – И темнее.

Макс достал из портфеля несколько толстых скоросшивателей.

– Я, конечно же, принес документы, подтверждающие происхождение, – сказал он, выкладывая скоросшиватели на стол. Затем вытащил из них стопки бумаги – вырезки, книги, рукописные документы.

Джо Кули знал, что все эти документы – для него. Макс у них не требовались.

– Начинай, мой друг-профессор, – сказал он. – Хорошо бы выпить. Виски? Вина?

– Просто воды.

Проповедник налил себе виски, затем воды Макс у и пододвинул стул.

– Его работы бывали очень мрачны. Отрубленные головы, как эта. Убийства, предательство, мученичество. Мгновения окончательного откровения. Это был его дар, запечатлеть такое мгновение. Эту сцену он писал раза четыре за всю его жизнь, и с каждым разом проявлялось его возмужание как художника, выраженное в этих двух лицах, – сказал Макс. – Вероятно, это вторая версия, та, в которой на лице Давида гордость в сочетании с глубочайшим смирением. Триумф Царства Небесного над силами Сатаны.

Макс провел по холсту изувеченной рукой, с любовью следуя линиям кисти Караваджо, будто подражая художнику за работой.

– Он был настолько уверен в себе, что очень редко делал эскизы, не то что другие художники. Писал жизнь, как она есть. Оставались пентименто, закрашенные места, где краска сильно выступает на холсте, вот, видишь, здесь и здесь. Каков гений, понимаешь? И все это он делал так быстро, что кто-то сказал, что его кистью водит сам Бог. А какой свет! Гляди, как цвет плоти переходит в тень, кроваво-красный переходит в черный, свет переходит во тьму и смерть. Такое мастерство света. Или мастерство тьмы, с какой точки зрения посмотреть.

– Конечно, света, – сказал Джо Кули Барбер. – Я никогда еще не видел, чтобы ты так обращался с картиной.

Макс смущенно улыбнулся.

– Не слишком много картин, подобных этой, не слишком много подобных художников. Его стиль был нов и великолепен, но настолько груб, что часто шокировал его покровителей из числа служителей Церкви, которые часто сетовали на его вульгарность и профанацию. Он брал себе моделями шлюх, написал Деву Марию в платье с низким вырезом. Писал у святых прыщи и грязные ногти. Элита Церкви считала его несносным. Они желали видеть в святых совершенство.

– Прямо как Сенат США, – тихо сказал Джо Кули, потягивая виски.

– Его жизнь была так же груба, как его картины. Мучимая душа. Некоторые думают, что безумие произошло от отравления свинцом из красок, другие же говорят, что его мучила его собственная гениальность. Как бы то ни было, жил он тяжело, пил и дрался на дуэлях. Ходил по шлюхам, играл, его таскали по судам. Напал на слугу в кабаке за плохое обслуживание, ткнул ножом судью в драке за проститутку. Убил служащего полиции, его подвергали пыткам, он сбегал. Другого бы в тюрьме сгноили за такое, но, хотя у Караваджо и были недоброжелатели в среде Церкви, были у него и могущественные покровители, например вот этот.

Макс открыл страницу книги по истории искусств, заранее заложенную. На ней был портрет священника аскетичного вида.

– Это Сципион Боргезе, племянник папы Павла V. Папы, который приказал Галилею отречься от еретических взглядов об устройстве Солнечной системы. Павел сделал его кардиналом-племянником, наделив невероятной властью. Умнейший, безжалостный и беспринципный человек. Кроме того, что Сципион был фактическим главой правительства Ватикана, он занимал несколько постов и имел несколько титулов, что делало его безмерно богатым. Он шантажировал мужчин и развращал их души. Вводил налоги и приобретал

поместья – целые деревни – путем вымогательства и папских эдиктов. Завел у себя обширную коллекцию порнографии, а его гомосексуальные наклонности позорили Церковь.

Джо Кули не сдержался и довольно усмехнулся.

– Почему-то та Церковь всегда преуспевала в воспитании отъявленных негодяев, – сказал он.

– Да, но, при всех его прегрешениях, он был великим покровителем искусств. Использовал свое богатство, чтобы построить величественную виллу, где были выставлены работы Рафаэля, Тициана, Бернини и Караваджо, его тогдашнего фаворита.

– Чем-то этот человек мне по душе, – сказал Джо Кули. – Конечно, кроме пристрастия к мальчикам. Все творится во славу Божию.

Макс взял в руку другую папку.

– Что же до этой картины, сначала она принадлежала Церкви, – сказал он. – Или, точнее, Церковь первой ее украла. Боргезе начал агрессивно скупать произведения искусства и учился пользоваться своей властью. Джузеппе Чезари, выдающийся художник, собрал серьезную коллекцию из более чем ста картин, в том числе несколько работ Караваджо, с тех пор как тот в молодости работал в его мастерской. Боргезе выяснил, что у Чезари также имеется коллекция аркебуз. Чезари был человеком безобидным и коллекционировал аркебузы ради их художественной ценности, но коллекционировать такое оружие было незаконно. Боргезе приказал арестовать Чезари и конфисковать его имущество. Чезари был приговорен к смерти. Приговор был отменен, но не ранее, чем Чезари согласился принести картины в дар Апостольскому Престолу. А спустя несколько месяцев папа отдал всю коллекцию кардиналу-племяннику.

– Примерно в это время Караваджо убил человека, считая, что тот обманул его во время игры в мяч. Сбежал из Рима, за его голову была назначена награда. Остаток жизни он провел в бегах, в надежде, что Боргезе когда-нибудь сможет добиться папского помилования. Будучи изгнанником, он написал одни из лучших своих картин. На Мальте писал картины для рыцарей-иоаннитов, сам стал членом ордена и был им, пока орден не заточил его в тюрьму за дуэли. Он сбежал, но в Неаполе подвергся нападению и был тяжело ранен, скорее всего, наемными убийцами, нанятыми орденом. Затем отправился обратно в Рим. Ему даровали помилование, но он умер от лихорадки, не успев узнать об этом.

Макс покачал головой.

– Ему было всего тридцать восемь. Представь себе, что еще он мог бы создать, проживи он еще лет двадцать.

Макс подвинул по столу большую папку.

– Что до нашей картины, Боргезе расстался с ней лишь потому, что получил другую версию, которую Караваджо прислал ему из изгнания. Эту же он использовал в качестве составной части взятки, которую дал польскому графу Красинскому. Вместе с ней отправились еще три картины, кисти Аннибале Карраччи, Рени и Ланфранко, а также украшенные драгоценными камнями реликварий исключительной ценности. Мы сверили данные с каталогом имущества графа Красинского. Перед смертью граф завещал картины и реликварий своему брату, который только что королевским указом был назначен епископом Стависким. Можешь убедиться, эти картины включены в каталог церковного имущества в 1685 году.

Макс достал лист из стопки.

– Тут, конечно же, по-польски написано, но я обвел нужные слова. – Картины и реликварий оставались в безопасности и неизвестности почти три столетия, пережив пожары и восстания. Большую часть этого времени о Караваджо не вспоминал никто, кроме историков, вплоть до двадцатого столетия, когда ученые наконец стали осознавать, каким гигантом живописи он был.

Джо Кули встал.

– Пора еще выпить. Точно не хочешь ничего покрепче?

– Еще воды. Мне еще долго рассказывать.

Макс открыл толстую папку, наполненную пожелтевшими документами и вырезками из газет. Первой в них была черно-белая фотография немецкого офицера. Макс подвинул ее по столу.

– Эсэсовец, – сказал Джо Кули. – Красив, дьявол.

Макс кивнул.

– Вальтер Бек. Эта фотография сделана вскоре после того, как ему присвоили звание штандартенфюрера, за год до окончания войны.

Джо Кули внимательно поглядел на вытянутое угловатое лицо и умные глаза.

– Идеальный немецкий офицер, – сказал он. – И, судя по взгляду, хладнокровный ублюдок.

Макс достал из скоросшивателя скрепленную стопку листов. Копия сообщения о рождении в берлинских газетах.

– Он был старшим сыном Отто Бека, выдающегося немецкого эксперта по продаже картин. Галерея Бека была одной из старейших в Берлине, ее основал дед Отто, как магазин товаров для художников. Продавал масляные краски, холсты и рамы. Художники всегда жили в бедности, так что Бек иногда обменивал материалы на их работы. Отец Отто занялся продажей картин. Бизнес процветал, и в 1900 году Бек перевел магазин в роскошное двухэтажное здание. Семья жила на втором этаже, а первый был целиком отдан галерее и мастерским, где мастерские Бека реставрировали и восстанавливали картины. Художники, коллекционеры и кураторы приносили туда поврежденные картины со всей Европы.

Вальтер работал у отца пару лет. Отлично соображал в бизнесе, но не питал особой любви к живописи. Молодой и амбициозный, он втянулся в социалистическую лихорадку тридцатых. Потом вступил в нацистскую партию. Отец возражал, но Вальтеру было плевать. Он хорошо понимал текущую политическую ситуацию и понимал место в ней Гитлера. Быстро продвинулся по партийной линии, и полученная в отцовской галерее подготовка привела его в Зондерауфтраг Линц.

– А теперь по-человечески, Макс.

– «Отряд специального назначения «Линц». Тайный проект Гитлера. Гитлер был художником, которому не хватало публичного признания, и поэтому он считал, что все картины Европы по праву принадлежат ему. Был одержим создать в Линце картинную галерею, сделать после войны этот город культурной столицей Европы. Перед войной его агенты посещали музеи, галереи и частные коллекции по всей Европе, создавая подробнейший список наиболее ценных произведений искусства. В результате у армии Гитлера было подробное руководство по поводу того, где и что следует конфисковывать – в качестве военного трофея, – как только немецкие войска занимали определенные территории. Бек помогал систематизировать руководство, в результате чего узнал, где хранится данная картина.

Бек мог провести всю войну в Париже, там, где всегда был наилучший выбор произведений искусства, но он был человеком заносчивым и однажды совершил ошибку, поспорив с самим Альфредом Розенбергом. Розенберг, один из самых влиятельных людей в Германии тех лет, признанный идеолог нацизма, добился того, что Бека направили на Восточный фронт. Он был превосходным офицером, но исключительно жестоким даже по меркам СС. Россия, Чехословакия, Польша – во всех этих странах Бек стал по окончании войны одним из самых разыскиваемых военных преступников.

Снова пожелтевшие вырезки, тексты на языках, которые Джо Кули даже распознать не мог. Видимо, восточноевропейские, подумал он. А некоторые определенно на иврите. И на всех одна и та же фотография. Подписей он прочесть не мог, но понимал, что это человек, на которого шла охота.

Немецкая колонна остановилась на пригорке неподалеку от старинной польской деревни Стависки. Пять грузовиков с солдатами, два танка и несколько других машин, остатки окруженных частей, сбившиеся вместе и отступающие. Штандартенфюрер СС Вальтер Бек вылез из открытой штабной машины с полевым биноклем в руках. Потянул ноги и хладнокровно посмотрел в бинокль на дорогу, тянущуюся позади. Русских не видно. Благодаря минам, заложенным солдатами Бека, они задержатся еще на пару часов, дав ему возможность сделать дело. Бек знал, что война безнадежно проиграна и скоро на него будут охотиться люди, которые ничего не забывают. Сдаться в плен означает подписать себе смертный приговор. Он будет скрываться, но сначала ему нужно найти средства, благодаря которым преследователи никогда не найдут его.

Он поглядел на деревню. На первый взгляд, война как-то миновала ее. Он увидел шпиль старой церкви и башню ратуши с часами позади него. Все выглядело совершенно мирно. Можно отправить солдат, чтобы они нашли то, что ему необходимо, но жители деревни наверняка давно и тщательно припрятали свое драгоценное сокровище. Времени на игру в прятки нет.

– Приведите деревенского священника, мэра и его семью, – приказал он унтерштурмфюреру.

– Яволь, штандартенфюрер.

– И двадцать пять жителей деревни, – добавил Бек.

Офицер уехал на грузовике с солдатами, а адъютант тем временем разложил походный стул и стол. Бек сел за стол с бутылкой вина в руке и повернулся лицом к солнцу, наслаждаясь теплом.

Грузовик вскоре вернулся и остановился неподалеку от Бека, который потягивал вино. Солдаты выкрикивали приказы, выталкивая из грузовика жителей деревни. Женщины, дети и старики. Священника, мэра, жену мэра, дочь мэра и маленького ребенка подвели к штандартенфюреру. Мэр, дородный мужчина с румяными щеками, священник, старый, худощавый и раздраженный.

– Я протестую, – начал мэр. – Мы люди мирные...

Солдат мгновенно ударил его в живот прикладом карабина. Мэр рухнул на колени и согнулся, судорожно дыша. Его начало тошнить.

– Неприятности не потребуются, если сделаете, как я скажу, – начал Бек. – Мне просто нужны несколько предметов из вашей церкви.

– Нашу церковь и так догола ободрали, – сказал священник. – Ничего ценного не осталось.

– Напротив, – сказал Бек. – Карраччи и Караваджо. Рени. Ланфранко.

Он улыбнулся.

– Память меня не обманывает? Подарки графа Красинского брату-епископу.

Дернувшееся лицо священника было единственным необходимым доказательством.

– Ваше превосходительство! – выпалил мэр с ярко-красным лицом. – Эти картины еще до войны были отправлены в Гдыню. Да, в Гдыню...

Он едва смог перевести дыхание.

– Помогите мне, святой отец, – сказал Бек священнику. – Вы наверняка помните. За декоративной стеной в крипте или под аккуратно сложенной кучей булыжника? Без сомнения, обыск даст результат. Наверняка где-то рядом с реликварием, подозреваю.

Бек отпил вина.

– Который, кстати, я тоже заберу, но можете оставить себе его содержимое. Палец святого Вараввы, если я не ошибаюсь? Или, может, ребро Ядвиги, или волос Казимира,

или палец ноги Саркандера? Простите, но я не могу помнить все подробности. И подумать не могу, чтобы лишиться подобную драгоценную реликвию вашего почитания.

Бек поглядел на часы.

– Но, боюсь, у меня очень мало времени. Большевики наступают.

– Мы не можем отдать то, чем не обладаем, – сказал священник.

– Что ж, хорошо, – сказал Бек, вставая и сбрасывая кожаные перчатки на стол. Открыл кобуру и вынул свой «люгер». Выбрав в толпе старика, выстрелил в него. Рядом со стариком рухнула на колени женщина, подвывая от горя. Старик корчился в предсмертных конвульсиях. Бек пристрелил и женщину. Жители деревни заголосили. Солдаты Бека мгновенно окружили их, вскинув оружие на изготовку.

– Итак, святой отец? – спросил Бек. – Чем вы готовы пожертвовать, чтобы защитить несколько картин? Какова в вашей церкви цена холсту, масляной краске и паре побрякушек? Десяток жизней? Или все присутствующие? Или вы желаете сделать мучениками всю деревню?

Священник закрыл глаза и перекрестился, склонив голову в молитве. Бек приставил «люгер» к его виску. Священник вздрогнул от прикосновения горячего металла, но продолжил молитву. Оценив вероятность того, что только священнику известно, где спрятано желаемое, Бек убрал пистолет в кобуру и повернулся к стоящему на коленях мэру.

– Вы не представили меня своей семье, – сказал он, подходя к молодой женщине с ребенком. – Ваша возлюбленная дочь, как я понимаю?

Толстые щеки мэра задрожали от страха. Его дочь ахнула и отшатнулась, прижимая к себе ребенка. Младенец заплакал.

– Пожалуйста, нет, – тихо взмолилась она. По ее щекам текли слезы.

Бек умилился, глядя на младенца.

– Какой чудесный ребенок. Ты, должно быть, им гордишься.

Забрав у женщины ребенка, он пошел к краю насыпи, усеянному острыми камнями, подбрасывая ребенка вверх и ловя, будто заботливый дядюшка. Плач ребенка перешел в визг.

Мать ребенка застонала и обмякла.

– Святой отец, скажите им, – взмолилась она, обращаясь к священнику.

Бек подбросил ребенка еще выше. Тот душераздирающе вопил. Женщина упала в обморок, другая женщина закричала.

– Да, святой отец, – сказал Бек сквозь вопли ребенка. – Скажите.

Священник молился.

Бек подбросил ребенка еще выше. Малышка завывала.

– Умоляю вас, – проговорила дочь мэра, ползя в сторону Бека на коленях. – Не причиняйте вреда моей малышке.

Солдат преградил ей путь.

Ребенок подлетел в воздух еще выше, а потом еще выше. Мать и ребенок истерически вопили.

– Ежи, прошу! Во имя любви Господней, дай ему то, что он хочет! – взмолилась жена мэра, обращаясь к мужу.

Бек едва не промахнулся, грубо поймав ребенка одной рукой. Малышка извивалась и брыкалась, яростно подвывая.

– Очень трудно, на самом деле, – сказал Бек. – Не уверен, что поймаю ее в следующий раз.

И снова принялся подкидывать младенца.

– Да! Мы вам покажем! – крикнул мэр.

– Нет! – отрезал священник. – Молчите!

Мэр не обращал на него внимания, умоляюще глядя на Бека.

– Если мы сделаем все, как вы скажете, вы оставите в покое деревню? Вы отпустите всех нас?

– Мне более ничего от вас не надо. Даю вам слово.

Десяток солдат отвезли мэра и священника обратно в деревню. Бек вернул младенца матери и снова сел, греясь на солнце. Спустя сорок минут, когда унтерштурмфюрер доложил, что видит приближающихся русских, грузовик вернулся, подсакивая на ухабах дороги. Внутри него уже был драгоценный груз.

Священник молча глядел, как Бек рассматривает реликварий, изящный ларец из слоновой кости и золота, сверкающий рубинами и жемчугом, а затем каждую из картин. Именно те, которые и ожидал увидеть Бек.

Когда все было погружено, Бек сложил стул и убрал в штабную машину.

– Можете идти, – сказал он мэру. – И лучше спрячьтесь побыстрее, поскольку ваши новые хозяева, русские, как я слышал, не очень-то любят поляков.

Заревели моторы, жители деревни, подобрав мертвых, двинулись вниз с холма.

Подошел унтерштурмфюрер.

– Ожидаю команды, штандартенфюрер, чтобы исполнить ваши приказания.

Танковые орудия уже были наведены на деревню, чтобы выполнить приказ о тактике выжженной земли, отданный немецким командованием.

– Было бы непростительно разрушить столь живописную деревню, – сказал Бек. – Столетия истории не должны превращаться в развалины. Оставим Стависки на забаву русским.

– Только вон тех наших друзей, – добавил он, кивнул в сторону уходящих жителей. – Более ничего.

Машина Бека тронулась, а у одного из грузовиков откинули брезентовый борт. Загрохотали пулеметы.

Спустя полчаса крики прекратились, пыль и дым осели. Тишину на поле у деревни нарушал лишь гул приближающейся колонны русских войск.

Джо Кули Барбер положил на стол фотографию каменного мемориала перед церковью в Стависки, воздвигнутого в память убитых во время войны жителей.

– Боже мой, – тихо сказал он. – Я думал, они так только с евреями поступали.

Потом взял вырезку из южноамериканской газеты, на которой была фотография Бека.

– Значит, Бек сбежал в Южную Америку, прихватив картины?

– Не все так просто. Потребовалось некоторое время и работа со множеством источников, чтобы сложить все воедино. Рапорты армии США, документы ЦРУ, репортажи журналистов, все в таком роде. А затем и это.

Макс полистал стопку увеличенных изображений с микрофильмов, черно-белых и едва читаемых.

– В семидесятых годах мы нашли – вернее, это сделали в Штази, тайной полиции Восточной Германии, – собрание документов, спрятанное в подвале одного дома в Берлине, в советском его секторе. Они стали частью секретных архивов Штази, а после падения Берлинской стены были опубликованы, как и тысячи других. Там оказался и дневник, который вел Генрих, младший брат Вальтера Бека, который был слишком молод, чтобы отправиться на войну. Вот его копия.

– На немецком, – сказал Джо Кули. – На английском никто не мог написать?

– Перевод на обратной стороне.

Беки всегда хорошо вели бизнес. После Первой мировой гордым немцам пришлось распродавать семейные наследия, чтобы выживать в условиях ужасающей инфляции. К тридцатым годам в ход пошли не только картины, но и серебряная посуда и ювелирные украшения. С приходом к власти нацистов эта торговля стала еще интенсивнее. Даже евреи

продавали Беку свои ценности, и даже после Хрустальной ночи в 1938 году, когда вести дела с ними стало слишком опасно. Отто Бек не обманывал евреев, но понимал, что часто получает выгоду из их уничтожения. В 1940 году, когда уже шла война, его бизнес процветал, как никогда прежде. Офицеры возвращались с фронта с военной добычей, продавая все – картины, гобелены, золото и серебро. Бек платил хорошую цену. К его магазину постоянно подъезжали лимузины членов правительства и высших армейских чинов. У него покупали картины агенты, работавшие лично для Гитлера. Постоянно появлялся Геринг. Отто Бек продавал им то, что они хотели, но в личных беседах посмеивался над вкусами нацистов в области искусства.

– Матисс, Ван Гог, Кандинский, Клее. Боже мой, в его руках скоро будет весь мир, а фюрер предпочитает картины охоты и натюрморты, – говорил он младшему сыну.

Генриха совершенно не интересовали оружие и игры в войну, которыми увлекалось большинство детей его возраста. Он любил картины, проходившие через галерею Беков. Отправился вместе с отцом в Париж в возрасте всего восьми лет, и Отто Бек никак не мог вытащить его из Лувра.

С тех пор как он вырос достаточно, чтобы держать в руке кисть, Генрих каждую свободную минуту посвящал живописи. Он был аккуратен от природы и проявил заметный талант, если не гениальность. Один из сотрудников отца посоветовал ему оттачивать технику живописи, копируя свои любимые картины. Генрих больше всего любил барокко. После полудюжины попыток у него получилась исключительно хорошая копия картины Веласкеса. Лишь благодаря разнице между свежей краской и старой, с кракелюром, трещинами, возникающими с течением времени, лишь самые лучшие реставраторы, работавшие у его отца, были в состоянии отличить копию от оригинала. Если бы не помешала война, Генрих Бек мог бы стать известным художником.

Он в деталях изучил бизнес отца, помогая реставраторам устранять отметины, оставленные на картинах войной. Отпечатки сапог, глубокие царапины, аккуратные дырки от пуль и рваные края холстов, после того, как бесценные картины вырезали из рам армейскими ножами. Безмолвные свидетельства войны, которой он не видел в лицо.

Но затем начались бомбардировки союзной авиации, и война стала ближе. Отто переехал в подвал – с семьей, картинами и оборудованием. Мастерские были заполнены рамами и холстами под потолок, семья спала в крохотной комнате на койках. Перекрытия гудели и дрожали, когда начиналась бомбежка, но работа не останавливалась.

Клиенты галереи с каждой неделей становились все более нервными, пытались создать финансовую основу для бегства, обеспечить новые документы или хотя бы просто выжить. Картины, столовое серебро и деньги рекой текли в галерею Бека в течение зимы 1944/45 годов.

«Война совсем рядом. Наш дом пахнет масляными красками, стряпней матери и страхом», – написал Генрих Бек в дневнике.

Как-то ночью весной 1945 года Генрих, оторвав взгляд от мольберта, увидел стоящего в полумраке человека. И сразу его узнал.

– Вальтер!

Пришел Отто, из другой комнаты, где он работал с бухгалтерскими ведомостями. Последний раз они видели Вальтера еще в начале войны, в 1941 году, когда нацистское командование только собиралось открыть Восточный фронт. Тогда он был в черной форме СС. Сейчас же он был в гражданском.

Исхудавший, с жестким лицом, пахнувший табаком и алкоголем.

– Вальтер? – обратился к сыну Отто. – Ты в порядке?

– У меня есть вещи, которые вы сохраните для меня.

– Куда ты собрался? – спросил сына Отто Бек.

Вальтер ничего не ответил, шагнув в сторону. Вошли двое мужчин с ящиком в руках.

– Я тебе вопрос задал, Вальтер, – раздраженно сказал Отто. Отто был хозяином в доме, а Вальтер – его сыном, эсэсовец он там или кто. – Куда ты...

Вальтер закатил отцу пощечину, такую, что тот упал.

– Козел! – рявкнул он. – Сделай так, чтобы этот ящик хранился в безопасном месте.

Ты понял?

Отто был настолько ошеломлен, что не ответил.

– Да, я тебя слышал, – тихо ответил Генрих вместо отца. – Мы о нем позаботимся. Я обещаю.

Вальтер развернулся и пошел вверх по лестнице. Осмелев немного, Генрих пошел следом.

– Вальтер, погоди! Ты теперь генерал? Что ты делал на войне? Тебя не ранили? Насколько близко русские? Ты не голоден?

Вальтер Бек ушел в ночь, сев на заднее сиденье ждавшей его машины. Машина быстро уехала, и следующий вопрос так и не сорвался с губ Генриха.

У Отто Бека текла по губе кровь и появился синяк на скуле. Генрих помог ему сесть в кресло, побежал за водой и салфеткой. Отто махнул рукой, глядя на опустевшую лестницу и думая о жене, которая спала.

– Не говори ей, что он здесь был, – попросил он. Отто Бек более не сказал о Вальтере ни слова всю свою оставшуюся жизнь.

Ящик спрятали в погребе еще ниже подвала, там, где Отто хранил самые ценные картины. Стены погреба были обиты железом и герметизированы, чтобы избежать сырости. Картины оставались там и после войны, долгое время, уже после того, как русские пришли сюда в поисках Вальтера. Возмездие русских бывшим эсэсовцам было жесточайшим, особенно для таких, как Вальтер Бек, «прославившихся» на Восточном фронте.

Настал день, когда русские солдаты вломилась в дом. Отто едва успел толкнуть сына на лестницу в подвал и закрыть люк. Русские избили Отто до смерти и застрелили его жену. Разнесли на куски галерею, но были слишком пьяны и ничего не соображали, так что не нашли люка в подвал, где, дрожа, прятался Генрих наедине с сокровищами. Три месяца они мочились на бесценные полотна и пили водку, а Генрих прятался у них под ногами, выживая на джемах, черством хлебе и воде из бочки, пахшей соляжкой, слушая, как русские играют на балалайке. Вылезал наверх он лишь тогда, когда они спали или уходили в патруль.

– Боже мой, – сказал Джо Кули. – Как же парень смог пережить такое?

– Ему повезло больше, чем многим, – сказал Макс. – Он остался в живых.

Когда русские ушли, Генрих снова занялся отцовским бизнесом, приспособившись к новым реалиям жизни в Восточном Берлине. Шли годы, Генрих ничего не слышал про Вальтера и решил, что брат либо мертв, либо в плену в Советском Союзе, что означало почти то же самое. Но однажды в галерею пришел человек с письмом от Вальтера, в котором тот сказал, что Генрих должен отдать ящик посланцу.

– После этого записи в дневнике Генриха продолжались лишь пару месяцев, – сказал Макс. – Последняя запись была сделана за два дня до того, как в галерею вломилась сотрудики Штази. Вероятно, они знали о его сделках на черном рынке. Дальнейшей информации о Генрихе у нас нет. Он исчез.

Макс помолчал, отпив воды. Снял очки и потер глаза.

– Вальтер тоже исчез, но оказалось, что он получил немалую помощь из весьма неожиданных источников.

Он взял другой документ, рассекреченный рапорт из архива армии США, и продолжил рассказ.

Вальтер Бек был взят в плен американскими военными по дороге в Северную Италию. По документам он числился как Хорст Шмидт, капеллан вермахта. Допрос, проведенный лейтенантом армии США, едва начался, когда Бек, тяжело больной, поскольку по дороге подхватил грипп, к счастью своему, упал в обморок. Его отнесли в лазарет. После выздоровления в результате ошибок в документации его отправили в лагерь военнопленных общего режима без дальнейших допросов. Ни разу даже не закатали ему рукав, а то увидели бы в подмышечной впадине эсэсовскую татуировку – группу крови. После освобождения военнопленных он провел три года, работая в оливковой роще на ферме, принадлежавшей его товарищу по СС, одной из многих в подпольной системе, созданной для укрытия бывших нацистов. Как-то раз он получил конверт, в котором было удостоверение сотрудника Красного Креста и разрешение на въезд в Аргентину. Это было сделано благодаря Алоизу Хюдалю, австрийскому католическому епископу.

В мае 1948 года он взошел на борт хорватского грузового судна, которое отправлялось в Буэнос-Айрес. Там его приняли к себе немецкие беженцы, скрывавшиеся среди аргентинской католической общины. Ему дали работу на фабрике по изготовлению седел, но вскоре обширные знакомства и связи предоставили ему возможность работать на правительство Перона, которому были очень необходимы опытные люди, такие как Бек, чтобы готовить военные кадры. Вскоре Бека перепродали ЦРУ, и управление платило ему за информацию о людях, с которыми он был знаком по прежнему месту жительства, оказавшемуся теперь в Восточном Берлине. Вскоре Бек зажил роскошно, с удовольствием служа двум господам. Женился на женщине с богатым наследством и думал, что его будущее безоблачно.

Но где-то лет через десять все начало портиться. Американцам надоело платить за слухи, да и денег у них стало меньше. А затем группа израильского спецназа выкрала Адольфа Эйхмана, жившего совсем неподалеку от Бека.

Аргентина перестала быть безопасным местом. И деньги были нужны. Бросив жену, даже не попрощавшись, он ушел в глубокое подполье. Прятался в подвале дома, принадлежащего аргентинскому дипломату, сочувствующему ему. Используя связи, он отправил в Берлин человека, чтобы тот пришел в отцовскую галерею и забрал спрятанные картины, которые он оставил там в 1945 году. Ящик доставили в Аргентину с дипломатической почтой. Это было дорого, но нацисты часто так поступали, чтобы организовать контрабанду из Европы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.